№ 1 2016

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кемеровский государственный университет
Факультет политических наук и социологии
Кафедра политических наук

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ежеквартальный научный журнал

Кемерово
2016

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-53047 от 04.03.2013

Учредители: ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ

Заместитель главного редактора: Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор (КемГУ)

Редакционный совет:
Туровский Р. Ф., д-р полит. наук, профессор (ВШЭ)
Дугин А. Г., д-р полит. наук, профессор (МГУ)
Коняхин Г. В., д-р полит. наук (Россия, Кемерово)
Коновалов А. Б., д-р ист. наук, профессор (КемГУ)
Желтов М. В., д-р соц. наук, профессор (КемГУ)
Бирюков С. В., д-р полит. наук, профессор (КемГУ)
Грегори Глисон, д-р, профессор (PhD) (США, ун-т Нью-Мексико)
Раймунд Кремер, д-р, профессор (PhD) (ФРГ, ун-т Потсдама, главный редактор журнала WeltTrends)
Вольфганг Грабовски, д-р, профессор (PhD) (ФРГ, Берлин, Фонд Розы Люксембург)
Хуберт Тилике, д-р (PhD) (ФРГ, Берлин, главный редактор издания WeltTrends-Special)
Од Мерлин, д-р, профессор (PhD) (Бельгия, Свободный ун-т Брюсселя)
Чжай Децюань, д-р, профессор (PhD) (Китай, Пекин, МИД КНР)
Ченг Жунью, д-р, профессор (PhD) (Китай, ун-т Шанхая)
Ачин Ванаик, д-р, профессор (PhD) (Индия, ун-т Дели)
Нуртазина Р. А., д. полит. наук, профессор (Казахстан, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана)
Савин Л. В., канд. полит. наук, доцент (МГУ)
Савин В. В., канд. экон. наук, канд. психол. наук (директор ФМПРКТП, Москва)
Ремизов М. А., канд. филос. наук (директор Института национальной стратегии, Москва)
Солозобов Ю. М., политолог, эксперт (Институт национальной стратегии, Москва)
Межуев Б. В., канд. филос. наук, доцент (заместитель главного редактора газеты «Известия», Москва)

Редакционная коллегия:
Шиллер В. В., канд. ист. наук, доцент (отв. редактор)
Поддубиков В. В., канд. ист. наук, доцент
Иуков Е. А., канд. полит. наук, доцент
Барсуков А. М., канд. полит. наук, доцент
Шапкина Е. В., канд. полит.наук
Вольхина В. А.
Огнев Д. А.
Усольцев С. В.
Бирюкова Н. Ю.

Адрес редакции: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6. ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Адрес редакции журнала: Кемерово, ул. Терешковой 40, к. 4101. Тел.: (384-2) 54-49-33
E-mail: shiller-vadim@yandex.ru.

ISSN 2309-7337

© Факультет политических наук и социологии КемГУ, 2016
© Авторы научных статей, 2016

Все статьи проверены с помощью системы «Антиплагиат. ВУЗ». Публикуются в авторской редакции.
Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Гомеров И. Н. Политическая субъектность: предпосылки определения понятия 5

Курманалиев К. А. Формирование нового подхода в работе с мультимедийной технологией 13

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

Желтов В. В., Желтов М. В. Чарльз Райс Миллс – видный американский социолог и политолог (краткий биографический очерк) 19

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Бирюков С. В., Барсуков А. М. The prospects of Eurasian economic union enlargement 32

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Чирун С. Н., Тихонов В. А. Физкультурно-спортивная политика современной России: проблемы реализации 36

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Усупова Н. С. Внешняя миграция как фактор решения социальных проблем в Кыргызской республике 49

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Курбанова Н. У., Карасартова Ч. Ж. Государственная политика в религиозной сфере Кыргызской республике 54

ГОТОВИМСЯ К ЗАЩИТЕ

Асанов Ы. Дж. Реформирование системы здравоохранения в суверенном Кыргызстане: проблемы и последствия 59

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Барташевич А. А. Методы диагностики экстремистских проявлений учащейся молодёжи Кузбасса (на примере мониторинга экстремистских проявлений) 64

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Кубасов В. В. Политика и этносоциальные отношения в РФ 70

Масленников В. И. Переход от тоталитаризма к демократии в России: проблемы и перспективы 72

Маснев Д. В. Общественно-политические объединения и их роль в политическом

процессе современного мира 74

Михайлов О. С. Политический терроризм в современном мире 76

Полуэктов Е.Р. Политический менеджмент и его роль в управлении политическими процессами 79

Соснина К. О. PR-технологии как инструмент современной политики 81

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

О региональном мониторинге экстремистских проявлений. Интервью с В. В. Шиллером 84

ФАКУЛЬТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Шапкина Е. В. Новый Казахстан: отчет о поездке по программе дополнительного профессионального образования 87

Гомеров И. Н.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ: ПРЕДПОСЫЛКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация: *В статье представлены основные исторические вехи изучения проблемы субъектности: зарождение, расцвет, забвение, возрождение. Раскрыто смысловое содержание терминов и понятий «субъект», «субъективность», «субъктность», «политический субъект», «политическая субъектность». Различены потенциальная и актуальная, индивидуальная и коллективная формы политической субъектности. Выделены условия их актуализации.*

Abstract: *The article represents the main historical stages of studying the problem of subjectivity: its generation, flowering, obliteration and rebirth. The semantic content of terms and concepts "subject", "subjectivity", "subjectness" "political subject", "political subjectness" is revealed. Potential and actual as well as individual and collective forms of political subjectness are distinguished. Conditions of their actualization are denoted.*

Ключевые слова: *субъектность, субъект, политическая субъектность, политический субъект, индивидуальная политическая субъектность, коллективная политическая субъектность, актуализация.*

Keywords: subjectness, subject, political subjectness, individual political subjectness, collective political subjectness, actualization.

Проблема политической субъектности всё активнее обсуждается в современном российском дискурсе. Задача данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть основное содержание понятий «политический субъект» (political subject) и «политическая субъектность» (political subjectivity) в их единстве друг с другом. Поскольку, как будет показано ниже, указанные понятия в политологической литературе разработаны слабо, то в своём исследовании мы будем опираться преимущественно на философские и психологические работы, в которых даётся анализ более общих понятий — «субъект», «субъективность», «субъектность».

Согласно М. Хайдеггеру, субъект, *subject (um)* — это латинский перевод и истолкование греческого υπο–κειμενον как *sub* (под) и *jacio* (класть основание) — буквально означает положенное-под-основу [1, с. 118]. В соответствии с этими тремя составляющими, полагает Т. П. Войтенко, слова субъект, *subject (um)* можно выделить следующие три его значения: как сущностности, принципиальности («положенное-под-основу»), как потаённости, неизвестности, неявности («положенное-под-основу»), как несамодостаточности, подответственности («положенное-под-основу» [кем-то]). По её мнению, в античной философии понятие «субъект» использовалось преимущественно в значении подлежащего как потаённого. Потаённая основа виделась во всём сущем, во всех вещах — слова «субъект» и «вещь» использовались как синонимы [2, с. 33].

Так, Аристотель указывал, что вещь (οη, οητα) есть суть сущее (οη, οητα, το οη) бытия (το ειηαι) [3, с. 81, 97, 181, 196, 197, 201]. Она есть то, что предполагает её собственное бытие-существование (το ειηαι), что находится внутри него, что «положено-под-основу» её бытия-существования. Точно так же и субъект (υπο–κειμενον) есть сущее бытия, есть то, что предполагает его — субъекта — собственное бытие-существование, что «положено-под-основу» его бытия-существования. Поэтому в античной философии проблема субъекта формулировалась в рамках поиска и определения сущего. В том числе в рамках поиска

сущностных характеристик человека. Так, Протагор считал, что «человек есть мера всех вещей», Аристотель — что «человек есть самое разумное из всех живых существ» [3, с. 255, 281, 415]. Пытаясь проникнуть в тайну сущности человека, Аристотель пришёл к выводу, что «человек — это, конечно, источник поступков. […] Ни про неодушевлённые, ни про одушевлённые существа, кроме человека, мы не говорим, что они действуют (prattein), а [говорим так] только о человеке. Ясно, что человек — сила, порождающая действия» [4, с. 103, 310]. Оценивая вклад Аристотеля в разработку проблемы субъекта, А. Ф. Лосев пишет: «Аристотель внёс в мир платоновских идей не только момент объекта, но и момент субъекта. Аристотель учил, что мир идей, который он назвал Нусом — Умом, обязательно *сам себя мыслит* и является самосознанием. С одной стороны, он то, что мыслит, а с другой стороны, он есть также и то, что мыслится» [5, с. 83].

Христианские мыслители, по мнению Хайдеггера, считали, что бытие сущего заключается в его сотворённости Богом: всякое сущее есть сотворённое сущее [1, с. 113]. Средневековая философия понимает под субъектом нечто реальное, существующее в самих вещах, а под объектом — нечто существующее лишь в интеллекте. Для данной эпохи было характерно жёсткое подавление индивидуальности, подчинённой общепринятым религиозным канонам, в рамках которого существовал, как считает А. Я. Гуревич, так называемый «архаический индивидуализм» [6], который, по мнению А. Ф. Лосева, с наступлением эпохи Возрождения приобретает новые формы, дающие человеку возможность мыслить себя в качестве самостоятельной личности-субъекта, но чувствующего ограниченность своего фактического существования и беспомощность перед громадой бесконечной жизни и космоса [5, с. 93, 65].

И только в Новое время, как отмечает М. Хайдеггер, «человек становится субъектом», причем «первым и исключительным субъектом»; в частности, «через Декарта и после Декарта „субъектом“ становится в метафизике преимущественно человек, человеческое „Я“» [1, с. 48, 118]; в следствие секуляризации философской мысли понятие «субъект» утратило свойство всеобщности и стало мыслиться как единственное и исключительное (единственным и неповторимым субъектом стал человек); сущее лишилось своего бытия и стало предметом познания, противостоящим познающему его субъекту [1, с. 177–192]. Декарт понимает субъекта как активное начало, как основание самого себя и всего сущего, как нечто отличное от объекта, резко противопоставляя их друг другу. Тем самым он поставил вопрос об отношении «внутреннего» мира сознания и «внешнего» мира природной реальности. Человеческий индивид (точнее, человеческое «Я» — «Ego») представляется ему подлинным и единственным субъектом бытия, мыслящим, разумно действующим, имеющим некоторую самостоятельность и внутреннюю стимуляцию своей активности. Субъект — это тот, кто мыслит («Я мыслю, следовательно, я существую — Ego cogito ergo sum»). Всё остальное — объект его мышления, познания; то, что осмысливается, познаётся субъектом [7], [8].

В классической немецкой философии была показана невозможность метафизически-дуалистического противопоставления субъекта и объекта как двух внутри себя замкнутых субстанций. Субъект здесь понимается не как некая «идеальная вещь», а как самостоятельная активность-деятельность (самодеятельность) человека. Так, в философии Канта проблема человека-субъекта занимает центральное место. «Что такое человек?» — основной вопрос его философской системы, пронизывающий все её элементы. Кант рассматривает человека «не только как цель природы подобно всем организмам, но… также как *последнюю* цель природы, по отношению к которой все остальные вещи в природе составляют систему целей» [9, с. 462] и выдвигает идею активности («самодеятельности») человека-субъекта. Формулируя проблему различия и единства эмпирического (индивидуального), трансцендентального (коллективного) и практического (нравственного) субъекта, Кант закладывает предпосылки для понимания и определения родовой,

специфически человеческой (в том числе социальной) природы человека-субъекта, суть которой — в его «самодеятельности». В частности, Кант утверждает: «Мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связывали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не даётся объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [10, с. 190]. Именно Кант, как пишет Ю. М. Бородай, «впервые разрушил миф о пассивной, созерцательной природе разума, человеческого сознания вообще, совершив тем самым „коперниковский“ переворот в философии» [11, с. 17]. Однако, по мнению А. В. Гулыги, Кант оставил открытой проблему объекта. У него вещи «аффинируют» («очищают») чувствительность субъекта, но существуют «сами по себе», независимо от него [12, с. 12].

В философии Фихте, Шеллинга и Гегеля понятие «субъект» вновь приобретает не только гносеологический, но и онтологический статус, а также некоторую сопряжённость (согласованность) с христианским учением. Фихте, как и Кант, полагает, что единство человеческого Я-субъекта независимо от опыта, предшествующего ему, является его априорной, трансцендентальной основой. Но если Кант рассматривает единство человеческого Я-субъекта с точки зрения его отношения к объекту, то Фихте объявляет этого Я-субъекта абсолютным Я-субъектом, единственной реальностью, всемогущей творческой силой, всё создающей и совпадающей, в конечном счёте, с самосознанием всего человечества. Фихте утверждает единство эмпирического и абсолютного Я-субъекта, но рассматривает последнего в качестве некоего всеобщего духовного начала, подчиняющего себе любой объект и любого эмпирического Я-субъекта [13].

Шеллинг, так же как и Фихте, считает, что субъект и объект изначально образуют нечто единое, но, в отличие от Фихте, утверждает абсолютное тождество объекта и субъекта [12, с. 3–38], так как «высшее не может быть ни субъектом, ни объектом, ни тем и другим одновременно, но лишь *абсолютным тождеством*, в котором нет никакой двойственности…» [14, с. 462]. Как отмечает Гегель, если Фихте обосновывает «субъективный субъект-объект», то Шеллинг — «объективный субъект-объект» [12, с. 12].

Сам же Гегель рассматривает субъекта в единстве его познавательной и практической (предметно-преобразовательной) деятельности; не только и не столько как «мыслящее я-существо» [*Примечание автора*: «Мышление, представляемое как субъект, есть мыслящее существо; простым выражением для обозначения существующего субъекта как мыслящего служит „я“» (Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. М., 1975. С. 112], но и как субстанцию, тождественную абсолютному субъекту-духу, проявляющему самого себя в объекте. Как отмечает В. А. Лекторский, «проблематика, связанная с пониманием субъекта, была в классической философии по сути дела тождественна проблематике Я. Однако для Гегеля Абсолютным субъектом является не Я, а лежащий в основе всей действительности Абсолютный Дух. Индивидуадьное Я (индивидуальный субъект) производно, с точки зрения Гегеля, от Абсолютного субъекта» [15]. По мнению В. Г. Белинского, для Гегеля «судьба субъекта, индивидуума, личности, важнее судеб всего мира», но этот субъект есть «не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него (Гегеля. — *И. Г.*) в отношении к субъекту Молохом (Богом. — *И. Г.*)» [16, с. 116]. К. Маркс и Ф. Энгельс, в отличие от Гегеля, понимают субъекта в первую очередь как субъекта материального и духовного производства, социальных (общественных) отношений и классовой борьбы, как то, что объективируется в объекте, субъективирующемся в субъекте.

В XX веке доминирующей идеей становится идея творчества и саморазвития человека, наиболее развёрнуто и глубоко разрабатываемая в рамках экзистенциональной философии и психологии, онтологической базой которой стал отказ от картезианской дихотомии души и тела (соответственно — субъекта и объекта) и провозглашение человеческого сознания центральным элементом в системе мироздания. В частности, согласно Н. А. Бердяеву, «субъект есть моё „я“, душа; моё сознание в противоположность

его содержанию. […] В экзистенциональном смысле субъект коррелятивен не с объектом, а с другим субъектом» [17, с. 192]. Однако, в отличие от Н. А. Бердяева, М. Хайдеггер считает, что необходимо «…„пробудить“ человека от антропологического забытья и освободить его от власти субъекта — *метафизической формы*, претендующей на синтез всего сущего. Поэтому неискажённая антропология может быть только *антропологией без субъекта*» [18, с. 928–929]. Ж.-П. Сартр, рассматривая проблему субъекта, также констатирует: «Мы не находим в сознании никакого субъекта — ни психологического субъекта, который уже есть объект для сознания, каким его открывает редукция и который является внешним и трансцендентальным; ни трансцендентального субъекта, который есть только фикция, производимая исходя из психологического субъекта» [19, с. 16]. М. Фуко в «Герменевтике субъекта» утверждает, что использование термина «субъект» — не более чем дань классической философской традиции, а исследование субъекта на деле есть анализ «условий», при которых возможно выполнение неким индивидом функций субъекта [18, С. 774–775], [19, с. 19]. Таким образом, как заметила Т. М. Рябушкина, было заявлено об «исчезновении» и «смерти» субъекта и субъектности, о необходимости заменить «субъектную» парадигму другими — «бессубъектными» — постмодернистскими концепциями [20], которые, по мнению А. Н. Ильина, «нашли своё отражение в действительности современного российского социума» [21] [*Примечание автора*: Ср.: Комаров С. В. Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции западной философии: автореф. дисс. ... д. филос. наук, Екатеринбург, 2007].

Не случайно в политической философии, политологии и политической социологии XX века стали доминировать структурализм, функционализм, институализм. Понятия «политический субъект» и «политическая субъектность» используются крайне редко, как правило, лишь теми авторами, которые сохраняют верность традициям немецкой классической философии и эпохи модерна. Большинство же исследователей, особенно те, кто придерживается англо-американской традиции, отдают предпочтение понятиям «политический актор» (political actor) и «политический игрок» (political player), а французы П. Бурдье и А. Турен, кроме того, вводят в научный оборот понятие «политический агент» (political agent). При этом они, сопоставляя данные понятия друг с другом и с понятием «политический субъект», косвенным образом дают некоторую характерстику и политическому субъекту, и политической субъектности.

Однако ряд представителей позднего (современного) постмодернизма (поздние М. Фуко и Ж. Деррида, П. Смит, Дж. Уард, М. Готдинер и другие), как утверждает М. А. Можейко, отказались от радикальных установок, призвали к «возврату» утраченных культурой постмодерна «значений» периода «культурного классицизма» и выдвинули идею «воскрешения» субъекта. Они поставили задачу «выявить» субъекта в контексте вербальных (дискурсивных) практик и раскрыть механизмы, посредством которых человек «сам превращает себя в субъекта» [22]. Дело в том, что, как справедиво заметил С. И. Голенков, перевод субъекта из сферы трансцендентальной, из сферы познания в сферу социального бытия отнюдь не означает упразднение субъекта, как это делает постмодернизм. Только здесь — среди людей — субъект и может обрести действительное пространство для своей жизни [23, с. 35–43].

Проблема субъектности человека вновь начинает занимать умы исследователей, прежде всего, психологов. В отечественной психологии она всегда была в центре внимания [24]. Однако термин «субъектность» появился в ней сравнительно недавно. В середине 70-х годов XX в. А. Н. Леонтьев одним из первых ввёл его в научный оборот, отличив от доминирующего в то время термина «субъективность» и противопоставив термину «субъективизм»: «субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его субъективизм, а скорее, как его „субъектность“, т. е. его принадлежность деятельному субъекту» [25, с. 55–56].

Основу исследования проблемы субъектности составляет философско-психологическая концепция субъекта, разработанная С. Л. Рубинштейном и его последователями. Ею активно занимаются такие психологи, как К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, Е. А. Аронова, А. В. Брушлинский, С. Дерябо, А. Л. Журавлёв, Г. В. Залевский, В. В. Знаков, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, В. А. Татенко, А. У. Хараш, Г. А. Цукерман и многие другие. Одни авторы в определении субъектности делают акцент на общей способности субъекта к осознанной саморегуляции своей произвольной активности, подчёркивают взаимосвязь содержания самосознания субъекта и структуры саморегуляции его поведения, деятельности, другие акцентируют внимание на личностных аспектах субъектности, третьи — на особенностях коллективного субъекта, совместной деятельности людей, четвёртые подчёркивают значение психологии субъекта в понимании специфики человеческого бытия, пятые — взаимосвязь субъекта и фиксированных форм его поведения. При этом категории «субъект» придаётся научный статус новой субъектной парадигмы, нового методологического принципа, который, как считает К. А. Абульханова, служит «соотнесению теории, знаний и эмпирического исследования», является ориентиром «для выработки стратегии всего исследования, проверки и подтверждения гипотез», содействует «установлению самых различных соотношений предмета и объекта познания», выполняет «не только науковедческую, но и научно-практическую роль» [26, с. 19].

В отличие от психологии, успехи отечественной философии, социологии и политологии в преодолении постмодернистских установок о «смерти» субъекта менее заметны. Однако в последние 20–25 лет ситуация начала меняться. Так, определённый вклад в исследование проблемы субъекта и субъектности внесли Н. Я. Большунова, В. А. Герт, Е. В. Кармазина, Ю. И. Прохоренко. Проблемам политической субъектности посвящены работы Ю. А. Гиндиной, В. В. Рябченко, Р. Д. Хунганова, Ф. И. Шеляпина и других. В исследованиях М. А. Аюпова, О. В. Будовской, Е. В. Бродовской, В. Н. Лупандина, И. В. Мирошниченко, М. В. Подхомутниковой, В. М. Шнякиной, И. Г. Яковенко рассматриваются различные аспекты российской политической субъектности. В «Новой философской энциклопедии» издания 2000–2001 гг. кроме статьи В. А. Лекторского «Субъект» появилась статья А. С. Панарина «Субъект политический», чего не было в предыдущих философских энциклопедиях, в том числе в 5-томной «Философской энциклопедии» издания 1960–1970 гг. и «Философском энциклопедическом словаре» издания 1983 г.

В данной статье проблема политического субъекта и политической субъектности рассматривается с учётом указанных выше философских и психологических, социологических и политологических исследований. В частности, в ней, как и рекомендовал М. Фуко, исследуются те жизненные условия, в которых формируется и проявляется политическая субъектность.

Прежде всего необходимо уточнить и сопоставить исходные (основные) термины и понятия, такие как «субъект», «субъективность», «субъектность», «объект», «объективность», «объектность». Все они неразрывно связаны друг с другом. Так, термины «субъективность» и «субъектность» этимологически производны от слова «субъект», а термины «объективность» и «объектность» — от слова «объект» путём добавления к основе («субъект» и «объект») суффиксов *-ивн-* и *-ост-* (в словах «субъект-*ивн-ост*-ь» и «объект-*ивн-ост*-ь») или *-н-* и *-ост-* (в словах «субъект-*н-ост*-ь» и «объект-*н-ост*-ь»). Благодаря этому они приобретают значение принадлежности к субъекту (когда речь идёт о субъективности и субъектности) или объекту (когда речь идёт об объективности и объектности), значение его — субъекта или объекта — существенного свойства (качественной характеристики): субъективный и субъектный — значит «присущий, свойственный, принадлежащий только субъекту, относящийся к субъекту»; объективный и объектный — значит «присущий, свойственный, принадлежащий только объекту,

относящийся к объекту». Однако термины «субъективность» и «объективность» имеют, кроме того, ещё и второе значение: субъективный — значит «односторонний, лишённый объективности; пристрасный, предвзятый; зависимый от сознания и воли людей»; объективный — значит «существующий вне и независимо от сознания и воли людей; соответствующий объекту» [*Примечание автора*: Ср.: Словарь иностранных слов / 7-е изд., перераб. М., 1979. С. 489, 350]. Поэтому, в отличие от терминов «субъективность» и «объективность», термины «субъектность» и «объектность» по своему смысловому содержанию более нейтральны, не несут в себе никакого иного смысла, кроме того, что они «присущи, свойственны, принадлежат» исключительно только субъекту или объекту, фиксируют некоторое существенное свойство (качественную характеристику) субъекта или объекта.

Субъектность — это системное свойство (качество) субъекта, которое определяет существование субъекта как особой сущности, выражает его сущностные характеристики и существенным образом («по существу») отличает как от объектов, так и от других субъектов. Благодаря ему субъект есть то, что он есть (существует как таковой — как субъект, а не что-либо иное), имеет и сохраняет свою внутреннюю и внешнюю, неотделимую от его бытия (по Гегелю, тождественную с его бытием) качественную (существенную, сущностную) определённость. Оно детерминирует (причинно обусловливает) и фиксирует некоторую относительно устойчивую системную (целостную) совокупность существенных (и сущностных) свойств субъекта, формирующихся, развивающихся и проявляющихся (актуализирующихся) в отношениях субъекта с объектами и другими субъектами. Утрачивая субъектность, субъект перестаёт быть самим собой и становится чем-то иным. По мнению С. Дерябо, понятие «субъектность» фиксирует и «обозначает системное качество субъекта, сам факт его наличия как такового, не выдвигая при этом никаких предварительных гипотез о его сущности»; «субъектность можно понять как системное качество субъекта, проявляющееся в виде различных субъектных качеств…», «фиксирующих качество субъекта, принципиально отличающего его от объектов и других субъектов» [27].

Таким образом, определяя понятие «субъектность» и производное от него понятие «политическая субъектность», мы неизбежно приходим к необходимости определения более общего, абстрактного и фундаментального понятия субъекта, от которого производны как понятие субъективности, так и понятие субъектности. Согласно А. Н. Леонтьеву, понятие «субъект» — это исходно-постулируемое понятие, поскольку всякое психологическое исследование необходимо начинать и … приходится начинать с некоторого фундаментального и общего понятия… с более отвлечённого, более абстрактного понятия — понятия субъекта…» [28, с. 490].

Субъект и присущая ему субъектность не есть нечто нереальное, ирреальное, априорно существующее. Как отмечал М. Фуко, субъект не является ни субстанцией, ни априорной формой существования разумного индивида. Напротив, субъект представляет собой результат осуществления разного рода практик подчинения или освобождения. Поэтому Фуко призывал отказаться от априорных теорий субъекта, поскольку априорного, «суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует» [29, с. 301].

Субъект — это неотъемлемый элемент человеческого (и только человеческого!) бытия. С. Л. Рубинштейн, подчёркивая необходимость «понять бытие не только в форме объекта, но и в форме субъекта» [30, с. 54], определяет последнего как способ проявления (реализации) человеком своей специфически человеческой сущности [31]. При этом субъект является носителем не только субъективного, но и объективного. «Субъект, овладевший знаниями, накопленными человечеством, может быть в бóльшей мере носителем объективного, чем тот или иной единичный факт, взятый в тех случайных связях, в которых он иногда бывает дан восприятию» [30, с. 60].

«*Субъект,* — пишет А. В. Брушлинский, — это человек, люди на высшем… уровне активности, целостности, автономности и т. д.; …тот, кто осуществляет деятельность, общение… и другие виды специфически человеческой активности… […] Субъект — качественно определённый способ самоорганизации, саморегуляции, согласования внешних и внутренних условий активности…» [32, с. 331]. Основной характеристикой субъекта, считает С. З. Гончаров, является «переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определённых границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя» [33].

По мнению значительной части исследователей, субъектность, в том числе политическая субъектность, — это такое свойство, которое присуще исключительно только человеческим индивидам. Некоторые авторы считают, что политическая субъектность свойственна не только человеческим индивидам, но и образованным ими коллективам (коллективно-групповым образованиям), причём всем человеческим индивидам и коллективам (общностям, объединениям, организациям) без исключения. Однако это не совсем так. С нашей точки зрения, в современном мире все человеческие индивиды и коллективы являются потенциальными субъектами политики, но не все из них являются её актуальными субъектами, не все реализуют, актуализируют (проявляют) имеющийся у них политический потенциал, потенциал политической субъектности. Для этого необходимы соответсвующие жизненные условия. В частности, человеческие индивиды и коллективы являются политическими субъектами, если они:

— во-первых, находятся внутри поля политики, внутри политического бытия (реального процесса политической жизни);

— во-вторых, достигли определённого уровня осознания политической реальности, своего места и роли в ней, своих политических и иных интересов, прав и обязанностей, а также связанных с ними проблем; осуществляя саморефлексию, выделяют, ощущают, воспринимают, осознают себя в нём не в качестве объектов, а в качестве субъектов политики (политических субъектов);

— в-третьих, отличают себя от других человеческих индивидов и коллективов, от других субъектов политики;

— в-четвёртых, достигли определённого уровня институциально-политической самоорганизации;

— в-пятых, относительно самостоятельно (свободно, независимо от внешних обстоятельств и воздействий) и осознано осуществляют некоторую совокупность политических актов — политическую активность (политическую деятельность — политические субъект-объектные отношения и субъективно-активные политические межсубъектные или, говоря иначе, субъект-контрсубъектные отношения), т. е. активность, направленную на формирование, сохранение, удержание, изменение, регулирование и/или использование государственной власти, властно-государственных и иных политически значимых институтов, на реализацию своих политических и иных интересов, прав и обязанностей, на решение связанных с ними проблем;

— в-шестых, являются не только носителями, но и источниками (начальным, исходным пунктом, основанием, высшей, верховной, суверенной инстанцией) этой активности, т. е. сами (относительно самостоятельно, суверенно) инициируют и детерминируют её на основе своей собственной внутренней мотивации;

— в-седьмых, относительно самостоятельно и осознанно регулируют — программируют, когнитивируют, оценивают и корректируют — эту активность.

Все указанные условия неразрывно связаны друг с другом и образуют некоторую целостность, определяющую и раскрывающую суть (существо, сущность, качественную характеристику) политической субъектности как системного свойства индивидуальных и коллективных субъектов политики. Все они требуют дальнейшей конкретизации и

комплексного политологического исследования, учитывающего достижения философской мысли, психологии и других наук.

Литература

1. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
2. Войтенко Т. П. К вопросу об «андеграунде» // Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинщтейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. И. Воловикова, Т. И. Ребеко. М., 2009.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
4. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
5. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
6. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
7. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
8. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
9. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М., 1966.
10. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
11. Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения. М., 1966.
12. Гулыга А. В. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. Т. 1., 1987.
13. Гайденко П. П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.
14. Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1987.
15. Лекторский В. А. Субъект [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/2870.html (дата обращения: 14.01.2016).
16. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.
17. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
18. Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001.
19. Митькин А. А. Субъектность человека: грани и границы. Ч. I // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3.
20. Рябушкина Т. М. Отказ от философии субъекта — смена парадигмы или её самооправдание? // Философские науки. 2009. № 10. С. 127–139
21. Ильин А. Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject (дата обращения: 14.01.2016).
22. Можейко М. А. «Воскрешение субъекта» // История философии: Энциклопедия. Минск, 2002.
23. Голенков С. И. Судьба субъекта в новоевропейской философии // Mixtura verborum 2008: небытие в маске: Сб. ст. / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара, 2008.
24. Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
25. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / 2-е изд. М., 1977.
26. Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4.
27. Дерябо С. Личность: от субъективности к субъектности // Развитие личности. 2002. №3. С. 261–265
28. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2001.

29. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006.
30. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
31. Рубинштейн С. Л. Человек и мир (Отрывки из неопубликованной рукописи) // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 129–140.
32. Брушлинский А. В. Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. М., 1999. С. 331.
33. Гончаров С. З. Креативность субъектности: категориальный анализ // Мир психологии. 2005. № 1. С. 76–84.

Информация об авторе:

Гомеров Игорь Николаевич *— доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, homerov45@mail.ru.*

Курманалиев К. А.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ С МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ

Аннотация: *Статья посвящена вопросу компетентностного подхода в изучении содержания социально-экономических дисциплин. Раскрывается значение термина компетентность. Выделяются пути формирования новых медиа-технологий. Также автор рассматривает особенности нового компетентностного подхода в обучении дисциплинам в современных условиях.*

Abstract: *The article is devoted to the question of competence-based approach to studying the content of social and economic disciplines. Value of the term of competence is revealed. Ways of formation of new media technologies are allocated. The author also considers features of new competence-based approach in training disciplines in modern conditions.*

Ключевые слова: *компетенция, коммуникационная культура, социум, информационная компетентность.*

Keywords: *competence, communication culture, society, information competence.*

В условиях перехода к новым стандартам образования в общеобразовательных школах Кыргызской Республики к целям и задачам усвоения содержания обучения ставятся новые педагогические требования.

От опытного учителя, владеющего педагогическими знаниями и умениями, тоже требуется компетентность пересмотра своей профессиональной деятельности. Значит, заказ современного общества — это воспитание компетентного человека в лице выпускников общеобразовательных школ в соответствии с современными требованиями.

Термины «компетенция» и «компетентность» в последнее время всё чаще и широко используются в исследованиях, посвящённых процессу обучения и воспитания в школе. Широкое применение их полностью оправдывает себя в условиях необходимости модернизации содержания образования.

К определению понятия компетенция существуют различные подходы. Competent (лат.) — соответствующий, способный. Competere — требовать, соответствовать, подходить.

Competent (франц.) — компетентный, имеющий права. Competence (англ.) — способность (компетенция).

Одной из основных тенденций современного образования является информатизация.

Информатизация образования способствует развитию следующих факторов:

— во-первых, важно ускорить переход собранных знаний человечества и его технологического и социального опыта не только из поколения в поколение, но и от человека к человеку;

— во-вторых, современные информационные технологии дают возможность для повышения качества обучения и образования, успешной и быстрой адаптации человека к окружающей среде и происходящим социальным изменениям. Это способствует получению необходимых знаний каждым человеком сегодня и в будущем постиндустриальном обществе;

— в-третьих, активное и эффективное внедрение информационных технологий в систему образования является важным фактором создания системы образования, отвечающей процессу реформирования традиционной системы образования в соответствии с требованиями информационного общества и современного индустриального общества.

Как сказано выше, разработка новых медиа-технологий (НМТ) в процессе образования предполагает разговор о компетентности НМТ. Компетентность НМТ — это один из ключевых навыков современного человека, прежде всего, это видно из применения компьютера, средств телекоммуникации, интернета в решении проблем и выполнении различных заданий в своей деятельности.

В подготовке будущих учителей особое место занимает разработка новых медиа-технологий (НМТ). Это даёт возможность для формирования и развития исследовательской, информационной и коммуникативной способности, стоящего перед преподавателем личностно ориентированного обучения в современном образовании, развития мышления, формирования модельных представлений, осуществления целей и задач и т. п.

Одной из основных задач подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности является формирование практических умений и навыков, составляющих технологию труда учителя. Информационная культура учителя тесно связана с коммуникационной культурой — общением, культурой диалога в широком смысле слова: диалог человека с человеком, диалог человека с компьютером, внутренний диалог и т. п. Основной целью обучения, связывающей студентов педагогических специальностей с информационными технологиями обучения, должно быть формирование у них информационных навыков.

Информационные навыки считаются во все времена ключевым фактором в образовании. Они являются первым шагом на пути к достижению образовательных целей. Граждане должны развивать свои информационные компетенции всю жизнь, особенно в годы учёбы [1].

Информационный навык, являясь одной из ключевых компетентностей, овладевает объективными и субъективными условиями. Социум охватывает объективную сторону в требованиях к профессиональной деятельности современного специалиста. А субъективной стороной информационной компетентности специалиста является отражение объективной стороны, индивидуальность этого специалиста передаётся через особенности мотивации в совершенствовании и развитии информационной компетентности в своей профессиональной деятельности [2, с. 27].

Понятие «информационная компетентность» также не определяется в одном значении достаточно и широко на современном этапе развития педагогики [3, с. 17], [4, с. 19], [5], [6]. Анализ литературы показал, что окончательное толкование понятия «информационная компетентность» в педагогической науке ещё не устоялось. Анализ составляющих информационной компетентности учителя свидетельствует, что она означает не только знания и умения работы с компьютером, но также предполагает

определённые навыки учителя в области дидактики и теории воспитания, затем учитель приобретает способность осуществления развивающей и воспитательной функций обучения. Из этого вытекает, что мы понимаем информационную компетентность как профессиональную характеристику субъекта, она даёт уровень соответствия в решении определённой сферы задач информационной культуры и требует принимать эффективные решения по отношению к информации.

Для каждой предметной области разрабатывается своё понятие компетентности. Это связано с тем, что в различных сферах профессиональной деятельности компетентность раскрывается с помощью различных познавательных практических понятий. Таким образом, важно определить содержание понятия компетентности в рамках информационной и коммуникационной технологий (НМТ-компетентность) при подготовке будущих учителей истории.

Если дать определение компетентности НМТ, то можно вывести его на базе определения грамотности ИКТ.

Грамотность-НМТ — это обработка информации для оценивания, создание, поиск, управление и интеграция информации для выполнения различных функций в современном обществе с помошью персональных компьютеров, цифровых технологий, коммуникационных средств. В данном определении используются различные понятия и термины, которые также необходимо рассмотреть.

В свою очередь, грамотность-НМТ состоит из следующих познавательных, или когнитивных видов деятельности:

— способность разработать необходимую информацию инструментами НМТ для идентификации и представления их (определение информации);

— умение собирать и находить информацию (достижение информации);

— умение применить функционирующую схему организации и классификации (управление информацией);

— интерпретация и донесение информации. К ним относятся обобщение, сравнение и сопоставление информации (интеграция информации);

— умение делать заключение о качестве, важности и значимости, полезности и эффективности информации (оценка информации);

— приведение в соответствие с ситуацией информации, проектирование с применением, умение размышлять или разрабатывать и генерировать (создание информации);

— умение подачи информации в сфере НМТ в соответствующем виде. К ним относится ориентирование на определённую аудиторию электронной информации и умение давать знания в соответствующем направлении (передача информации).

Теперь перейдём от определения грамотности-НМТ к понятию НМТ-компетенции. Компетентность — это общее понятие. В нём не отражены конкретные познавательные, практические качества, которые должны были формироваться в процессе обучения. Это связано с тем, что компетентность раскрывается в различных сферах профессиональной деятельности с помощью различных познавательных, практических понятий. В этой связи в каждой предметной области разрабатываются свои компетенции, к примеру, языковая компетентность.

Переход от «знаниевых» отношений (знания для знаний) к «компетентностному» подходу в обучении предполагает воспитание человека и гражданина, сообразного условиям непрерывно изменяющейся жизни. Пока сфера компетентностей, которую должна охватить школа при обучении школьников, также как и понятие «компетенция», не определена до конца. Но в качестве основы в принятии ответственности, участии в демократических процедурах, общении и учении в течение жизни, постановке и решении задач взята демонстрация самостоятельности. В рамках нашего исследования сформировано следующее

определение компетенции-НМТ. Под компетенцией-НМТ подразумевается уверенное овладение учащимися всеми навыками НМТ-грамотности для решения проблем в учебной и другой деятельности, здесь делается акцент на формирование обобщённых познавательных, этических и технических навыков.

Также особое внимание уделяется тому, как формируются и обобщаются познавательные, этические и технические навыки [7]. В качестве разъяснения введённого понятия компетентности-ИКТ приведём примеры навыков, составляющих её, и заданий, проверяющих когнитивную деятельность.

Определение — умение точно интерпретировать и детализировать вопрос и требования, находить в тексте явную или скрытую информацию, идентифицировать различные термины, понятия.

Достижение — отбор поисковых терминов с учётом уровней детализации, определение соответствующей программы, поиск и открытие соответствующих папок и файлов, открытие информации во входящих письмах на электронной почте, нахождение и открытие веб-страниц и т. д.

Управление — умение применять необходимую программу для просмотра видео и фото, поиск и организация статей в определённых адресах электронной почты или интернет-сайтах.

Интеграция — анализ преимуществ той или иной статьи, достойной для рекомендации к чтению или изучению. Анализ содержания интернет-сайтов для применения их в дальнейшем в своей работе.

Оценивание — опираясь на информацию на сайтах купли-продажи, принятие решения о целесообразности, какую книгу или статью купить в интернет-магазине или заказать на интернет-сайте.

Составление — умение составлять различные текстовые и графические документы, представление своих рекомендаций по решению некоторых проблем в формате письма электронной почты, разработка различных презентаций.

Приведённое выше определение компетентности-НМТ не единственное, например, О. Н. Шилова и М. Б. Лебедева компетентность-НМТ определяют как способность индивида решать учебные, жизненные, профессиональные задачи путём разработки новых медиа-технологий [8, с. 98]. Л. Н. Горбунова и А. М. Семибратов говорят о «способности и подготовке педагога самостоятельно и ответственно применять эти технологии в своей профессиональной деятельности» [9]. А. А. Елизаров понимает её как набор знаний, умений и опыта, к тому же наличие такого опыта является определяющим в выполнении профессиональных функций [10].

Таким образом, компетентность-НМТ является ключевым фактором в образовании. Это является первым шагом в достижении образовательных целей.

Можно выделить два аспекта компетентности-НМТ учителя-предметника: базовая и предметно-ориентированная НМТ-компетентность.

Под базовой НМТ-компетентностью понимаются знания, умения и инвариант опыта учителя-предметника, необходимые для решения образовательных задач, в первую очередь, с помощью общеупотребительных средств новых медиа-технологий.

Предметно-ориентированная НМТ-компетентность предполагает освоение специализированных технологий и ресурсов, разработанных в соответствии с требованиями к содержанию того или другого учебного предмета, а также формирование подготовки к внедрению их в образовательную деятельность.

Итак, НМТ-компетентность — это способность педагога решать учебные, жизненные, профессиональные задачи путём разработки информационных и медиа-технологий.

Формирование НМТ-компетентности учителя можно рассматривать в три этапа:

— Базовый — средняя школа, формируются навыки разработки НМТ в деятельности школьника и в решении несложных жизненных задач;

— Общий — 1–2 курсы педагогических вузов, формируются навыки разработки НМТ в решении повседневных задач студента;

— Профессиональный — 3–5 курсы педагогических вузов, формируются навыки разработки НМТ в решении профессиональных педагогических задач.

Основная роль в формировании предметно-ориентированной НМТ-компетентности у будущих учителей при методической подготовке отводится курсу «Методика обучения (по предмету)». На занятиях по методике необходимо научить студентов строить занятия при помощи проектирования и применения в учебном процессе образовательных комплексов и цифровых обучающих ресурсов. Именно в этот момент начинаются самые большие трудности. Преподаватели педагогических вузов, к сожалению, сами в основном ещё не готовы к новым подходам проведения урока. А также трудности создаёт то, что они не стремятся к применению НМТ в своей учебно-методической работе.

Современная школа ждёт выпускников, молодых специалистов, которые уже с первых дней в школе готовы внедрять в учебный процесс новости, связанные с разработкой НМТ. Вместо этого приходят молодые специалисты, которых следует отправлять сразу на курсы по формированию базовых и предметно-ориентированных НМТ-компетентностей. В результате создаётся очень сложная ситуация: преподавание в вузах предполагает освоение специализированных технологий и ресурсов, разработанных в соответствии с требованиями того или иного учебного предмета, и формирование готовности их внедрения в образовательную деятельность, т. е. формирование предметно-ориентированной НМТ-компетентности. Но во многих случаях выпускники вузов не владеют в требуемой степени указанными навыками.

В современном образовании есть противоречия между потребностью выпускников школ и педагогических вузов в компетентности-НМТ и уровнем сформированности её у молодых учителей. В настоящее время в школе в процессе обучения создаются условия для разработки НМТ и есть все предпосылки для этого, т. е. Можно говорить об этом как о результате целенаправленной работы, включающей в себя следующие факторы доступности средств НМТ:

— необходимость обеспечения школы техническими и программными средствами НМТ;

— разработка для учебного процесса школы правил в направлении новых технологий;

— формирование НМТ-компетентности у участников учебно-воспитательного процесса;

— приведение в соответствие материально-технологической базы школы.

Литература и источники

1. Елизаров А. А. Базовая ИКТ компетенция как основа Интернет-образования учителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.relarn.ru/conf/conf2004/section3/3_11.html (дата обращения: 25.04.2014).
2. Шамова Т. И. Активизация учения школьников. М., 1982.
3. Завьялов А. Н. Формирование информационной компетентности студентов в области компьютерных технологий (на примере среднего профессионального образования): автореф. дис. … канд. пед. наук. Тюмень, 2005.
4. Зайцева О. Б. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореф. дис. … канд. пед. наук. Брянск, 2002.

5. Иванова Е. В. Формирование информационной компетентности — важнейшая задача профессиональной подготовки учителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ito.su/2003/II/3/II-3-3307.html (дата обращения: 25.04.2014).
6. Тришина С. В., Хуторской А. В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm (дата обращения: 25.04.2014).
7. Бурмакина В. Ф., Фалина И. Н. ИКТ-компетентность учащихся [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sitos.mesi.ru/Default.aspx?id=6 (дата обращения: 25.04.2014).
8. Лебедева М. Б., Шилова О. Н. Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как её формировать? // Информатика и образование. 2004. № 3.
9. Горбунова Л. М., Семибратов А. М. Построение системы повышения квалификации педагогов в области информационно-коммуникационных технологий на основе принципа распределённости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ito.edu.ru/2004/Moscow/Late/Late-0-4937.html (дата обращения: 25.04.2014).
10. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifla.org/files/assets/information-literacy/publications/ifla-guidelines-ru.pdf (дата обращения: 25.04.2014).

Информация об авторе:

Курманалиев Кубатбек Аманович — *старший преподаватель кафедры всеобщей истории института исторического и социально-правового образования Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева.*

Желтов В. В., Желтов М. В.

ЧАРЛЬЗ РАЙТ МИЛЛС — ВИДНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ СОЦИОЛОГ И ПОЛИТОЛОГ (КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Аннотация: *Статья посвящена освещению жизненного и творческого пути леворадикального мыслителя США Ч. Р. Миллса, внесшего значительный вклад в развитие социологии и политологии.*

Abstract: *The article is dedicated to illumination of life and creative way of radical left American thinker C. W. Mills, who made a significant contribution to the development of sociology and political science.*

Ключевые слова: *прагматизм, эмпиризм, стратификация, властвующая элита, свобода, новые левые, профессиональные союзы.*

Keywords: *pragmatism, empiricism, stratification, power elite, freedom, the New Left, trade unions.*

Ч. Миллс, выходец из семьи среднего класса, в возрасте 30 лет стал *ассистентом профессора* одного из престижнейших американских университетов — Колумбийского.

Траектория жизни Миллса является нетипичной для выходца из Техаса, где он родился в 1916 г. И эта нетипичная траектория привела его в Нью-Йорк — интеллектуальную столицу США.

Особо следует сказать о том, что в Нью-Йорке к моменту приезда туда Миллса бурно шёл процесс обновления американской социологии. Практические социологи в межвоенный период были не согласны ни с методами этой тогда молодой науки, ни даже с самим её объектом [4, p. 314–366]. Не удивительно, что ещё до прихода Миллса в Колумбийский университет, где шло его становление как социолога, там сложилась очень открытая в интеллектуальном отношении обстановка.

Как известно, Ч. Миллс был изначально сторонником эмпирических исследований социальных феноменов. Однако он тем не менее дистанцировался от сторонников профессионализации социологии, которая в межвоенный период набирала силу и утвердилась как господствующая позиция в послевоенной социологии.

Позиция Ч. Р. Миллса определялась тем, что социология должна быть ангажированной и критической в большей мере, чем бюрократической и консервативной. Не случайно он в своём знаменитом произведении «Социологическое воображение» напишет: «Я не верю, что общественная наука „спасает мир“, хотя не вижу ничего плохого в попытке сделать это: я имею в виду предотвращение войны и переустройство жизни людей в соответствии с идеалами человеческой свободы и разума. Но даже если дело сейчас обстоит именно так, мы всё равно должны задать вопрос: если *существуют* какие-то пути выхода из кризисов данного исторического периода с помощью интеллекта, то разве обществоведам не следует их искать?»

И Миллс тут же следующим образом отвечает на свой вопрос с позиции научного сообщества социологов: «Мы исполняем роль человека, который осознаёт ответственность за всё человечество, хотя это не всегда очевидно. Именно на уровень общечеловеческого сознания должны быть выведены все решения крупных проблем современности» [1, с. 220].

Выходец из среды белых воротничков

Ч. Р. Миллс с самого начала произрастал в той социальной среде, которой он посвятит одно из важнейших своих произведений «*Белые воротнички*» (1951). В этом произведении нашёл отражение и его собственный жизненный опыт, на основе которого он описывает *среду белых воротничков как относительно бедную в культурном отношении, и занимающую чаще всего выжидательную в политическом отношении позицию* [5, p. 8] (Выделено нами. — *В. Ж., М. Ж.*).

Миллс родился в городе Вако [*Примечание авторов*: Вако — город, расположенный в штате Техас, находится на полпути между городами Остин и Даллас. В 2010 г. его население составляло немногим более 124 тысяч человек] в семье, относящейся к среднему классу англо-ирландского происхождения. Его отец Чарльз Гровер Миллс (1889–1973), страховой агент, постоянно переезжавший с места на место, уделял очень мало внимания воспитанию и образованию своего сына. Этого не скажешь о матери Миллса. Домохозяйка и набожная католичка, мать Чарльза — Фрэнсис Райт Миллс (1893–1989), напротив, активно влияла на сына. Она была коренной уроженкой Техаса.

Определённое влияние на формирование Ч. Р. Миллса оказал его дед. Он, в частности, прививал ему всё то, что связано с ковбойской традицией и традициями Запада США. Миллс сам писал об этом в автобиографическом очерке: «Я вырос в Техасе не на ранчо, что удивительно, а в городах Вако, Уичита Фоллс, Форт Уорт, Шерман, Даллас, Остин и Сан Антонио… Мой дед потерял моё ранчо. Получил пулю в спину… И я не узнал почему, но Брекстон Брег Райт, мне говорили, очень любил молодых замужних и незамужних женщин, как мексиканок, так и белых. И одна из них была мексиканкой и замужней женщиной, что стало фатальной комбинацией для него» [6].

Посмеиваясь над ковбоями, Миллс занимает позу жёсткого и ворчливого мальчишки, которому не свойственен ни снобизм горожан, ни снобизм интеллектуалов. Он в то же время не скрывает своей привязанности к модели поведения независимого среднего класса в лице, например, своего деда Брекстона Брега Райта, который существенно отличался от его отца как лица, относящегося к наёмным работникам [7].

По настоянию матери Ч. Миллс поступил в школу приходской церкви (он даже был членом хора). При этом Миллс не был глубоко верующим человеком. Однако он хорошо и по-своему понимал смысл и предназначение морали [8, p. 4]. Смысл морали Миллс применял для оценки позиций верующих сограждан, которые в своём большинстве оставались пассивными перед лицом больших проблем, встающих перед человечеством [9, 188–201].

Это формировало в известной мере критическую позицию Миллса в отношении веры, что привело к ухудшению его отношений с матерью, тем более что он потребовал перехода на обучение в публичную школу.

Нужно сказать и о том, что частые переезды семьи из города в город не позволяли юному Чарльзу более или менее продолжительно учиться в определённой школе, что сказывалось на отсутствии у него друзей из числа ровесников. К тому же и социальная жизнь для юного Чарльза была сложной. Он писал по этому поводу: «Изоляция моей семьи была прототипом моей собственной изоляции… У меня никогда не было круга друзей (до моей первой женитьбы)» [6].

С раннего возраста у Миллса проявились способности в выполнении операций простого труда. Он активно занимался обработкой древесины, помогая родителям при проведении строительных работ в доме. Получалось так, что с юности жизнь Миллса строилась как бы по модели «ремесленника». И эту модель он в последующем противопоставлял модели «бюрократа» или «государственного служащего», т. е. моделям тех людей, которые заставляют других делать что-либо и которые не пачкают руки занятиями конкретного, например, физического труда.

Чарльз ещё в детстве проявил интерес к архитектуре. И потому родители определили сына на учёбу в техническую школу в Далласе, которую он закончил в 1934 г. Родители Чарльза хотели видеть своего сына инженером. И потому записали его на обучение в аграрный и механический колледж Техаса, чтобы «сделать из него человека». В этом, по сути, военном учреждении, Миллс провёл, по его впечатлениям, один из самых жутких годов своей жизни. Помимо сложных отношений с преподавателями у него не сложились отношения и с обучающимися с ним молодыми людьми. За оскорбление одного из товарищей по учёбе он оказался в ситуации бойкота со стороны обучающихся.

Не удивительно, что в продолжение тех проблем, с которыми он столкнулся во время учёбы в данном колледже, Миллс вынес для себя вполне определённое отрицательное отношение ко всему тому, что связано с милитаризмом.

Правда, преподаватели колледжа за весьма короткий период обучения в нём Чарльза высоко оценивали его интеллектуальные способности. И там он начинает читать первые лекции по социологии.

В силу своего относительно скромного происхождения, ограниченности контактов со сверстниками и прохладных отношений со своей семьей Ч. Р. Миллс полагает, что он себя создал сам: «Интеллектуально и культурно я являюсь тем, что называется „self-made“ настолько, насколько это могло быть, — пишет он. — Я был, по выражению одного из моих друзей, своеобразным „грибом“, который являлся выражением того, что я принял академические нормы и глубоко их интериоризировал; это означало ещё один разрыв с моими прежними семейными отношениями, а более широко — разрыв с моей социальной средой. Когда я поступил в университет, полагаю, что никто из тех, кого я ранее знал, включая и членов моей семьи, не были авторитетом в моих глазах. Я был отрезан от них и был одинок, и я это ощущал в то время. Это означало также, что моё образование было невысоким» [6].

Как видим, весьма критическая самооценка. Однако это не помешало Миллсу стать блестящим студентом.

Университет в Остине и интеллектуальное пробуждение

Через год после ухода из Техасского колледжа Миллс поступает в Техасский университет Остина. Его социальная жизнь интенсифицируется: он обретает друзей и встречается с Дороти (Фрея Хелен Смит), которая становится его женой [*Примечание авторов*: Бракосочетание Миллса с Дороти состоялось в октябре 1937 г. После вступления в брак была сотрудником дирекции женского общежития университета Техаса. Совмещала работу с учёбой. Сумела не только подготовить свою выпускную работу, но и помогла с печатью его докторской диссертации. В августе 1940 г. семейная пара распалась. Однако в марте 1941 г. семья была воссоздана. В 1943 г. родилась их дочь Памела].

В этом университете в 1939 г. он получает лицензию по социологии и становится магистром философии. Этот факт знаменовал собой его вступление в новое для себя интеллектуальное пространство. Здесь происходит встреча Миллса с рядом видных социологов, в том числе с Уорнером Гетти (1892–1973), директором департамента социологии, который был выходцем социологической школы в Чикаго и являлся одним из влиятельнейших социологов США в межвоенный период. В этот же период Миллс знакомится с работами школы, объединённой вокруг Р. Паркера (1864–1944), специалиста «городской экологии», использовавшей анкетные опросы и создававшей серьёзные монографические исследования [10].

Как подчёркивает один из биографов Миллса, социологи университета Остина не оказывали существенного влияния в Техасе, правда, имели тесные контакты с университетом Чикаго [11, p. 18–19]. Бывшие студенты Д. Г. Мида [*Примечание авторов*: Мид Джордж Герберт (1863–1931) — американский философ, психолог и социолог, один из представителей

символического интеракционизма], философы Остина ввели Миллса в поле американского прагматизма, в частности, прагматизма Д. Дьюи [*Примечание авторов*: Дьюи Джон (1859–1952) — американский философ и психолог, одна из основных фигур философии прагматизма].

У Мида Миллс заимствует идею о том, что язык является одним из основных инструментов, при помощи которых осуществляется социальный контроль. Язык, по Миду, играет существенную роль в создании сообщества (значимого другого), внутри которого реализуется индивидуальная социализация.

Заимствования, осуществлённые у Д. Дьюи, оказали ещё более значительное влияние на творчество Миллса в силу того, что они были связаны с политическим измерением.

Нужно сказать, что межвоенная американская социология была местом выражения для многих социальных реформаторов. Так, прагматическая философия лежала в основе нормативной программы трансформации США. Она защищала идею того, что перед лицом безраздельного господства частных интересов в обществе должна утверждаться широкая социальная и политическая коалиция, внутри которой интеллектуалы играли бы роль своеобразных идеологических просветителей [12] [13].

Знакомство Миллса с работами сторонников прагматизма имело для него решающее значение. Под воздействием К. Эйрса [*Примечание авторов*: Эйрс Кларенс Эдвин (1891–1972) — американский экономист, представитель институционального направления в экономической науке] он осваивает вопросы становления институционализированной экономики.

Нужно сказать, что К. Эйрс был выходцем из департамента философии университета Чикаго. Он был издателем журнала демократов «*The New Republic*» и директором департамента Труда при Ф. Рузвельте [14, p. 22].

Как известно, в своих произведениях (в частности, в работе «*Властвующая элита*») Миллс подвергал критике теорию «праздного класса» Т. Веблена [*Примечание авторов*: Веблен Торстейн (1857–1929) — американский экономист и социолог, основоположник институционного направления в политической экономии. Автор знаменитой работы «Теория праздного класса»], хотя и признавал многое из того, что Веблен вскрыл в своём произведении. Более того, в отличие от многих современников, в частности, тех из них, что разделяли взгляды социологов из Чикаго, Миллс выделяет, прямо скажем, *центральное значение институтов* в социологическом анализе.

И это понятно. Согласно Т. Веблену, институты — это «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди, — наследуются, таким образом, от прежнего времени, времени более или менее далекого» [2, с. 202]. В рамках прагматического подхода институт являет собой «привычки мысли и доминанты действия», унаследованные от прошлого, которые воздействуют на социальную эволюцию [15, p. 15–16].

Подход в терминах институтов позволяет переместить межиндивидуальные взаимодействия непосредственно в социальные структуры, что является одной из существенных характеристик модели, разработанной Миллсом. Он полагал, что социология не должна быть узницей монографии и должна позволять себе генерализацию.

Между философией и социологией

В межвоенный период американская социология не была объединена в эпистемологическом плане. Она была разделена на сторонников эмпирических исследований и представляющих их теоретиков, которые занимали примерно одинаковые позиции по своему влиянию [4, p. 314–366]. Не без влияния особенно внешних факторов в американской социологии утверждалось в те годы растущее влияние сторонников эмпиризма.

Речь идёт о том, что под воздействием Великой депрессии и утверждения на федеральном уровне некой формы государства всеобщего благоденствия в Америке неуклонно в те годы возрастала роль науки в публичной политике. Развитие массово-поточной организации труда содействовало тому, что возрастала потребность в эмпирических исследованиях как инструменте преодоления экономического кризиса через политику оплаты труда и научной организации труда как рациональной и прагматичной.

Что касается культурной политики США после Второй мировой войны, она была нацелена на то, чтобы противодействовать влиянию марксизма в социальных науках [16]. При поддержке бизнеса (Форда и Рокфеллера в частности) эмпирические исследования в США также получили бурное развитие.

Ко времени, когда Миллс закончил свою учёбу, американская социология находилась в состоянии серьёзных изменений. Сам же он занял как бы промежуточную позицию — между теорией и эмпиризмом. Несмотря на свою философскую подготовку, он посвящает себя в основном социологии знания. Его первые работы были посвящены освещению социологических аспектов прагматизма. Д. Дьюи, а также Ч. Пирс [*Примечание авторов*: Пирс Чарльз Сандерс (1839–1914) — американский философ, физик и математик] и У. Джеймс [*Примечание авторов*: Джеймс Уильям (1842–1010) — американский философ и психолог, один из основателей и ведущих представителей прагматизма] в своих исследованиях опирались на данные анкетных опросов.

Правда, они не изучали на системной основе социальные структуры и не выясняли контекст, в котором возникают их идеи. Более того, они иногда использовали для социологических исследований модели, выработанные в рамках естественных наук, как это сделал, например, Д. Дьюи, использовав понятие «адаптация» для осмысления социального поведения [14, p. 20].

Миллс не отказывается от эмпиризма, но он подходит к его использованию с позиции критического анализа, с позиции прагматизма. Он отказывается от социологического подхода, основанного на моделях естественных наук [10, p. 167], что в то время предлагал, например, Д. Ландберг [*Примечание авторов*: Ландберг Джордж Эндрю (1895–1966) — американский социолог-неопозитивист. Сторонник количественных методов в социологии, перенесения методов и моделей естественных наук (в особенности физики) в социологию].

Вступление в область социологии знания позволило Миллсу опубликовать три первых своих научных статьи: «*Методологические последствия социологии знания*» в «Американском журнале социологии», а также «*Язык, логика и культура*» и «*Ситуационные действия и словарь мотивации*» в «Американском социологическом журнале».

Первый из названных нами журналов занимал лидирующие, можно сказать, официальные позиции в социологической науке США до 1935 г., т. е. до появления «Американского социологического журнала». Появление статей в престижнейших журналах того времени принесло Миллсу определённую известность. При этом, как отмечают биографы Миллса, философские журналы его статьи не приняли. И это во многом предопределило то, что его исследования проводились в рамках социология прагматизма [17].

Желание продолжать свои исследования как социолога привело Миллса к обучению в аспирантуре университета Висконсина. И дело не только в том, что Миллс получил стипендию на обучение. Вместе со стипендией он получил приглашение Г. Беккера [*Примечание авторов*: Беккер Говард Пол (1899–1960) — американский социолог Чикагской школы социологии], одного из издателей «*Американского социологического журнала*», который обратил внимание на статью Миллса «Язык, логика и культура» [18, p. 21].

Стремительная карьера

Миллс представлял собой университетское поколение учёных, родившихся после 1900 г. и вошедших в социологию в 1930-е гг. К этому поколению относятся, в частности, Т. Парсонс (1902–1979), Р. Мертон (1910–2003) и П. Лазарсфельд (1901–1976). Эти три великих современника различаются своими теоретическими концепциями. Однако в том, что касается оценки роли социологов, они полагали, что их призвание — быть интеллектуалами, находящимися на службе демократии.

Открытие немецкой социологии

Выбор в пользу университета Висконсина был непростой. Его руководитель Г. Беккер как воспитанник Р. Парка из Чикаго должен был сменить Э. Росса [*Примечание авторов*: Росс Эдвард Олсворд (1866–1951) — один из основателей американской социологии и социальной психологии] на посту главы департамента социологии. Переводчик главного труда Леопольда фон Визе [*Примечание авторов*: Визе Леопольд фон (1876–1969) — немецкий социолог, представитель формальной школы в социологии] «Системная социология» (1932), один из родоначальников сетевого анализа, Г. Беккер был одним из тех американских учёных, которые внедряли немецкую социологию в США.

Нужно сказать, что ни Беккер, ни Миллс не были сторонниками позитивизма, но не были они и единомышленниками в социологии знания. В то время как Миллс руководствовался идеями К. Маннгейма [*Примечание авторов*: Маннгейм Карл (1893–1947) — родившийся в Венгрии немецкий и британский философ и социолог, один из создателей социологии знания], Беккер же эти идеи не разделял, ориентируясь на подход фон Визе. И Беккер не поддержал идею диссертации Миллса, связанную с увязкой содержания прагматической философии (идей) с трансформацией системы высшего образования в США (социальная структура). Несогласие было настолько значительным, что Беккер бросил своему студенту: «Пошел ты к чёрту!», на что Миллс ответил: «После вас, мистер!» [14, p. 27].

Но не всё было плохо для Миллса в университете Висконсина. Большое значение для него имела встреча и последующая дружба с немецким социологом Гансом Гертом [*Примечание авторов*: Герт Ганс Генрих (1908–1978) — американский социолог немецкого происхождения]. Правда, отношения между ними были неровными: Герт ревностно относился к академическим успехам Миллса и полагал, например, что Миллс присваивает многое только себе при представлении научной общественности их совместных работ.

Тем не менее сотрудничество этих двух социологов было плодотворным. Ни тот, ни другой не вписались полностью в департамент социологии, но оба стремились к приращению знания. Так, Г. Герт ввёл Миллса в неомарксистскую интерпретацию трудов М. Вебера, которая была насыщена политическим началом. Миллс вчитывался в переводы работ М. Вебера, сделанные Гертом, и осваивал концепции великого немецкого социолога и политолога.

Летом 1941 г. Миллс и Герт начали совместную работу над книгой по социальной психологии. Эта книга была опубликована только в 1953 г. под названием «Характер и социальная структура». И она становится теоретическим основанием большинства последующих работ Миллса.

Совместно они публикуют сборник текстов М. Вебера [19]. Замысел этой публикации прост: противостоять распространённым тогда в Америке взглядам Т. Парсонса.

В начале 1940-х гг. М. Вебер был мало известен в США. Были переведены только две работы Вебера: «Протестантская этика и дух капитализма», с которой работал Т. Парсонс, и «Экономическая история», на которую опирался в своей работе Фрэнк Найт [*Примечание авторов*: Найт Фрэнк Хайнеман (1885–1972) — один из видных американских экономистов

первой половины XX века. Разрабатывал теории предпринимательства, неопределённости и прибыли], который признан в качестве одного из основателей первой экономической школы Чикаго и сторонника экономического либерализма. Идеи Вебера были восприняты и консервативными мыслителями.

В это же время Р. Арон во Франции, а также Т. Парсонс в США, пропагандируя работы М. Вебера, прочно вписывают его имя в разряд немецкой социологии. Двухтомная работа Парсонса «Структура социального действия» (1937) освещает многое из социологии М. Вебера, в чём Миллс увидел и критический аспект: в политическом измерении господство преобразуется, например, в «императивную координацию» (imperative coordination) [*Примечание авторов*: Imperative coordination — (соц.) вероятность того, что распоряжение власти будет выполнено в организации или обществе]. Используя выражение, взятое на вооружение американскими социологами, позднее, с конца 1930-х гг. была предпринята германофильскими социологами попытка «де*парсонс*изировать Вебера» [20].

Именно это в своё время делали Герт и Миллс, будучи несогласными с присущим якобы Веберу «аксиологическим нейтралитетом». Они утверждали, что Вебер — это теоретик власти, рационализации и бюрократии. И добавляли: это «человек политики и политический интеллектуал» [19, p. 32].

Ретроспективно переводы, сделанные Гертом и Миллсом, а потом Гертом с Доном Мартиндэйлом (1905–1985) могли подвергаться критике немецкими социологами. Имели место в переводах не только ошибки в деталях, но также и противоречия по поводу эволюции веберовской мысли [21].

И тем не менее Герт и Миллс оказали существенное влияние на американское восприятие трудов М. Вебера. Вот как о восприятии в США трудов Вебера пишет Ги Роше [*Примечание авторов*: Роше Ги (1924 г. рожд.) — профессор социальных наук на факультете социологии в Университете Монреаля]: «Первоначально большинство американских социологов того времени не проявляли интереса и выражали даже неприятие к вопросам теории. Они были включены в эмпирические исследования, в которых они стремились к уточнению методов и техники исследований, в частности, количественных методов. Единственным теоретическим обсуждением — и это второй аспект трудностей, которые встретили труды Вебера в США — была приверженность к тому, что социологи называют функционализмом, который Вебер рассматривал как некую антитезу. Функционализм идентифицировался в традициях Дюркгейма и Малиновского, тогда как Вебер был привязан скорее к социологии власти, господства и конфликтов. В своём введении к уже упоминавшейся нами книге переводов „От Вебера“ Герт и Миллс сблизили подходы Маркса и Вебера… что не способствовало пропаганде Вебера в то время, когда в США утвердилось господство антикоммунизма и маккартизма. Наконец, третье основание трудностей: после Второй мировой войны учёные США проявляли крайне слабый интерес к Европе, если не сказать, что они испытывали некоторое презрение к ней и европейским интеллектуалам» [22].

Поворот к левым

В 1942 г. Миллс получил пост ассоциативного профессора в университете Мэриленда (College Park). В это время он включается в интеллектуальную среду критической левой, в частности, Нью-Йорка. Это вызывало лишь сожаление Герта, который не проявлял такой интеллектуальной приверженности [14, p. 57].

В социологическом сообществе в эти годы вставал вопрос: нужно ли социологу обращаться к более широкой аудитории, чем к коллегам? Это не было вопросом для Миллса. Он публикует свои статьи в журналах «*The New Leader»,* «*Partisan Review*» и «*The New Republic*»*,* в которых освещали свои позиции либералы и радикалы. Речь идёт о

антисталинской левой, включая демократов, троцкистов, анархистов и социалистов. И Миллс ощущает необходимость определить себя политически, чего у него не было ранее.

Катализатором данного процесса в 1940-е гг. была, естественно, война. Как пацифист и антимилитарист Миллс по медицинским соображениям не идёт на военную службу. Он сожалеет не только о варварском времени, но также и о том, что элементы милитаризма проникают до самых верхов государства.

Встречаясь с представителями Франкфуртской школы [*Примечание авторов*: Франкфуртская школа — одно из наиболее влиятельных и продуктивных направлений в неомарксизме, сложившееся в 1930-е гг. вокруг возглавляемого М. Хортхаймером Института социальных исследований при Франкфуртском университете], оказавшимися в США, он никак не может помешать себе провести параллели между тоталитарным режимом и централизацией власти в США. Миллс (и это его интеллектуальная константа) выявляет для себя растущее единение военного, экономического и политического элементов управления. Он видит упадок демократической жизни и трансформацию граждан в массу. Это тема его главной книги — «Властвующая элита», увидевшей свет в 1956 г. Однако сама идея книги зрела с начала 1940-х гг.

Война сделала Миллса «радикалом» в марксистском смысле этого слова: превратила его в человека, который смотрит в корень проблемы, который руководствуется не идеями, идущими сверху, но реальными интересами, идущими снизу. В отличие от антисталинских левых, которые упор делали на идеологию, Миллс видел, насколько глубоки изменения в американской экономике.

В статье, опубликованной в «*The New Leader*» в 1942 г., Миллс не скрывал своих социалистических убеждений. Однако он опирался и на убеждения, присущие либералам, — независимость экономической и политической свобод. Он пишет, что свобода, которая сохраняет сегодня частное предприятие, «является первой инстанцией свободы… предпринимателей продавать и покупать и получать прибыль» [23, p. 180].

Такая постановка вопроса в известном смысле как бы напоминает о позиции К. Маркса, который в год опубликования «Манифеста Коммунистической партии» в своей «Речи о свободе торговли» говорил: «Господа, не давайте обманывать себя абстрактным словом *свобода*! Чья это свобода? Это — не свобода каждой отдельной личности по отношению к другой личности. Это — свобода капитала выжимать последние соки из рабочего» [3, с. 416].

Миллс использует более мягкие формулы. Но в то же время утверждает, что свобода одних связана с зависимостью других и что в контексте саморегулирования экономики концентрация промышленности приведёт к возникновению *корпоративного бизнес-государства*, находящегося на службе сильных. Принцип laisser-faire [*Примечание авторов*: Laisser-faire (с фр. — «позволять делать») — принцип невмешательства — экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным] приведёт также к созданию административного совета государства из числа представителей правящей фракции господствующего класса. Марксист, думается, не сказал бы лучше.

Перед лицом создания государства, находящегося на службе сильных мира сего, поле манёвра для интеллектуалов становится очень ограниченным. И Миллс защищает идею о том, что интеллектуалы могли бы содействовать модификации социальной реальности и её дефиниции; эра прогресса, к которой относится первая треть XX в., как известно, во многом была связана с идеями Дьюи, в последующем полностью изменилась. С одной стороны, профессиональные интеллектуалы, в частности, университарии, не имели должного влияния. А с другой — обладатели власти (*powerless people*) могли бы стать теми, кто делают очевидным ответственность политических, экономических и военных руководителей в событиях, влияющих на всё человечество [23, p. 13–23]. И Миллс берёт на себя эту роль.

Сначала вместе, а потом против П. Лазарсфельда

В знак протеста против политики президента университета Мэриленда, который приглашал в университет всё больше и больше военных, Миллс нашёл более подходящие ему условия для работы в Колумбийском университете. Здесь он получил поддержку Р. Мертона [*Примечание авторов*: Мертон Роберт Кинг (1910–2003) — один из самых известных американских социологов XX в. Большую часть своей карьеры преподавал в Колумбийском университете].

Нужно сказать, что Мертон, как и Миллс, имел нетипичную для социолога США траекторию жизни и творчества [24]. Выходец из еврейской семьи, он сменил своё настоящее имя (Meyer Robert Schkolnik) на Роберт Кинг Мертон. Вырос он в народном пригороде Филадельфии и посещал кружки левых. Получив докторскую степень в Гарварде, он сыграл ключевую роль во введении в США идей Дюркгейма и быстро добился профессионального успеха.

В 1938 г. Мертон становится директором департамента социологии в университете Тьюлэйн (штат Луизиана), а тремя годами позже — в Колумбийском университете [14, p. 35].

В 1945 г. по приезде Миллса Мертон включил его в команду Пола Лазарсфельда. Это подразделение получало немалые субсидии от частных лиц и публичных заказов. Работа Миллса в этом университете существенно выше оплачивалась, чем на его прежней работе. Он не без некоторого восторга написал своим родителям: «Я не буду преподавать, а буду всё время заниматься исследованиями!» [6, p. 83–84].

И этот научный опыт был очень ценным для Миллса. С одной стороны, он получил массу данных, которые он потом использует для написания трилогии об американском обществе («*The New Men of Power*», «*White Collar*», «*The Power Elite*»). А с другой — как участник исследований по профсоюзам он размышляет о возможности союза между интеллектуалами и трудящимися.

Однако большая занятость исследованиями, проводившимися под руководством П. Лазарсфельда, затрудняла для него проведение собственной научной работы. Он занимался опросами о лидерах общественного мнения в г. Декатур (штат Иллинойс). Однако П. Лазарсфельд и Э. Катц публикуют «*Персонал влияния*» (1955), в которой они осветили роль медиа в формировании общественного мнения в области моды и политики.

Миллс, в свою очередь, издаёт «*Белые воротнички*». Благодаря П. Лазарсфельду, Миллс осваивает количественные методы, правда, высказывает недовольство масштабом математической формализации. В то время как Лазарсфельд уделяет пристальное внимание горизонтальным феноменам формирования общественного мнения, Миллс настаивает на значении вертикальной организации формирования общественного мнения, где значительную роль играют социальные классы и идеологии. И летом 1947 г. между ними происходит разрыв [25, p. 31].

С этого момента участие Миллса в Бюро прикладных социальных исследований (BASR) оказалось под вопросом. Завершается его исследование по профсоюзам и исследование по пуэрториканским иммигрантам. В 1947 г. он вторично женится на Рут Харпер.

Нужно сказать, что опыт работы с Лазарсфельдом убедил Миллса в том, что работа учёного и его интеллектуальные обязательства связаны между собой. А это наложило отпечаток на всю его последующую жизнь.

Отношения между Миллсом и Лазарсфельдом испортились окончательно. Даже на похороны Миллса П. Лазарсфельд не счёл возможным для себя прийти в 1962 г. Испортились отношения Миллса и с Р. Мертоном, что осложнило его положение в Колумбийском университете.

От Америки Г. Трумэна до международного обязательства

После Второй мировой войны Миллс живёт надеждой на большие социальные изменения. Однако изначальный оптимизм быстро улетучивается. С одной стороны, руководство американских профсоюзов постепенно интегрируется в руководящую элиту, а с другой — интеллектуалам не хватает мужества перед лицом растущей централизации власти.

Между старой и новой левой

После своего прибытия в Колумбийский университет Миллс стремится сблизиться с профсоюзами. В стране, где нет влиятельной левой партии, может быть, отсюда (полагал Миллс) сложится сила, способная противостоять консерваторам и либералам. Он перестаёт временно писать в общих интеллектуальных журналах и пытается через посредство *Inter-Union Institute for Labor and Democracy* содействовать подъёму рабочего движения.

Несмотря на опубликование своей книги «Новый человек власти» (1948), основанной на материалах его исследований профсоюзов в BASR, он отходит от организаций трудящихся. Он их считает сильно управляемыми. Осознавая, что без поддержки социальных сил идеи ничего не значат, Миллс не имеет более иллюзии в этом вопросе.

Американская левая к началу 1950-х гг. представлена была только среди интеллектуалов. В контексте Холодной войны многие экс-радикалы становятся либералами и защитниками демократической Америки. Это относится к «*Partisan Review*», который стал финансироваться Конгрессом за свободу в области культуры и стал получать поддержку от ЦРУ [14, p. 146]. Перед лицом превращения бывших троцкистов в неоконсерваторов [26] Миллс остался на маргинальных позициях. Он не был ни троцкистом, ни коммунистом, ни анархистом и даже ни демократом, но он не согласился с «концом идеологий», что исповедовал Д. Белл (1919–2011). Он занимает позицию «истинной политики», которая разоблачает концентрацию власти в Америке и сложившийся идеологический консенсус.

Время требовало вести борьбу при помощи книг, и его «Белые воротнички» и «Властвующая элита», ставшие бестселлерами, получили признание в качестве классических научных произведений.

Ч. Р. Миллс находит союзников в лице бывших троцкистов, издававших с 1954 г. «*Dissent*» с позиций интеллектуальной критики. И это был очень непростой момент для левых: старые левые агонизировали, а новые — только нарождались. Миллс пишет по самым разным темам, которые представляли интерес для молодых радикалов из числа университариев. Их идейные устремления были связаны в 1960-е гг. с пацифизмом, борьбой за гражданские права и с политической экологией. Сторонники Новых левых выступали за участие граждан в деятельности властвующих элит США и СССР, за демократизацию жизни и за мораль в публичных делах [27].

Эти темы можно встретить в политических работах Миллса, в частности, в памфлете «Причины Третьей мировой войны» (1958), проданном в несколько сот тысяч экземпляров. Этот памфлет разоблачает политическую реальность развитых стран Запада. Сконцентрировав в своих руках всю полноту экономической, военной и политической власти, они ведут народы к тотальной войне и душат демократию [28]. Ретроспективно можно сказать, что новые левые нашли в лице Миллса «музу» и «пророка» [18, p. 112].

Для такой характеристики есть два основания. С одной стороны, Том Хайден (1939 г. рожд.), редактор основополагающего текста «Студенты за демократическое общество» (*Students for a Democratic Society*) никогда не преуменьшал влияния Миллса на него: он ему посвятил свои мемуары, опубликованные под названием *Radical Nomad* [29]. И это не единственный пример. По поводу Миллса среди радикалов сложилась настоящая мифология [30].

С другой стороны, именно Миллс популяризировал в США выражение «новые левые». Он его заимствовал в Великобритании. Фактически, «элективная утонченность между произведением Миллса и требованиями большинства активных студентов были настолько велики, что его мысль коренилась в специфическую американскую традицию радикализма, которая не ставила под вопрос демократические идеалы и не взывала к насилию или революции» [31, p. 122].

Международный поворот

Начиная с 1956 г. после опубликования «Властвующей элиты» Миллс много путешествует. Он посещает в Европе Данию, Австрию, Германию, Великобританию. Его встречают в Польше, Чехословакии, Югославии, а также в Мексике, Бразилии и Кубе. Разъезды по миру становятся одной из причин развода Миллса с Рут Харпер в 1959 г. И Миллс вновь женится на Ярославе Сурмач украинского происхождения.

В эти годы Миллс встречает Ральфа Милибанда (1924–1994), профессора Лондонской школы экономики, с которым у него сложились почти братские отношения. Милибанд был марксистом, хотя никогда не входил ни в какую группу троцкистов или коммунистов. Это был типичный представитель левого крыла Лейбористской партии, а также влиятельный член британских новых левых.

Данное движение родилось после событий 1956 г. в Венгрии. В нём принимали участие диссиденты партий коммунистов и социалистов. Это движение институционализировалось в 1960 г., когда стал издаваться международный журнал «*New Left Review*». В кругах новых левых Миллс встречается с Перри Андерсеном (1938 г. рожд.), Стюартом Холлом (1932 г. рожд.) и Рэймондом Уильямсом (1921–1988).

Именно в указанном журнале в сентябре 1960 г. Миллс публикует ставшие знаменитыми тексты [32, p. 255–267]. Он в этих статьях публикует свою точку зрения на соотношение интеллектуальных сил в 1950-е гг. и показывает своё отношение по поводу надежд в послевоенные годы, связанных с увриеристской «метафизикой» у марксистов, которые видели в пролетариате основного агента исторических изменений.

По Миллсу, идеологи консерватизма (те, что вслед за Д. Беллом твердили о конце идеологий) поставили точку в западных странах, закрыв идеологические дебаты между «свободными» интеллектуалами и сторонниками сталинизма. И Миллс напоминает о разделении на левых и правых в политике, о различии между реакцией и социальной критикой. Левые должны понимать, что желая изменить мир, они должны быть в некотором смысле утопистами для того, чтобы изменить рамки политической дискуссии и её объекты. И силой, способной изменить мир, как на Востоке, так и на Западе становится интеллигенция, т. е. учёные, студенты, а более широко — профессиональная интеллигенция.

Такая позиция (связанная с американским контекстом) не была принята Милибандом и его единомышленниками. Миллс полагал, что изменение может быть следствием союза между средними классами Запада, революционерами Третьего мира и диссидентами Востока. Именно такая идея была заложена в последних работах Миллса. Публикует Миллс и несколько писем, адресованных воображаемым коллегам. Миллс стремился обосновать необходимость развёртывания диалога между интеллигентами Запада и Востока.

Параллельно Миллс вынашивал проект издания книги «The Cultural Apparatus», где он стремился выяснить и показать представления людей о себе и мире на базе заранее установленных схем своей среды (артисты, интеллигенция, политики и т. д.) и институтов (школа, церковь и т. д.), сложившиеся в ходе исторического развития и проповедуемых СМИ.

От Кубы к марксизму

Миллс в конце жизни проявляет растущий интерес к некоммунистическим левым силам. Летом 1960 г. Миллс едет на Кубу, где имеет встречи с кубинскими революционерами, включая Ф. Кастро и Че Гевару. Он становится пропагандистом кубинской революции. Его публикации имеют большой успех у широкой публики. Показательно, что в течение нескольких месяцев было продано 370 000 экземпляров данного издания.

Спустя несколько дней после кончины от сердечного приступа (20 марта 1962 г.) публикуется последнее произведение Миллса [34]. И это само по себе поднимает вопрос об идеологических воззрениях Миллса. В данной книге представлены собственные работы Миллса, а также выдержки из К. Маркса и фрагменты основных работ лидеров международного коммунистического движения. В книге содержится идея о том, что без Маркса невозможно представить современную социальную науку. Из Маркса Миллс заимствует модель историцизации социальных структур и трудов. И он не отделяет себя от марксизма. Но не приемлет марксизм вульгарный и оторванный от жизни. Первый несёт опасность превращения в «религию», а второй превращает марксизм в философскую систему, не считающуюся с эмпиризмом. А марксизм подлинный, по Миллсу, призван быть критичным.

При этом Миллс полагает, что социолог призван выявлять регулярность явлений и процессов, их тенденции, а не отыскивать некие универсальные законы. Он призывает к осмыслению исторических эпох на основе их структурных особенностей. И каждая эпоха переживает трансформации, которые воздействуют на социальные структуры. Между эпохами происходят революции. И марксизм позволяет моделизировать общество и его судьбу.

В то же время Миллс критикует теорию стратификации, основанную на экономических критериях, подвергает критике отождествление интереса трудящегося и объективного экономического интереса, критикует теорию государства как инструмента угнетения, стоящего на службе капитала. Словом, нет оснований утверждать, что Миллс стал в конце жизни марксистом. Вот как он сам говорил о себе в 1957 г.: «Позвольте мне ясно сказать об этом: я никогда не был тем, кого называют марксистом, но я полагаю, что Карл Маркс был одним из наиболее глубоких аналитиков общества, которое было создано современной цивилизацией. Его труды являются частью багажа всей социальной науки, что все должны знать» [35]. Признавая, что не было бы социальной науки без Маркса, Миллс, тем не менее, может претендовать н то, чтобы считать себя достойным представителем классической традиции в науке США.

Литература

1. Миллс Чарльз Райт. Социологическое воображение. М., 1998.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2015.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4.
4. Steinmetz G. American sociology before and after World Wat II. The (temporary) settling of a disciplinary field // Calhoun C. (dir.) Sociology in America. A History. Chicago, 2007.
5. Denord F., Réau B. La sociologie de Charles Wright Mills. P., 2014.
6. Mills K., Mills P., Wakefield D. (dir.) C. Wright Mills. Letters and Autobiographical Writing [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nytimes.com/books/first/m/mills-writings.html (дата обращения: 7.06.2016).
7. Gillam R. White collar from start to finish. C. Wright Mills in transition // Theory and Society. 1981. №1. P. 1–30.
8. Treviño A. The Social Thought of C. Wright Mills. Thousand Oaks, 2012.

9. Mills C. W. Les Causes de la Troisième Guerre mondiale. P., 1960.
10. Chapoulie J.-M. La Tradition sociologique de Chicago. P., 2001.
11. Horowitz I. L. C. Wright Mills. An American Utopian. New York, 1983.
12. Tilman R., Smich J. L. Radicalism vs liberalism: C. Wright Mill's critique of John Dewey's ideas // American Journal of Economics and Sociology. 1978. № 4. Octobre. P. 413–430
13. Tilman R. The intellectual pedigree of C. Wright Mills: a reappraisal // The Western Political Quarterly. № 4. Decembre. 1979. P. 479–496.
14. Geary D. Radical Ambition. C. Wright Mills, the Left, and American Social Thought. Bercley, 2009.
15. Chavance B. L' Economie institutionnelle. P., 2006.
16. Sauders F. S. Qui mène la dance? La CIA et la guerre froide culturelle. P., 2003.
17. Mills C. W. Sociology and Pragmatism. The Higher Learning in America. New York, 1964.
18. Oakes G., Vidich A. J. Collaboration, Reputation, and Etics in American Academic Life. Hans H. Gerth and C. Wright Mills. Urbana, 1999.
19. Gerth H., Mills C. W. (dir.) From Max Veber. Essays In Sociology. New York, 1946.
20. Cohen J. et al. Deparsonising Weber: A critique of Parsons' interpretation of Weber's sociology // American Sociological Review. 1975. № 40. P. 229–241.
21. Kantowsky D. Max Weber on India and Indian Interpretations of Weber // Contributions to Indian Sociology. 1982. Vol. 16. №2. P.141–174.
22. Rocher G. La reception de l'œuvre de Max Weber dans la sociologie du droit aux Etats-Unis // Droit et Société. 1988. № 9. P. 274–275.
23. Mills C. W. Collectivism and the mixed-up economy // Horowitz L. (dir.) Power, Politics, and People. The Collected Essays of C. Wright Mills. New York, 1963.
24. Saint-Martin A. La Sociologie de Robert K. Merton. P., 2013.
25. Summers J. H. Perpetual revelations: C. Wright Mills and Paul Lazarsfeld // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2006. № 608.
26. Wald A. M. The New York Intellectuals. The Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930 to 1980s. Chapel Hill, 1987.
27. Granjon M.-C. Révolte des campus et nouvelle gauche americaine (1960–1988) // Matériaux pour l'hiustoire de notre temps. 1988. № 11–13. P. 10–17.
28. Mills C. W. Les Causes de la Troisième Guerre mondiale. P., 1960.
29. Hayden T. Radical Nomad. C. Wright Mills and his Times. Boulder. Paradigm Publishers, 2006.
30. Summers J. H. The epigone's embrace, part II: C. Wright Mills and the New Left // Left History. 2008. Vol. 13. №2. P. 94–127. Leclerc A. (dir.).
31. Haye A. Charles Wright Mills, moraliste radical de la démocratie americaine // Hourmant F., Leclerc A. (dir.) Les intellectuels et le Pouvoir. Déclinaisons et mutations/ Rennes, 2012.
32. Mills C. W. Letter to the New Left // Summers J. H. (dir.) The Politics of Truth. Selected Writings of C. Wright Mills. New York, 2008.
33. Mills C. W. Listen, Yankee. The Revolution in Cuba. New York, 1960.
34. Mills C. W. The Marksists. Harmondsworth, New York, 1963.
35. Barrow C. W. Plain marxists, sophisticated marxists, and C. Wright Mills «The Power Elite» // Sciences and Society. 2007. №4. P. 405–406.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич *— доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru, victorzheltov@mail.ru.*

Желтов Максим Викторович *— доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ, makszeltov72@mail.ru.*

Бирюков С. В., Барсуков А. М.

THE PROSPECTS OF EURASIAN ECONOMIC UNION ENLARGEMENT

Аннотация: *В статье говорится о современном состоянии, актуальных проблемах и вызовах, а также о перспективах расширения Евразийского экономического союза в современных геоэкономических и геополитических условиях. Исследуются перспективы расширения ЕАЭС и разнообразные вызовы, существующие в рамках различных макрорегиональных зон и направлений его активности.*

Abstract: *The article considers the current state of relevant problems and challenges, as well as the prospects of expansion of the Eurasian Economic Union in the current geo-economic and geopolitical conditions. We study the prospects for expanding the EAEU and varied challenges, existing in the various macro-regional areas and directions of its activity.*

Ключевые слова*: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, расширение, вызовы и проблемы.*

Keywords: *Eurasian integration, Eurasian economic union, enlargement, challenges and problems.*

The Eurasian Economic Union (EAEU) officially marked the end of the first year of its activity. The anniversary of EAEU existence was signified by a number of important events culminating with signing the agreement on free zone trade with Vietnam on the session of CIS governments' heads and the EAEU on May, 29 2015. Despite some difficulties with coordinating the economic interests, certain imperfection of regulatory framework and organizational structure, the EAEU proved its vitality under the circumstances of growing external pressure and internal crisis processes. About forty countries showed their interest to the union process and expressed their desire to sing with EAEU free trade agreements and EAEU got two more members — Armenia and Kyrgyzstan.

EAEU deals today as a multifunctional long-term strategic scene. The first stage was an economic union to provide free movement of goods. In 2015 the formation of the united energy market was started and up to 2025 it is supposed to form the united Eurasian hydrocarbons market to stimulate the ongoing development of the Eurasian economy. In the nearest future there will be taken into account also social, cultural and political themes to broaden the room of cultural dialogue and strengthen the cultural sovereignty of the union members.

Among ***objective hindrances of the EAEU enlargement and deepening of the integration process*** we can name the following:

1) Conflict tensions between Russia and the West which have impact on the post-Soviet space and hamper the European vector of the Eurasian integration.

2) Disparity of some modernizing projects put forth by the candidates for joining the EAEU when such projects do not correspond to the Eurasian integration strategy worked out by the main participants.

3) Incoherence of the economic models applied by different post-Soviet states (the strategy of own resources development).

4) A weak consolidation of political, governmental and administrative institutions within the would-be participants that restricts the opportunities of their participation in the integration and modernization process in the post-Soviet space.

5) The absence of the proper political consensus among the elite of certain states which are the would-be members of the EAEU. It complicates their final choice in favor of the integration strategy.

Despite difficulties and discrepancies the development and qualitative improvement of the EAEU is going on. The improvement of the structural organization and re-position of its traditional participants is one of the vector for the union development.

The year 2016 passed under the auspices of Kazakhstan's presidency in the EAEU. The presidency emphasizes the influence and importance of this country within the union. In the situation of the deepening economic crisis and the Western sanctions imposed on Russia the Kazakhstan's role is to be a stabilizer for the economic situation within the EAEU or like a window towards the West as well as a mediator in the political negotiations with the West. During the period of different integration projects Kazakhstan distinguished itself as a consistent and active member of the Eurasian integration process supporting Russia's view towards the main integration problems. All these makes Kazakhstan's presidency rather understandable.

The EAEU institutions' development is going on. The new staff for the Eurasian board is formed — two members from every member state. The nomination a representative of Armenia T.S. Sargsyan as the board head underlines the desirability of deeper integration of this country into the EAEU and shows the political support for Armenia's authorities by other member states. Armenia chose the EAEU at the end of 2013 and is not bordered by other EAEU members. Armenia's political environment is problematic and its economy depends to much extent on the relationship with Iran. One can certainly suppose that a full-scale Eurasian integration of Armenia takes time and efforts. This process will be complicated by geopolitical factors as well as the difficult political situation in Armenia itself.

As for Georgia it is necessary to note that the unanimous position of its elite supported by the certain part of the Georgian populace means Euro-Atlantic integration. The only hindrance here is the Abkhazia and South Ossetia problem which independence is not recognized by Tbilisi. The ongoing tensions between Georgia and Russia turn a free trade zone with Georgia into a hypothetical perspective.

Are there any real prospects of the EAEU enlargement? Nowadays in the post-Soviet world there is no other effectively working inter-state unions with development potential like that of the EAEU. Unfortunately the CIS could not work as an effective tool of the post-Soviet integration. The uniting of the post-Soviet states into regional blocks (for example, the Central Asian Union) did not bring the expected effect. The prospects of the integration into EU institutions are so far speculative for the majority of the post-Soviet states and does not grant tangible economic and social advantages, at least at the starting period. In this regard the more scrutinizing attention to the integration potential of the EAEU is of importance as well as the would-be vectors of further integration.

Under such geopolitical circumstances the Central Asian vector is getting a special importance. Having integrated Kyrgyzstan and planning to integrate Tajikistan in the nearest future the EAEU authorities and these of Russia first of all try to play the lead enhancing their influence in the Central Asian region. Russia gets so additional political opportunities, approaches to new markets and important communications and raw material sources. However the effects of the getting in new EAEU members may be ambiguous. The contemporary Central Asia is a continuum of problems due to unstable governing institutions, necessity of political-administrative transition, instability of economics based on raw materials and agriculture. The situation is aggravated by the threatening export of radical Islam to the region.

The key problems of newly integrated Kyrgyzstan is a structural degradation of economy, low productivity and the triumph of the mediator economic model based on re-export and re-import. None the less at the outset of the integration process Kyrgyzstan has a chance to use the EAEU mechanisms to stabilize its social and economic situation.

Among other problems with Kyrgyzstan's integration there are migration, informal ways of social and political life and the influence of the Russian economy upon the economy of Kyrgyzstan [1, 198–215].

As for possible Tajikistan's joining the EAEU there are both supporters and opponents of this idea. According to the research of Eurasian development bank concerning the economic effects of Tajikistan's joining the EAEU this country has economic potential for joining Custom Union and Common Economic Space [2, 27–30].

Simultaneously the integration of Tajikistan poses the risk of engaging other EAEU states into regional conflicts. The expert community is worried by the weakness of Tajikistan's state bodies, ongoing degradation of social sphere and official ban for the Party of Islamic Revival of Tajikistan that resulted in the lost of control over the political and religious life and destruction of the coalition's mutual mechanisms set after the civil war 1992–1993.

As for the states **not bordered by the EAEU members** and being interested in forming a free trade zone with the EAEU (Egypt, Israel, Tunisia, Pakistan, Jordan, Mongolia) the diversity of these countries, their belonging to different geopolitical and geo-economic regions, their obligations concerning their foreign policy or external economy, weak ties with Great Eurasia make their inclusion into Common Economic Space rather disputable in the nearest future as the best case scenario.

There exist some difficulties concerning other and more probable candidates for the EAEU joining. First of all it concerns **Uzbekistan** which left CSTO in 2006 believing the political guarantees of the West for power transition (in 2014 the Uzbekistan' authorities refused from it). For a long period Uzbekistan relied on social and economic modernization process with its own resources (demographic ones as well as raw materials) including own (re)industrialization program. It was supposed to form a potential sales market for growing Uzbekistan' economy wishing the Central Asia Union. The Union was torpedoed by Kyrgyzstan's joining the WTO in December 1998. Following this logics Uzbekistan never yearned for a full-scale integration with other post-Soviet states. Uzbekistan successively left the Central Asia Union, the Eurasian Economic Union, rejected the invitation to join the Custom Union and did not intend to join the WTO till 2020. However its raw material resources turned to be restricted, the demographic problems and unemployment also were getting more acute and odd successful investments or some high tech projects did not let to talk about careful and complex re-industrialization.

The would-be integration of Uzbekistan into the EAEU is complicated by the autarkic elements in Uzbekistan's economy together with complex processes within Uzbekistan's political class. As the background of rivalry with Kazakhstan for regional leadership Uzbekistan's business elite is worried by the growing economic influence of more powerful Kazakhstan which business is more deeply integrated with the stronger economy of the Russian Federation. In total all these factors let us to hope only for associated relationships between Uzbekistan and the EAEU though making possible the formation of a free trade zone.

Having huge natural gas resources ***Turkmenistan*** takes today a special position as for joining any union. Turkmenistan officially declared its neutrality and is balancing between EU, Russia, China and Iran. In summer 2015 there exacerbated the "gas tensions" between Russia and Turkmenistan. The West, Iran and China consider Turkmenistan to be an important partner in the energetic sphere. This is no accident because the volumes of the natural gas extracted by Ashgabad per year reached the record — 80 billion cubic meters. Year to year the extraction volumes grow at 10%. But worsening the situation on Turkmenistan-Afghanistan border — a row of assaults on Turkmen frontier posts with casualties among the Turkmen border troops make the official Ashgabad's strategy of self-sufficiency rather dubious and compel it to tighten contacts with SCO. ***Integration of Turkmenistan into the EAEU in the foreseeable future is unlikely if taking into consideration clashes of Turkmenistan's economic interests with position of other participants of the Eurasian integration.***

The EAEU enlargement is not narrowed only to the post-Soviet space. Together with establishing tight contacts with Vietnam which turns to be an important link with ASEAN countries an agreement about a free trade zone with Laos looks rather probable taking into consideration that Laos is like Vietnam by many economic aspects. The EAEU yearns for close partnership with China and participation in big projects like New Silk Way ("One belt, one road"). The growing Chinese economy needs raw materials and Central Asian region is rich with them. Also China needs transit roads to Europe. It encourages China to undertake big infrastructure projects and Great Silk Road is one of them. This projects confirms the aspiration of the Chinese authorities to integrate into the global infrastructure to enhance general competitiveness of the Chinese economy and provide the access to new markets. For Russia and Central Asian countries participation in the Chinese projects means investments into transport infrastructure, revival of the regions participating into the projects as well as the adjacent territories, additional opportunities for energy export to China.

As for ***China*** it is spreading its influence and elements of infrastructure in the Central Asia to get access to the local energy resources and sales markets. But it ***prefers to act within its own project "New Silk Road"*** with no desire to join the regional economic unions. The formation of a free trade zone between China and the EAEU confronts the problem of economic competitiveness of would-be participants. If this idea is advantageous its realization may last from 10 to 30 years. It is supposed that the first step towards such free trade zone should be an agreement about commercial and economic cooperation between China and the EAEU. The forming of more stable and institutionalized tools for such cooperation is possible in the distant future and needs detailed consultations.

Thus we can certainly point out the variety of chances and opportunities as well as challenges and problems for the EAEU. Obviously the evolving situation demands from the EAEU to provide complex multilateral strategy in order to minimize threats and face the challenges in the appropriate way applying the whole set of existing and emerging possibilities for strengthening the union's position. The necessity for such strategy with participation of all member states is becoming urgent.

Literature

1. Kupatadze A. Political corruption in Eurasia: understanding collusion between states, organized, crime and business // Theoretical criminology. 2015. Vol. 19. P.198–215.
2. Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. Санкт-Петербург, 2013.

Информация об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович *— доктор политических наук, профессор кафедры политических наук КемГУ, birs.07@mail.ru.*

Барсуков Александр Михайлович *– кандидат политических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений СИУ РАНХиГС (Новосибирск), amb2@inbox.ru*

Чирун С. Н., Тихонов В. А.

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *В статье представлен анализ методов и способов оптимизации государственной политики в области физической культуры и спорта. Цель данной статьи заключается в создании инструментальных предпосылок процессу оптимизации государственной спортивной политики в современных условиях.*

Abstract: *The paper presents an analysis of the techniques and methods of optimization of state policy in the sphere of physical culture and sports. The purpose of this article is to provide a tool to optimize the process of the prerequisites of the state sports policy under current conditions.*

Ключевые слова: *государственная политика, физическая культура, оптимизация, спорт, реализация.*

Keywords: *public policy, physical culture, optimization, sports, realization.*

Для целей правового регулирования современному государству достаточно использовать в основополагающем нормативном акте лишь те классификации спорта, которые входят в пределы его физкультурно-спортивной политики. Поскольку спорт затрагивает самые разные стороны общественной жизни, в его призме развивается целый комплекс отношений, в регулировании которых заинтересовано государство. Поэтому спорт, на наш взгляд, следует трактовать как систему общественных отношений, складывающихся по поводу организации и проведения соревнований и специальной практики подготовки человека к ним. Под *физической культурой* следует понимать совокупность ценностей и норм, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности, формирования здорового образа жизни и социальной адаптации путем физического воспитания [1]. Соревновательный компонент выступает определяющим признаком любого выделяемого на государственном уровне вида спорта, в том числе и массового. Этим понятие *спорта* отличается от физической культуры, в которой ключевой акцент делается на развитии личности и поддержании её индивидуальной физической активности. Соответственно, массовый спорт представляет интерес для государственной власти преимущественно перед физической культурой. Объектом государственной политики в спорте выступают не только экономические отношения, поскольку помимо достижения экономических показателей государство преследует и иные цели: поддержание здоровья нации, развитие государственной и общественной идеологии, социальная помощь, обучение, общественный порядок и т. д.

В последнее десятилетие в Российской Федерации реализуется смешанная модель взаимодействия физкультурно-спортивной сферы и государства, при которой государство имеет обязанности по поддержке физической культуры и спорта, при этом вопросы взаимодействия заранее не определены и не закреплены юридически, так как решаются по мере необходимости. Стараясь предупредить возможные проблемы, государство разрабатывает различные стратегии и программы, например, в свете предстоящих социальных реформ или проведения крупномасштабного спортивного мероприятия. Стиль общения государства и общества по вопросам физкультурно-спортивной сферы должен заключаться в

ориентировании, информировании и консолидации граждан в том направлении, которое перспективно и взаимовыгодно в рамках современной физкультурно-спортивной политики Российской Федерации.

Национальная спортивная система Российской Федерации относится к смешанной модели соотношения государства и физкультурно-спортивного сектора. Не отказавшись полностью от ценностей и стандартов советского спорта, она находится в поиске пути дальнейшего развития. В настоящее время она построена по пирамидальному принципу распределения управленческих полномочий.

Консолидирующим и властным подразделением российской спортивной системы являются спортивные организации, которые курируют основные элементы физкультурно-спортивной сферы, начиная от спортивных кадров и заканчивая материально-технической инфраструктурой. Указанная система имеет двойственный статус, поскольку является одновременно и объектом государственного регулирования, и инструментом воздействия на спорт, что позволяет государственной власти определять границы своего вмешательства в физкультурно-спортивную сферу.

Спортивные организации, в свою очередь, образуют разветвлённую взаимосвязанную систему, осуществляющую управленческие функции как в масштабах всей страны, так и на локально-территориальном уровне. Центральное место среди них отведено *спортивным федерациям*, создаваемым для развития одного или нескольких видов спорта. Их существование возможно исключительно по той причине, что они удобны государству в реализации управленческих функций внутри спортивной системы. Это находит своё воплощение в многоуровневом государственном контроле над их деятельностью. Факт существования спортивной организации невозможен без её соответствующей государственной регистрации в качестве юридического лица. Зная о функционировании спортивного объединения, государство проводит дополнительную проверку с целью установления способности спортивной организации заниматься управленческой деятельностью.

В Российской Федерации провозглашена политическая и социально-экономическая монополия спортивных федераций в соответствующем виде спорта. По одному виду спорта может быть аккредитована лишь одна спортивная федерация как на общефедеральном уровне, так и на региональном. В этом усматривается желание государства иметь на своей территории именно такую спортивную систему, которая обладает чёткой вертикальной иерархией. Аккредитация спортивных федераций связана с наделением их специальными властными полномочиями, направленными на управление конкретным видом спорта как в масштабах всей страны, так и на региональном уровне. По итогам данной процедуры государство решает вопрос о делегировании части собственных полномочий соответствующему спортивному объединению. Объясняется это совпадением целей и задач государственной физкультурно-спортивной политики с учредительными целями спортивных федераций. Соответственно, они выступают государственно-общественными объединениями, которые призваны воплощать сформулированные государством задачи физкультурно-спортивной политики в соответствующем виде спорта.

Смешанный тип спортивной системы России порождает тенденцию постепенной утраты государством возможности безграничного контроля над физкультурно-спортивной сферой государства в целом. Утрачивая аккредитацию, либо не имея её вообще, отдельные федерации спорта способны поддерживать на высоком уровне своё существование вне зависимости от государственной воли, что соответствует официально признанной форме государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта.

В отечественной спортивной системе прослеживается сильное влияние международных спортивных объединений. Занимаемое отдельными спортивными

организациями автономное от государства положение не могло бы быть прочным, если бы не имело под собой признания международными спортивными федерациями. Вследствие этого унификация международного спортивного движения может быть расценена лишь в качестве попытки современных государств привести международную спортивную систему к общему знаменателю для простоты управления. Национальные федерации спорта подчиняются как государству, так и международным спортивным движениям, что находит своё выражение в обязательности прохождения негосударственной аккредитации международной спортивной организации. Это необходимо для оформления возможности использовать систему международных стандартов и приобретения права доступа к мировой спортивной инфраструктуре, включая участие в соревнованиях. Указанная особенность приводит к тому, что спортивным федерациям передаются отдельные государственные полномочия, что в данный момент удобно для государства, позволяющего тем самым активно внедрять на своей территории международные стандарты требования. Поэтому при сохраняющемся сильном государственном контроле над базовыми спортивными объединениями власть над отдельными видами спорта имеют и международные спортивные федерации, что приводит к дуализму в управлении спортивной системой, отражающему её переходное состояние.

Низовые звенья в структуре спортивной системы (спортивные кадры) могут в принципе не иметь возможности решать большинство организационных вопросов непосредственно с общероссийскими федерациями спорта, если последние не предоставят им данное право. В отношении них наблюдается руководящая функция государства по признанию в качестве субъектов физкультурно-спортивной сферы отдельных категорий лиц. Однако подобная зависимость субъектов от официального государственного признания чревата неопределённостью статуса фактических участников физкультурно-спортивной деятельности.

Исходя из проведённого научного анализа, цели политики Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта должны заключаться в обеспечении доступа населения к спортивной инфраструктуре, повышении конкурентоспособности российского спорта и поддержании должного уровня здоровья населения. *В качестве задач, обеспечивающих достижение этих целей, необходимо рассматривать*:

1) модернизацию системы физического воспитания различных категорий и групп населения как в образовательных учреждениях, так и по месту жительства;

2) развитие физкультурно-спортивной инфраструктуры и совершенствование её финансирования;

3) обеспечение общественной безопасности на спортивных объектах;

4) поддержку развития организационно-управленческого, кадрового, научно-методического, медико-биологического и антидопингового обеспечения физкультурно-спортивной деятельности;

5) материально-техническое и информационное обеспечение в разработке и внедрении новых научно-методических достижений в сфере физической культуры и спорта; совершенствование подготовки спортсменов высокого класса и спортивного резерва для повышения конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене с усилением мер социальной защиты спортсменов и тренеров;

6) организацию работы с болельщиками и их объединениями.

Подобная система государственных задач, на наш взгляд, отвечает современному уровню развития российского общества и потребностям физкультурно-спортивной сферы. Реализация физкультурно-спортивной политики происходит с помощью целого комплекса активных мер. Достижение поставленных целей и задач является результатом их успешного и правильного воплощения. Поэтому внешнее выражение подобных мер, по нашему мнению, может рассматриваться в качестве формы физкультурно-спортивной политики. Особенностью данных форм является то, что внешнее выражение физкультурно-спортивной политики

воплощается в конкретной деятельности субъектов, которая направлена на формирование непротиворечивой, научно-обоснованной и единой спортивной системы и осуществляется на базе принципов социально-экономической политики. Такая особенность создаёт для реализации физкультурно-спортивной политики необходимые условия, т. е. выступает реализующим началом политики в целом. Поэтому под формами реализации физкультурно-спортивной политики необходимо понимать воплощение в целенаправленной деятельности субъектов спортивной системы требований, принципов и приоритетов социально-экономической политики, направленных на достижение её отдельных целей, решение обоснованных задач.

Средства и методы физкультурно-спортивной политики соотносятся друг с другом как содержание и форма, что в единстве образует категорию «меры политики». Средства понимаются как конкретные обстоятельства воздействия определённого субъекта (государства) на объект (физическая культура и спорт), а методы характеризуют способы применения этих средств. Все меры физкультурно-спортивной политики ранжированы в зависимости от конкретных целей и задач и включают в себя как конкретные факторы влияния на отдельный сегмент физкультурно-спортивной сферы, так и способы воплощения данных факторов.

В России за основу реализации мер физкультурно-спортивной политики взяты четыре основные категории населения: спортсмены, учащаяся молодёжь, взрослое население и лица с ограниченными физическими возможностями. Из всего массива мер, предпринимаемых государством, лишь разработка технических регламентов, национальных стандартов и свода правил по проектированию и строительству объектов спорта, а также правил сертификации услуг и продукции являются мерами общего характера, применяемыми как в образовательной и профессионально-спортивной среде, так и в части общедоступных инфраструктурных объектов. Все другие меры, предпринимаемые государством в порядке реализации физкультурно-спортивной политики, ориентированы на строго целевую аудиторию. Вместе с тем даже провозглашённые государством меры в отношении отдельных категорий населения (лиц с ограниченными физическими возможностями и военнослужащих) в общем виде являются мерами других видов государственной политики, испытывая на себе влияние как специфики объекта регулирования, так и фактических потребностей общества в соотношении с необходимостью решения базовых социально-политических вопросов.

Обеспечение общей доступности спортивной инфраструктуры как базовой цели физкультурно-спортивной политики происходит путём совокупного использования средств, условно разделённых на две категории.

Первая группа мер призвана определить реальные потребности населения в занятии физической культурой и спортом, включая развитие профессиональных услуг в этой области. Такая категория носит исключительно информационный характер, имеет постоянную временную основу, поскольку обеспечивает как предстоящие мероприятия по созданию спортивной инфраструктуры, так и текущие действия по поддержанию объектов физической культуры и спорта в надлежащем состоянии.

Вторая группа мер, направленных на обеспечение общей доступности спортивной инфраструктуры, связана непосредственно с созданием и эксплуатацией объектов физической культуры и спорта. Однако не все используемые государством меры удачно сформулированы в Стратегии и Федеральной программе, а некоторые из них имеют дефекты в реализации. В частности, в настоящий момент у государства нет возможности отслеживать ни факты образования спортивных клубов по месту жительству или работы граждан, ни качественные показатели их деятельности. Следовательно, проблема реализуемости меры по развитию спортивных клубов по месту жительства требует совершенно иного подхода. Во многом решение указанной проблемы возможно с помощью такой меры, как предоставление поддержки предприятиям, которые осуществляют строительство спортивных сооружений.

Однако официально на государственном уровне реализация данных возможностей не закреплена, вследствие чего они стали носить случайный характер и в большей части получают воплощение лишь на отдельных территориях.

На этом фоне общая концепция формирования полномочий органов, непосредственно осуществляющих физкультурно-спортивную политику, также выглядит в определённой степени противоречиво [2]. Стоит заметить, что физкультурно-спортивная политика, как и другие политические направления Российской Федерации, в современности испытывает влияние переходного периода, вследствие чего не все её концептуальные начала получают воплощение в реальности. Идеальное состояние, когда общая доступность спортивной инфраструктуры будет связана со всеми категориями населения, в настоящий момент является труднодостижимой задачей и требует тщательного пересмотра.

Следует отметить, что отражённые в официальных программных документах проблемы физкультурно-спортивной сферы в большинстве своём нуждаются в уточнении и дополнении. Причина этого кроется в подмене понятий. Проблемами в отдельных случаях называются лишь отдельные факторы, способствующие их возникновению и развитию, а в некоторых случаях в качестве проблемы обозначается её негативный результат. Это порождает иждивенческие настроения как в обществе, так и в спорте, позволяя всякий раз обвинять государственную власть в плохой организации объявленного курса политики. В силу данного обстоятельства необходимо пересмотреть подходы к формулированию вопросов, которые должны решаться на государственном уровне. Прежде всего, в Стратегии и Федеральной программе, являющихся программными документами государственной физкультурно-спортивной политики, необходимо уточнить ряд положений, имеющих явно неоднозначный характер [3].

К современным проблемам физкультурно-спортивной политики России следует относить:

1) несоответствие уровня материальной базы и инфраструктуры физической культуры и спорта задачам развития спорта в стране, а также их моральный и физический износ;

2) недостаточное количество профессиональных спортивных кадров;

3) отсутствие эффективной системы отбора и подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд страны;

4) значительное отставание от ведущих спортивных держав в развитии и внедрении инновационных спортивных технологий;

5) отсутствие консенсуса между спортивной общественностью, населением и государственной властью.

Сокращение официально признанных проблем в данной сфере позволит государству оптимизировать финансовые затраты, добиться эффективности проводимой политики и наладить конструктивный диалог с представителями спортивного сектора.

На протяжении последнего десятилетия в физкультурно-спортивном комплексе регионов наметились позитивные тенденции, определяющие модернизацию с участием государственной и местных властей. Во многом это обусловлено изменением подхода региональных политических элит к решению проблем в области физической культуры и спорта. Ранее происходила ориентация субъектов федерации на программные установки федерального центра, вследствие чего наблюдалось дублирование положений федеральных физкультурно-спортивных программ в соответствующих официальных документах регионального уровня. В настоящее время, напротив, заметен переход руководства многих регионов к самостоятельному поиску и решению проблем физической культуры и спорта на подведомственной территории. Собственный подход к формированию политики по вопросам, отнесённым к совместному ведению, — характерный признак для государств с федеративной формой устройства. Вместе с тем в ряде субъектов Российской Федерации наблюдается обратный процесс, при котором сформулированные задачи по решению проблем

физкультурно-спортивного сектора настолько абстрактны, что мероприятия по их воплощению имеют низкую эффективность. При этом сами проблемы продолжают препятствовать развитию отрасли на протяжении продолжительного периода времени. Устранить данный дисбаланс, на наш взгляд, позволит межрегиональный обмен опытом и, прежде всего, сотрудничество субъектов федерации по вопросам формирования стратегий развития физкультурно-спортивной политики и её реализации.

Нынешнее экономическое состояние регионов подтверждает неэффективность применения прежнего финансового механизма по решению проблем физкультурно-спортивной политики, когда основное бремя содержания расходов отрасли нёс бюджет региона. В настоящее время должен использоваться сегментарный подход к финансированию, при котором государство выполняет функцию не казначейства, а координатора в поиске необходимых средств. Умение региональных руководителей привлечь к процессу осуществления государственной политики в области физической культуры и спорта разных субъектов и, прежде всего, частных инвесторов, выглядит наиболее действенной мерой.

Вместе с тем ни бизнес, ни некоммерческие объединения не способны обеспечить в полной мере потребность общества в физкультурно-спортивной инфраструктуре. Поэтому данный вопрос остаётся приоритетным для государственной физкультурно-спортивной политики. Представляется вполне закономерным преобладание государственной и муниципальной собственности в региональной инфраструктуре на фоне недостатка ресурсной базы у самих самоуправляемых спортивных систем [4].

Некоторыми региональными властями предпринимается попытка использования самостоятельного подхода к минимизации проблем отрасли. Это объясняет ситуацию, при которой в одних субъектах федерации наблюдается позитивная динамика развития отрасли благодаря скоординированной работе административно-государственного аппарата, наличию социально-экономических ресурсов и контактов с непосредственными участниками физкультурно-спортивной системы. Как правило, в таких регионах проблемы отрасли решаются поэтапно по степени их остроты и с учётом фактических возможностей власти по воздействию на них. Вследствие этого используется специфический набор средств, способствующих минимизации негативных последствий от проблем в физической культуре и спорта региона. Очевиден и сегментарный подход к оценке состояния физкультурно-спортивной сферы на региональном уровне, при помощи которого ресурсы субъекта федерации концентрируются на конкретном круге вопросов, представляющих приоритет. Ряд регионов сегодня не имеет самостоятельных программ развития физкультурно-спортивной отрасли. Это объясняется пассивной позицией самих региональных властей, а также попыткой решения проблем отрасли за счёт осуществления других направлений социально-экономической политики, что было свойственно ещё в 1990-е годы. Напротив, в субъектах федерации, имеющих собственные варианты решения физкультурно-спортивных проблем, наблюдается увеличение показателей, заложенных в федеральной стратегии развития спорта. Основным фактором при этом выступает адекватная оценка регионами собственных возможностей и их сопоставление с ожидаемыми результатами, которые, к сожалению, до сих пор часто имеют «завышенный» характер.

Вследствие этого нами констатируется факт, что собственная стратегия развития физической культуры и спорта среди регионов является больше исключением, чем правилом. Примечательно при этом, что в отдельных региональных стратегиях физкультурно-спортивной политики содержатся неточности, которые в своей совокупности могут выступать существенным барьером в достижении поставленных целей и задач.

В настоящее время федеральный центр формулирует основные цели, задачи, принципы и методы осуществления общегосударственной политики в области физической культуры и спорта, т. е. определяется модель отношений в данной отрасли. С учётом своих особенностей каждый субъект федерации фиксирует их в официальных региональных стратегиях развития

физической культуры и спорта, при этом регионам предоставлено право делать отступления от общефедеральных программно-декларативных положений, чем они пользуются крайне редко.

Поскольку сегодня среди регионов не наблюдается единообразного подхода к оформлению стратегий развития физической культуры и спорта, следует выделить в качестве основных *три формы*:

а) закон, направленный на регулирование общественных отношений в физкультурно-спортивной сфере с учётом региональных особенностей;

б) самостоятельный программный документ, содержащий цели, задачи и механизмы реализации физкультурно-спортивной политики в субъекте федерации;

в) совокупность документов разной юридической силы, содержащих как общие, так и специальные меры физкультурно-спортивной политики региона с учётом особенностей регулируемых отношений.

При этом комбинированная форма выражения стратегии развития физической культуры и спорта является преобладающей тенденцией среди субъектов Российской Федерации.

Также представляется целесообразным выделять формы региональной физкультурно-спортивной политики по характеру распределения властных полномочий в субъектах Российской Федерации. По данному основанию стратегии развития физической культуры и спорта классифицируются на *законодательные* и *административные*. При этом административные стратегии развития физкультурно-спортивной политики необходимо подразделять на принятые коллегиально (высшим органом исполнительной власти региона) и единолично (главой субъекта федерации). Существующая система принятия региональных стратегий развития физкультурно-спортивного сектора отчасти демонстрирует распределение политических сил в субъекте федерации в части решения вопросов в сфере физической культуры и спорта. На этом фоне административный порядок принятия стратегий региональной политики в области физической культуры и спорта в целом соответствует фактическому состоянию данной сферы и продиктован характером распределения властных ресурсов в субъектах федерации.

В отдельных регионах стратегии развития физической культуры и спорта заложены в так называемых *«целевых программах»*, многие из которых приняты лишь по отдельным направлениям физкультурно-спортивной политики. Исходя из этого, региональные стратегии развития физической культуры и спорта можно разделить на кодифицированные, которые состоят из одного документа, содержащего ключевые положения региональной политики, и некодифицированные, состоящие из нескольких программных документов. Некодифицированные программные акты в большей степени содержат отличающиеся от федеральных установок положения, в то время как кодифицированные стратегии построены по типу федеральных программных актов. Поэтому основные их элементы в разной степени соответствуют федеральной стратегии, а в ряде случаев дублируют её положения. Исходя из этого, региональные стратегии физкультурно-спортивной политики в зависимости от ориентации на федеральную стратегию развития физической культуры и спорта можно разделить на три группы: стратегии федерального типа, стратегии регионального типа, стратегии смешанного типа.

Сочетание федеральных и региональных интересов в осуществлении политики субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта возможно при смешанном типе стратегии, когда обозначенные на федеральном уровне цели и задачи сопоставлены с региональными проблемами физкультурно-спортивного сектора и конкретизированы с учётом способности субъекта федерации самостоятельно решить их на собственной территории. Такой вид региональной стратегии развития физической культуры и спорта получил воплощение в подавляющем большинстве регионов.

По нашему мнению, эффективность физкультурно-спортивной политики региона следует определять по результатам деятельности субъектов, уполномоченных осуществлять её мероприятия. Однако простого сопоставления целей и итоговых показателей в деятельности субъектов физкультурно-спортивной политики недостаточно. Это означает, что при оценке эффективности значение имеет не только непосредственная реализация стратегии развития физкультурно-спортивной области, но также решение проблем, напрямую не заложенных в ней. Умение региональной власти своевременно отреагировать на то или иное отрицательное явление в физкультурно-спортивном секторе с благоприятным для него результатом является, по нашему мнению, основным показателем эффективности проводимой политики в сфере физической культуры и спорта.

Такая способность субъекта федерации складывается из нескольких элементов:

1) объективное представление о состоянии физкультурно-спортивной сферы на подведомственной территории с сопоставлением позитивных и негативных тенденций внутри отрасли;

2) привлечение к достижению целей и задач политики субъектов с реальными механизмами воздействия на проблемные зоны физкультурно-спортивной системы, в том числе непосредственных участников физкультурно-спортивного сектора;

3) согласование точек соприкосновения физкультурно-спортивной политики с другими направлениями региональной политики с целью избежать конфликтов проводимых мероприятий, влияющих на общее состояние проблемного вопроса;

4) создание двухступенчатой системы контроля оценки качества проводимой работы в области наиболее острых проблем физкультурно-спортивной отрасли с учётом границ вмешательства региональной власти в данную сферу;

5) экономический потенциал региона, позволяющий в заданные сроки реализовать комплекс мероприятий, запланированных в физкультурно-спортивной области;

6) приведение отдельных направлений физкультурно-спортивной политики к общему знаменателю в виде уровня положительных результатов в решении конкретно сформулированных проблем отрасли с учётом социально-экономической обстановки в регионе;

7) согласованность мер региональной физкультурно-спортивной политики с рекомендациями и требованиями федеральной политики в области физической культуры и спорта.

При оценке положительных результатов политики региона в физкультурно-спортивной сфере целесообразно использовать указанный алгоритм соответствия фактических показателей данным элементам эффективности. Таким образом, можно классифицировать степень эффективности физкультурно-спортивной политики по *семибалльной шкале* в зависимости от достижения того или иного положительного результата в процессе реализации мероприятий.

Построение взаимоотношений между регионами и федеральной властью по вопросам формирования физкультурно-спортивной политики находится в динамике, что вызывает потребность в поиске новых, более оптимальных форм сотрудничества. Исследование данного процесса в историческом плане и учёт фактически сложившихся механизмов диалога Российской Федерации и её субъектов наглядно демонстрируют ряд проблем, нуждающихся в разрешении в ближайшее время.

В частности, не урегулировано участие субъектов Российской Федерации в определении ключевых положений федеральной физкультурно-спортивной политики. При этом федеральные установки имеют приоритет над региональными интересами, вследствие чего субъекты федерации строят собственную политику в области физической культуры и спорта по принципу остаточной компетенции. Определяющими факторами в этом остаются экономическая зависимость большинства регионов от центральной власти и подчинённость

корпоративных субъектов спортивной системы воле федеральной власти. У субъектов федерации нет возможности существенным образом пересмотреть цели и задачи проводимой политики, они наделены лишь правом уточнять их с учётом своих территориальных особенностей. Поэтому формирование региональной политики в области физической культуры и спорта происходит в процессе реализации соответствующей федеральной политики.

Соответственно, разработка физкультурно-спортивной политики в Российской Федерации на современном этапе происходит в *двух вариантах*:

1) общий порядок для всех регионов с сильным влиянием федерального центра, в котором наблюдается завершённость процесса формирования политики. Официальный уровень формирования политики находит выражение в документах, содержащих наиболее общие положения развития отрасли;

2) специальный порядок, имеющий локализованный характер, предполагает постоянное видоизменение текущих мероприятий по реализации целей и задач, сформулированных на общегосударственном уровне. Локализованный характер формирования физкультурно-спортивной политики возникает на этапе приведения в исполнение положений, сформулированных на федеральном и региональном уровнях, т. е. является фактическим планом действий со стороны непосредственных участников осуществления политики в области физической культуры и спорта с учётом их реальных возможностей по достижению поставленных целей и задач.

В содержательном смысле на федеральном уровне рассматриваются проблемы физкультурно-спортивной сферы, которые свойственны практически всем субъектам федерации. Поэтому каждый регион использует предложенную федеральную модель развития отрасли и дублирует большинство целей, задач и мероприятий, однако корректирует собственные планируемые показатели. Вместе с тем наблюдается увеличение числа регионов, у которых формируется собственный подход к развитию физкультурно-спортивного сектора. Это влияет на пропорциональное снижение федерального участия в осуществлении многих мероприятий.

Акцент на слабые финансовые возможности субъектов федерации и муниципалитетов используется той политической элитой, которая недостаточно мотивирована в модернизации физкультурно-спортивной сферы на управляемой территории. Вследствие этого данные регионы демонстрируют незначительную динамику изменения показателей модернизации отрасли. Поиск инструментов стимулирования субъектов федерации к этому процессу продолжается, что находит выражение в значительной трансформации процедур формирования стратегий и программ, объёме и способах финансирования, отходе от императивного характера положений, непосредственно направленных региональным структурам.

Оптимальной формой построения взаимоотношений при формировании единого подхода к управлению физкультурно-спортивным сектором на конкретной территории заключается в договоре, участники которого (Российская Федерация и соответствующий регион) распределяют между собой обязанности по обеспечению осуществления запланированных мероприятий с возможностью их корректировки. Подобным образом государственное управление физической культурой и спортом приобретает прозрачность для региональных элит и общественности. Использование договорного стиля закрепления стратегических положений физкультурно-спортивной политики легализует существенное разграничение в сложившемся положении регионов. Стратегии и программы развития физической культуры и спорта как на федеральном, так и на региональном уровнях выступают в качестве рамочных соглашений. Наглядным примером этого выступает физкультурно-спортивный комплекс мероприятий «Готов к труду и обороне», внедрением которого сегодня занимаются субъекты Российской Федерации, заявленные в федеральном

плане как участники эксперимента.

Тем не менее, взаимодействие федерального центра с региональными властями по вопросам осуществления физкультурно-спортивной политики имеет позитивную динамику и в ближайшем будущем претерпит значительную модернизацию. Реализация общефедеральной стратегии по развитию отрасли является средством разработки новых подходов к отдельным аспектам управления физкультурно-спортивным сектором на конкретной территории. Вертикальная модель построения отношений в рамках реализации политики в области физической культуры и спорта, по нашему мнению, утратила свою эффективность на фоне объявленного курса по автономизации спортивной системы, которая в большей степени рассматривается как равноправный субъект проводимой политики и перестаёт принадлежать государству.

К сожалению, к настоящему моменту не сложилось универсальных механизмов совместной реализации физкультурно-спортивной политики между субъектами федерации. Отсутствует фактически межрегиональное сотрудничество по вопросам управления физкультурно-спортивным сектором на фоне высказываемой федеральным центром необходимости взаимного изучения опыта в данной сфере.

Наличие глубокого разрыва в показателях развития отрасли у многих регионов тормозит использование нынешних механизмов модернизации физической культуры и спорта. Необходимость развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества продиктована абстрактностью функций, которые должны осуществлять сегодня территориальные власти. Договорный тип построения отношений в процессе осуществления физкультурно-спортивной политики позволит стабилизировать неравномерность территориального развития отрасли в современных условиях, поскольку универсальный порядок воплощения задач государственной политики в области физической культуры и спорта не привёл к сближению результатов проводимых регионами мероприятий. Данный порядок взаимодействия регионов с федеральным центром начинает применяться фактически под воздействием комплекса объективных факторов, влияющих на состояние физкультурно-спортивного сектора на отдельных территориях.

Подготовка к международным спортивным мероприятиям приводит к усилению взаимодействия между регионами и федеральным центром по вертикальному типу. Это соответствует характеру построения отношений в процессе достижения специальных задач, поставленных перед субъектами федерации в специальном порядке. В период реализации особой программы по развитию физкультурно-спортивного сектора в связи с международными соревнованиями регион изначально находится в более сложных условиях, чем иные субъекты федерации, реализующие физкультурно-спортивную политику в общем режиме. К подобным регионам предъявляются повышенные требования, значительно сужается объём их возможностей по самостоятельному курсу в реализации поставленных задач, усиливается контроль со стороны федерального центра и международных организаций. Поэтому взаимодействие федеральной и региональных властей в подобных условиях происходит по специальной модели, не свойственной большинству субъектов Российской Федерации.

Модель взаимодействия федеральной и региональных властей не является определяющим фактором в повышении эффективности физкультурно-спортивной отрасли на территориальном уровне. Установлена противоречивая тенденция по использованию разных моделей взаимодействия федерального центра с региональными властями на фоне определения эффективности проводимой физкультурно-спортивной политики. Государственное управление физической культурой и спортом имеет в целом одинаковую результативность и в рамках построения вертикальной системы отношений, и при паритетном характере. Регионы, реализующие физкультурно-спортивную политику без обязательств обеспечения проведения международных мероприятий, обладают большей

самостоятельностью. При этом взаимодействие федерального центра с такими регионами не имеет универсального характера.

Переход к горизонтальному характеру построения отношений при реализации физкультурно-спортивной политики в российских условиях сегодня по-прежнему не возможен. В трёхзвенной системе государственной физкультурно-спортивной политики очевиден принцип распределения полномочий между властвующими субъектами. Муниципалитеты, равно как и регионы, не могут участвовать во всех вопросах развития физкультурно-спортивной отрасли. В условиях федеративного государства оптимальны лишь две модели взаимодействия — вертикальная, направленная на распределение функций на высшем уровне, и партнёрская, требующая постоянного диалога, согласования, договорённости по проблемным зонам физкультурно-спортивной сферы. Учитывая, что на федеральном уровне назрела потребность в равномерном участии и регионов, и муниципалитетов в реализации физкультурно-спортивной политики, следует констатировать, что в ближайшей перспективе данный вопрос получит своё закономерное разрешение.

Достижением прошедшего десятилетия следует признать то обстоятельство, что государство под влиянием мировых тенденций самоустраняется от решения большой группы вопросов, которые теперь находятся в ведении специализированных организаций. Тем самым в российских условиях появляется новый институт самоуправления спорта, который в международных масштабах является принципом существования всего спортивного движения [5]. Соответственно, под влиянием внешних факторов в Российской Федерации запустился процесс по ослаблению государственного вмешательства в сферу физической культуры и спорта.

Политизация мирового спорта является тем обстоятельством, которое позволяет сохранять преимущественное право государства на официальное оформление международных обязательств в данной сфере. Нацеленность многих спортивных корпораций на коммерческую сторону развития спорта вынуждает государственную по-прежнему контролировать социальную составляющую в развитии физкультурно-спортивного сектора при участии наднациональных институтов. С учётом современных внешнеполитических реалий следует использовать не модель самоизоляции, а проводить укрепление позиций в международных отношениях за счёт уже имеющихся достижений. К их числу следует отнести и кадровый вопрос, когда представители Российской Федерации занимают высокие административные должности в международных спортивных федерациях.

Корпоративная система управления российским спортом построена по вертикальному типу благодаря традициям, сложившимся на международном уровне. В настоящее время идет интенсивный процесс по приведению деятельности большинства национальных спортивных клубов в соответствие с международными требованиями. Сложность заключается в том, что условия наднациональных федераций спорта распространяются на все специализированные организации, функционирующие в отдельном виде спорта.

Однако проблема распространения власти международных объединений в российском пространстве имеет только формальный характер, связанный с необходимостью корректировки отдельных нормативных актов. Фактическое признание приоритета международных установок произошло посредством провозглашения автономии спорта и делегирования спортивным корпорациям управленческих полномочий. Однако государство сохранило за собой контрольно-надзорные функции, поставив спортивные организации на своей территории в зависимость от регистрационных, аккредитационных и финансово-отчетных процедур.

Несмотря на активную автономизацию спортивной системы, многие спортивные клубы стали зависимы от отдельных федераций спорта, что неизбежно повлекло ограничение их возможностей на построение международных связей. Данная тенденция закономерна с учётом особенностей построения власти в российской физкультурно-спортивной сфере. К тому же

невозможность самостоятельного контакта с международными субъектами спортивного движения во многом предопределена экономическими реалиями.

Универсальным средством реализации многих задач физкультурно-спортивной политики, особенно в региональном сегменте, представляется договорная форма при участии международных объединений. Это предопределяет формирование в Российской Федерации специальной модели взаимодействия федеральной, региональных и местных властей по вопросам совместного осуществления физкультурно-спортивной политики и разграничения сфер ответственности. В связи с этим представляется оптимальной модернизация спортивной инфраструктуры с расширением полномочий региональных участников государственного управления физкультурно-спортивным комплексом. Кроме того, необходимо усиление влияния муниципальных властей в организации мероприятий с возможностью их последующей адаптации под собственные интересы, как это происходит при проведении международных соревнований. В ближайшее время муниципалитеты должны трансформироваться из исполнителей отдельных задач физкультурно-спортивной политики в полноправных участников процесса по выработке политических ориентиров.

Утрата традиций отечественного спорта как одна из основных проблем современной физкультурно-спортивной политики детерминирована не активизацией международного влияния на национальную спортивную систему, а дефектами в формировании кадрового потенциала с учётом смещения центра ответственности на региональный сектор. В связи с этим данный вопрос обозначен в качестве первостепенной задачи в рамках развития отрасли в общефедеральном масштабе.

Таким образом, дальнейшее совершенствование физкультурно-спортивной политики Российской Федерации заключается в разгрузке государства от излишне обременительных функций, задерживающих процесс автономизации спорта и перехода на договорный режим его управления в территориальном и корпоративном сегменте. Наличие на федеральном уровне прочной нормативной и ресурсной базы позволяет продолжить планомерный переход к повышению эффективности реализации мероприятий в области физической культуры и спорта. Соответственно, в ближайшей перспективе несостоятельны идеи о кардинальных преобразованиях физкультурно-спортивного сектора России, потому что основной задачей государства выступает не формирование новых подходов к управлению отраслью, а закрепление позиций по тем результатам, которые достигнуты в ходе проведенной работы. Однако данная тенденция, по нашему мнению, не предполагает сокращения сроков на реализацию стратегий и программ общефедерального уровня.

Литература

1. Хасанов Ф. З. Современная государственная политика России в области здравоохранения: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2012.
2. Эйдельман И. Б. Современные концепции нормативно-правового регулирования агентской деятельности в спорте // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 11. С. 124–131.
3. Хасиков Б. С. Физическая культура и спорт как социокультурный феномен // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. Т. 38. № 6. С. 96–107.
4. Якубов Ю. Д. Соотношение федеральных и региональных стратегий развития физической культуры и спорта в России // Учёные записки Российской академии предпринимательства. 2014. № 38.
5. Сенчук В. В. Эволюция спорта как социального института России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2012.

Информация об авторах:

Чирун Сергей Николаевич *— кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ, sergii-tsch@mail.ru.*

Тихонов Валерий Александрович *— политолог, студент 1 курса магистратуры направления «Политология», факультет политических наук и социологии КемГУ, 86fopevi@mail.ru.*

Усупова Н. С.

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: *В статье рассматриваются проблемы роста, тенденций внешних миграционных процессов как следствия политических и социально-экономических факторов, определяющих уровень жизни основной массы населения страны. Охарактеризованы основные направления, этапы миграционных процессов, рассматриваются их негативные, а также положительные аспекты, способствующие смягчению социальной напряжённости в стране, росту денежных переводов мигрантов на родину, играющих важную роль в повышении жизненного уровня их семей.*

Abstract: *Problems of growth, trends of external migration processes as the consequence of political and socio-economic factors determining the living standards of the general number of the population of the country are being reviewed in the article. The article also describes main directions, stages of migration processes are characterized; their negative and positive aspects that allow to mitigate social tensions; growth of money transfers of migrants to home country that play significant role in increase of living standard of their families.*

Ключевые слова: *внешняя миграция, безработица, трудовые мигранты, рыночные отношения, снижение уровня жизни, занятость населения.*

Key words: *external migration, unemployment, labor migrants, market relations, decline in living standards, employment of population.*

Переход к рыночным реалиям в Кыргызстане после обретения суверенитета сопровождался ростом ряда негативных тенденций, которые привели к тому, что часть населения не смогла адаптироваться к новым экономическим условиям. Всё это привело к имущественной дифференциации и масштабному распространению бедности.

В этих условиях часть населения стала искать пути улучшения своего жизненного уровня в других странах. Среди мотивов внешней миграции, которые дифференцируются в зависимости от пола, возраста, семейного положения, образования и вида трудовой деятельности, основными по воздействию на миграционные настроения в Кыргызстане стали социально-экономические факторы, определявшие уровень жизни населения. Её рост был обусловлен снижением уровня жизни, напряжённой ситуацией на рынке труда, нарастающим отставанием Кыргызстана в уровне социально-экономического развития от других стран СНГ.

На сегодня 60% населения страны составляют граждане трудоспособного возраста [1, с. 21]. Потенциал, составляющий основу человеческого капитала нашего государства, весьма значителен. Данный факт признают и международные рейтинги, по которым Кыргызстан занял совсем недавно неплохие позиции. Так, осенью 2015 года был опубликован отчёт Всемирного экономического форума, подготовленный совместно с компанией Merser, определяющий индекс развития мирового человеческого капитала — The Human Capital Report 2015. Отчёт учитывает уровень жизни, грамотности, образованности, долголетия населения — всего 46 показателей [2, с. 4]. Согласно этому отчёту, Кыргызстан занял 44-е место в этом рейтинге с индексом 71,82 балла. Нужно заметить, что вышеуказанные

показатели изучались в 124 странах. Для сравнения покажем данные по другим странам: Россия в этом списке на 26-м месте, Казахстан — на 37-м, США — на 17-м, Китай — на 64-м. Индия — на 100-м. Замыкают список африканские страны — Йемен, Чад и Мавритания. Ну а первые места заняли Финляндия, Норвегия и Швейцария [2, с. 5].

Однако, к сожалению, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств трудовой потенциал страны в большинстве своём не находит применения. Ежегодно в Кыргызстане в трудоспособный возраст вступают от 80 до 100 тыс. молодых людей. Рост численности населения в трудоспособном возрасте более чем в 2 раза превысил рост занятости. Следовательно, внутренний рынок труда не в состоянии абсорбировать новые трудовые ресурсы, что приводит к росту внешней трудовой миграции.

Начальный этап миграционных процессов в Кыргызстане приходится примерно на 1991–1994 годы, когда она приобрела массовый и нерегулярный характер. Это была реакция на новый независимый статус государства и нарастание тревожной неопределённости по поводу своего будущего в республике, события межнационального конфликта, разразившегося в Ошской области в 1990 году, приведшие к резкому росту миграции русскоязычного населения на начальном этапе суверенитета. Так, если в 1991 году из Кыргызстана выехали 33,6 тыс. русских, то в 1992 году уже 65,4 тыс., а в 1993 году — уже 100 тыс. человек [3, с. 15].

Масштабный отток русскоязычного населения привёл к тому, что только за период с 1990 по 2008 годы доля русскоязычного населения сократилась более чем в два раза. Численность русских уменьшилась с 9,8 тыс. человек до 470 тыс., а доля русской этнической среды в населении страны снизилась с 21,2 до 9,1% . В настоящее время русские стали третьей по численности этнической группой в Кыргызстане, уступив второе место узбекской этнической группе [4].

Выезд из Кыргызстана русскоязычного населения привёл к резкому ухудшению производственного, кадрового потенциала страны. Так, известно, что в республиках Средней Азии 50% инженерного персонала составляли представители именно этой этнической группы [4].

Из республики уезжали не только русские, но и представители других национальностей. Одним из мотивов их желания уехать кроме вышеуказанных являлось их стремление уехать на свою этническую родину. Но каковы бы ни были причины миграции, её воздействие на социально-экономическое и политическое развитие страны в эти годы было явно негативным.

В последующее время, учитывая необходимость замедления процессов нерегулируемой миграции в стране, а также устранения негативных последствий, порождаемых ими, руководство республики приняло ряд мер, в числе которых была ратификация Декларации прав и свобод человека. Указом президента в декабре 2001 года русскому языку был придан статус официального. В это же время предпринимались и такие шаги, как создание национально-культурных центров, ассоциаций представителей разных этносов, проживающих в республике, образование Ассамблеи народов Кыргызстана, открытие Дома Дружбы в Бишкеке. Эти и другие меры руководства страны привели к относительному снижению миграционного оттока и определённому притоку населения, что является характерной чертой второго этапа миграционных процессов, охватившего 1995–99 годы. Например, в 1995 году из республики выбыли 37,302 тыс. человек, а прибыли 17,818 тыс. человек. К 1999 году из республики выбыли уже 17,818 тысяч человек, а прибыли — 7,879 тыс. человек [5, с. 72–73]. В определённой степени сокращению числа граждан, выезжающих за её пределы, способствовали процессы относительной стабилизации в развитии социально-экономической сферы республики по сравнению с предыдущим периодом.

Если первоначальные миграционные потоки напрямую зависели от межэтнических противостояний, то в последующие годы миграционные потоки, начиная с 1996 года, были

вызваны социально-экономическими факторами, связанными с обеднением большей части населения, с ростом безработицы.

Однако на третьем этапе развития миграции (1999–2004 годы) вновь наблюдался рост числа людей, выехавших из Кыргызстана. Так, с 1999 и к концу 2001 года миграционный поток населения возрос в 1,8 раза. Эти явления стали следствием начала экспансии исламского радикализма, вторжения военных бандформирований на территорию Кыргызстана, а также обострения финансово-экономического кризиса, ухудшения социальной ситуации в республике. Последняя причина привела к тому, что особенностью третьего этапа развития миграции явился рост числа представителей коренного населения, уехавших за пределы страны. В связи с этим в этот период наблюдалось изменение целей переезда населения, выбывающего за пределы республики. Если, как указывалось выше, в начале 90-х годов основным мотивом оттока мигрантов выступало стремление переселиться на этническую родину, то в этот период всё большее значение приобретают причины, связанные с поисками работы, обеспечения своего будущего, а также причины личного характера. Так, по данным за 2001 год, на эти факторы, повлиявшие на выезд людей, указали 65,8% выбывших из Кыргызстана [6, с. 83].

События марта 2005 года, приведшие к смене власти в Кыргызстане, явились началом нового — четвёртого этапа внешних миграционных процессов в Кыргызстане, характеризующегося новым ростом желающих выехать из него. В 2005 году Кыргызстан покинули свыше 30 тысяч человек, выехавших преимущественно в Россию [7, с. 5].

События 7–8 апреля 2010 года усилили миграционные процессы. Так, по данным ИА «Интерфакс», после апрельских событий нагрузка на представительство Федеральной миграционной службы России в Кыргызской Республике возросла в три раза [8, с. 7].

С 2010 года и по сей день длится пятый этап развития внешней миграции из Кыргызстана трудоспособного населения страны. В 2010 году, по официальным данным, число трудовых мигрантов из Кыргызстана оценивалось в 340 тыс. человек, по неофициальным — от 500 тыс. до 1 млн человек. Многие мигранты стремились получить гражданство России или Казахстана. Так, согласно имеющимся данным, в течение 2005–2010 гг. гражданство России получили около 100 тыс. граждан Кыргызстана.

С 2011 года отмечалось снижение объёма миграции, а в 2014 году по сравнению с 2013 годом интенсивность миграционного оттока населения (миграционный баланс в расчёте на 1000 жителей) оставалась прежней (1 человек на 1000 граждан). Возможно, данная ситуация объясняется прекращением действия двустороннего межправительственного соглашения между Кыргызстаном и Россией (куда направляется большая часть эмигрантов) по упрощённому приобретению гражданства, а также стабилизацией политической обстановки в стране.

Однако нужно признать, что, несмотря на отмечавшееся в течение пяти лет снижение доли эмигрировавших кыргызов, удельный вес их продолжает оставаться высоким. Так, согласно данным ФМС, только в России в январе 2015 года находились 544956 граждан Кыргызстана (в том числе 220400 женщин) [9]. Это составляет 10% общей численности населения страны. Причём, как считают сотрудники Министерства труда, занятости и миграции республики, количество мигрантов, по неофициальным данным, может намного превышать официальные [9].

Кыргызская диаспора является четвёртой по численности после узбекской, украинской и таджикской. Граждане Киргизии, помимо России, отправляются на заработки в Казахстан, реже — в Европу (в развитых странах трудятся всего около 30 тыс. кыргызов).

Трудовые мигранты из Кыргызстана в основном заняты в таких секторах, как торговля, строительство, коммунальное хозяйство, медицина и образование. Часть из них получают гражданство той страны, в которой работают, забирают с собой свои семьи,

родных и близких, а это приводит к уменьшению численности населения Кыргызстана. Эта проблема на сегодня стоит очень остро.

При этом следует подчеркнуть следующий факт: несмотря на то, что в целом рост внешней трудовой миграции рассматривается как негативное проявление социально-экономического развития, она породила ряд положительных тенденций в социальной сфере. Во-первых, она стала важным фактором, снижающим социальную напряжённость в Кыргызстане. Став по существу альтернативной сферой занятости, она поглощает немалую часть трудоспособного населения, тем самым эффективно снижая масштабы безработицы.

Во-вторых, известно, что большинство трудовых мигрантов из Кыргызстана имеют низкую квалификацию и в соответствии с чем они заняты в сферах, не требующих высокой профессиональной подготовки: в общественном питании, в строительстве, в челночной и розничной торговле, в сельском хозяйстве и т. д. Однако в последние годы растёт численность мигрантов, которые, получив среднее специальное или высшее образование, трудятся в сферах, требующих специальной профессиональной подготовки. Реалии жизни мигрантов требуют повышения их квалификации.

В-третьих, с каждым годом растут денежные переводы мигрантов на родину, которые играют важную роль в повышении жизненного уровня их семей. Так, если в 2008 году, по данным Госкомитета по занятости и миграции Кыргызстана, от трудовых мигрантов поступило более 800 млн долл. США [4], то уже в 2010 году они привезли в республику более миллиарда долларов [10]. По этим поступлениям от мигрантов в процентах от ВВП Кыргызстан занимает одну из лидерских позиций (32%), лишь немного отстав от Таджикистана (42%) [11].

В этом плане трудовую миграцию можно охарактеризовать как один из эффективных путей борьбы с бедностью. Как показали социологические исследования, она позволила улучшить благосостояние более двух третей мигрантских домохозяйств [4].

Таким образом, приведённый краткий анализ этапов развития внешней миграции показывает, что уровень её и масштабы напрямую зависят от социально-экономической деятельности правительства, от степени обеспечения им безопасной, спокойной жизни, уровня и направленности общественного развития страны, а также, что немаловажно, от уровня жизни населения.

Однако всё же нужно признать, что, несмотря на указанные выше положительные моменты, рост внешней миграции в целом нужно рассматривать как фактор, негативным образом сказывающийся на изменении структуры занятости, квалификации трудоспособного населения, на изменении его демографических, социальных, этнических характеристик.

Литература и источники

1. Социальные тенденции Кыргызской Республики (2010–2014 гг.) // Ежегодник Нацстатком КР. 2015. Вып. №11.
2. Попова Т. Интеграция как гарант независимости и благополучия // Слово Кыргызстана. 2015. 28 сентября.
3. Кыргызстан: некоторые аспекты социальной ситуации: сб. ст. Бишкек, 2000.
4. Эргешбаев У. Ж. Миграционные процессы в Кыргызстане и их социально-экономические последствия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://d307(2009_ergeshbaevuzh/4dib (дата обращения: 14.03.2016).
5. Омаров Н. М. Миграционные процессы в Кыргызской Республике в годы независимости: итоги десятилетия. Бишкек, 2001.
6. Кумсков Г. В. Закономерности и особенности развития миграционных процессов на современном этапе. Бишкек, 2002.
7. Проблемы миграции // Слово Кыргызстана. 2006. 9 февраля.

8. МК Кыргызстан. 2010. 28 апреля – 4 мая.
9. В России увеличилось количество кыргызстанцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kabarlar.org/news/40031 (дата обращения: 14.03.2016).
10. В Кыргызстане будут награждать трудовых мигрантов, внесших вклад в развитие экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mir24.tv/news/society/4095548/ (дата обращения: 14.03.2016).
11. Украинские трудовые мигранты за год перечислили домой $9 млрд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/economy/20141127/1035494409.html#ixzz42zzrNTvT (дата обращения: 14.03.2016).

Информация об авторе:

Усупова Назира Станбековна — *доктор исторических наук, и. о. профессора кафедры истории Кыргызстана и этнологии, и. о. профессора института истории и социально-правового образования Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, jbekiweva@mail.ru.*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ.

Курбанова Н. У., Карасартова Ч. Ж.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *В статье анализируются проблемы религиозной сферы Кыргызстана, при этом особое внимание обращено к исламской конфессии Кыргызстана как основной религии населения страны. Определён ряд вопросов концептуального характера, которые необходимо претворить в жизнь в целях оптимизации государственной политики Кыргызстана в религиозной сфере.*

Abstract: *The article analyzes the problems of the religious sphere in Kyrgyzstan, with special attention paid to the Islamic confession of Kyrgyzstan as the main religion of the country. It identified a number of issues of a conceptual nature, which must be implemented in order to optimize the Kyrgyz state policy in the religious sphere.*

Ключевые слова: *религиозная сфера, религиозные организации, государственная политика, мусульманская община, религиозная культура.*

Keywords: *religious sphere, religious organizations, public policy, the Muslim community, a religious culture.*

Последние два года в истории Кыргызской Республики (2014 и 2015 гг.) ознаменованы пристальным вниманием государства к проблемам в религиозной сфере. Три заседания Совета обороны (февраль 2014, ноябрь 2014, сентябрь 2015 гг.) — главного конституционного органа, осуществляющего единую государственную политику в области обеспечения обороны и безопасности, были посвящены вопросам, связанным с религиозной сферой жизни кыргызстанского общества.

В Указе Президента КР «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014 г. государство признаётся, что «позиция невмешательства, ослабление регулирующих функций государства в религиозной сфере являются ошибочной стратегией. Недостаточное внимание к религиозной ситуации в стране может привести к негативным последствиям в виде конфликтов, межрелигиозных столкновений и угрозе раскола государства» [1]. Это означает, что государством предусматривается переход к иной *модели* государственно-религиозных взаимоотношений, при которой уже не будет сепаратного существования религии и религиозных организаций в Кыргызстане.

В результате принятых решений Советом обороны КР был проведён следующий ряд мероприятий: разработана новая Концепция государственной политики в религиозной сфере КР на 2014–2020 годы, проведён функциональный анализ деятельности Государственного комитета национальной безопасности, Министерства внутренних дел, Государственной комиссии по делам религий КР, проведён функциональный анализ деятельности Духовного управления мусульман Кыргызстана, разработаны предложения по внесению изменений и дополнений в законодательные акты.

В новой Концепции государственной политики в религиозной сфере стратегическими задачами в правовой, культурной и социальной сферах жизни кыргызстанского общества были определены:

1. Обеспечение свободы совести и вероисповедания;
2. Формирование новой кыргызстанской модели светского государства;
3. Формирование границ деятельности религиозных организаций (нарушение прав и свобод других граждан, политизация религии) и вмешательства государства с целью регулирования религиозной сферы (ограничение вмешательства во внутриконфессиональную деятельность);
4. Предупреждение и профилактика религиозной радикализации граждан и предотвращение экстремистской и террористической деятельности на религиозной почве в Кыргызстане;
5. Политика по поддержке продвижения умеренного ислама с целью предупреждения радикализации религиозной сферы (решение СО КР);
6. Повышение религиоведческой грамотности и уровня религиозного образования;
7. Повышение экспертного и аналитического потенциала для мониторинга религиозной ситуации и разрешения текущих проблем в религиозной сфере [2, с. 13].

Для реализации Концепции был разработан системный план действий государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2015–2020 гг.

В 2014 г. государством был создан Фонд развития духовной культуры «Ыйман», основной целью которого является развитие духовной и религиозной культуры, поддержка инициатив, направленных на повышение духовного и интеллектуального потенциала граждан, оказание содействия государству и гражданскому обществу в укреплении межконфессионального согласия, веротерпимости, выработке эффективных форм и методов противодействия проявлениям религиозного экстремизма. В настоящее время Фондом запущен проект «Калем жана ыйман», направленный на повышение качества произведений, направленных на развитие духовной культуры читателей, а также на содействие авторам в издании их произведений. Кроме того, запущен годичный проект двухнедельного обучения имамов во всех регионах республики.

В многоконфессиональную систему Кыргызстана входят, кроме Бишкекской и Кыргызстанской епархии Русской православной церкви Московского патриархата, имеющей здесь 49 приходов и 1 женский монастырь, также 4 католических, 50 баптистских, 20 лютеранских, 56 пятидесятнических, 31 адвентистов седьмого дня, 38 пресвитерианских, 43 харизматических, 41 Свидетелей Иеговы, 18 других христианских организаций, 26 зарубежных протестантских миссий, 1 еврейская община, 1 буддистская и 12 общин веры бахаи, в общей сложности — 378 [3].

Однако вполне закономерно, что основные вопросы религиозно-конфессиональных отношений связаны с исламской конфессией Кыргызстана как основной религией населения страны.

К 2015 году в стране действовали 2362 мечети и 81 исламское учебное заведение, входящие в структуру Духовного управления мусульман Кыргызстана (далее — ДУМК). Также было зарегистрировано 68 мусульманских центров, фондов и объединений, занимающихся образовательной, просветительской, благотворительной деятельностью и строительством культовых объектов.

В настоящее время все исламские организации, центры, фонды и благотворительные организации функционируют под началом ДУМК, кроме *неформальных исламских организаций и движений* [4, с. 25].

По результатам проведённого мониторинга в регионах республики Государственной комиссией по делам религий в сентябре 2014 г. были выявлены следующие проблемы, касающиеся в основном исламской сферы:

— опасения по поводу распространения идеологий различных религиозных течений, в том числе радикальных и экстремистских;

— низкий уровень образования некоторых имамов;

— разногласия между представителями как исламских правовых школ (мазхабов), так и вероубеждений (акыйда);

— разногласия между религиозными деятелями и учёными, получившими образование в различных странах;

— использование религии в качестве прикрытия преступных дел;

— отсутствие средств и механизмов развития религиозных знаний и ценностей у детей и подростков;

— проблемы с введением религиозных предметов в светские школы и светских предметов — в медресе и другие религиозные образовательные учреждения;

— недовольство по поводу спорных дат религиозных мероприятий священного месяца Рамазан;

— этноконфессиональные напряжения на юге страны, насилие и дискриминация по отношению к женщинам [3].

Одной из причин расслоения мусульманской общины на джамааты является неконтролируемый государством выезд граждан республики по разным каналам в различные исламские учебные заведения, внесение нетрадиционной идеологии, активное миссионерство зарубежных исламских эмиссаров, финансовые влияния со стороны зарубежных спонсоров. В результате на исламском пространстве Кыргызстана ведётся идейная борьба за умы между сторонниками различных течений и движений.

Кроме этого, в настоящее время государству досталось достаточно сложное наследие, связанное с так называемыми неформальными исламскими джамаатами, придерживающимися нетрадиционной для ханафитского мазхаба исламской веры, которые, как правило, не имеют официальной регистрации в стране. Эксперты условно делят их на несколько категорий: аполитичные организации, такие, как Таблиги Джамаат (ТД), «Ахмадия», Нурджилер (пока об их определении не существуют единого мнения), запрещённая исламская партия Хизб ут-Тахрир, преследующая политические цели, а также радикальные движения (салафиты, такфириты), придерживающиеся джихадистских идеологий.

Несмотря на то, что с 2005 года судебными инстанциями КР деятельность ряда организаций политического ислама на территории республики запрещена, некоторые из них продолжают подпольно работать, проводя работу среди социально уязвимой части населения, необразованной молодёжи, радикально настроенных верующих.

Остро стоит также проблема религиозного исламского образования в Кыргызстане, которая имеет тенденцию увеличения в количественном направлении, со значительным отставанием в качественном аспекте. Имеющиеся на сегодня религиозные учебные заведения не обладают, как правило, государственными лицензиями, и их выпускные документы не признаются государством. Там же, где медресе всё-таки официально функционирует, качество преподавания предметов в большинстве случаев находится на низком уровне.

Радикализация религии в стране в определённой мере происходит из-за влияния зарубежных религиозно-экстремистских центров и религиозных учебных заведений на религиозные воззрения граждан. Молодёжь выезжает для получения религиозного образования в другие государства.

По информации Министерства иностранных дел Кыргызской Республики к настоящему времени за рубежом в религиозных центрах Пакистана обучаются 37 граждан республики (116 уже прошли обучение), в Королевстве Саудовская Аравия — 133, в Арабской Республике Египет — 314 и в Кувейте — 4.

Как показывает практика, по завершении обучения они становятся не только носителями и агитаторами религиозной идеологии и менталитета страны пребывания, но и после возвращения на родину насаждают чуждые для народа Кыргызстана образ жизни, противоречивые способы отправления обрядов, внешний вид и поведение, что уже представляет конфликтогенный материал на конфессиональной основе.

Для того чтобы оптимизировать государственную политику в религиозной сфере, необходимо решить ряд *принципиальных вопросов концептуального характера:*

1. Формировать отечественную модель партнёрства государственно-конфессиональных отношений, предложенную в Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере.

2. Для модернизации системы религиозного образования необходимо разработать и принять концепцию и закон «О религиозном образовании», а также внести поправки к закону «Об образовании», предписывающему религиозным вузам аккредитовать свою образовательную программу по государственным стандартам КР.

3. Необходим систематический мониторинг религиозных процессов во всех регионах страны с целью выработки научно обоснованных, политически взвешенных практических рекомендаций центральным и региональным государственным органам. К этой работе необходимо привлекать квалифицированных учёных-теологов, религиоведов, правоведов, социологов, прогрессивных религиозных и общественных деятелей.

4. Для того чтобы запрещённые радикальные организации не работали с населением, государству необходимо бороться с условиями, вызывающими радикализацию населения. Так, прочная экономическая основа жизни населения делает народ аполитичным и невосприимчивым к радикальным идеям.

5. Для поддержки религиозных организаций и укрепления межконфессионального диалога необходимо создать консультативную группу, состоящую из представителей религиозных и светских организаций, главной задачей которой должно быть выстраивание оптимального взаимодействия власти и религии в решении социальных проблем нашего общества.

Необходимо пропагандировать государственную политику в области религий посредством средств массовой информации, организовывать популярные просветительские теле- и радиопередачи по религиозным вопросам, призванные воспитывать у зрителей, слушателей и читателей взаимное уважение, терпимость к особенностям иных религиозных верований, культуру во взаимоотношениях представителей различных конфессий.

Литература и источники

1. Указ Президента КР «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере» от 7 февр. 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.president.kg (дата выпуска: 06.02.2014).
2. Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики. Бишкек, 2014.
3. Текущий архив Государственной комиссии по делам религии при Правительстве Кыргызской Республики. 2015.
4. Текущий архив Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК). Устав ДУМК. 2014.

Информация об авторах:

Курбанова Назира Умаровна — *доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кыргызстана и этнологии, декан факультета истории и социально-правового образования Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, kuabanovanazira@rambler.ru.*

Карасартова Чынаркул Жумашовна *— доцент кафедры всеобщей истории, директор Восточного лицея Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, chinara.karasartova@mail.ru.*

Асанов Ы. Дж.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СУВЕРЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: *В статье проанализированы цели, ход, последствия реализации национальных программ по реформированию системы здравоохранения Кыргызской Республики. Отмечается, что их осуществление не способствовало решению ряда проблем в этой сфере, а некоторые преобразования негативным образом отразились на уровне медицинского обслуживания населения.*

Abstract: *The article analyzes goals, course and consequences of implementation of national program on reforming of public health system of the Kyrgyz Republic. It is noted that their implementation did not help to solve a number of problems in this area and some transformations have had a negative impact on the level of public health service.*

Ключевые слова: *сфера здравоохранения, реформирование, государственный бюджет, демография, медицинские услуги, лечебно-профилактические учреждения, медицинский персонал, медицинские услуги.*

Keywords: *healthcare, reform, state budget, demography, health services, medical and preventive treatment facilities, medical personnel, medical services.*

Коренные преобразования, охватившие Кыргызстан после обретения суверенитета, коснулись также и сферы здравоохранения. Экономические потрясения переходного периода, приведшие к падению производства, сокращению доходов государственного бюджета, резко снизили уровень его финансирования здравоохранения. Так, если в 1990 расходы на здравоохранение составляли 4,2% к ВВП, в 1994 они сократились до 3,3% к ВВП, в 1998 этот показатель составил всего 2,6% к ВВП (880,2 млн сомов), а в 2000 — 2,1% к ВВП (1295,9 млн сомов). При этом, как считают некоторые эксперты, фактическое сокращение финансирования государственного сектора здравоохранения, с учётом инфляции, оказалось гораздо значительнее, чем выше приведённые цифры. В связи с этим работа системы здравоохранения, несмотря на обширную сеть и сравнительно широкую доступность в начале 90-х годов, оказалась недостаточно эффективной, что отразилось на основных демографических показателях: увеличилась общая смертность, в том числе материнская и детская, снизилась продолжительность жизни.

Для того чтобы система здравоохранения выстояла и могла функционировать в соответствии со своими целями и задачами, необходимо было осуществить ряд преобразований, направленных на её адаптацию в условиях новых жизненных реалий. 1991–2000 годы стали основополагающими в процессах выработки проектов новых законов и программных документов по здравоохранению. Именно в это время была разработана комплексная программа реформирования здравоохранения «Манас», рассчитанная на 10 лет [1]. Программа «Манас» затронула практически все аспекты реформы в секторе, включая финансирование, планирование, структурную организацию и предоставление услуг.

В ходе реализации данной программы была осуществлена структурная перестройка системы предоставления медицинских услуг. Реструктуризация учреждений здравоохранения была осуществлена в несколько этапов. Так, с 1996 года путём слияния взрослых, детских поликлиник и женских консультаций были созданы многопрофильные поликлиники. С 2002 года они были реорганизованы в учреждения первичной медико-

санитарной помощи (ПМСП) нового типа как центры семейной медицины, основным компонентом которых стали группы семейных врачей [2, с. 24]. С этого же года была введена система единого плательщика. В этой системе в середине 2000-х годов работали 35 лечебно-профилактических учреждений, в том числе 27 городских и 8 республиканских [3].

Вторым направлением реформирования стала рационализация стационаров, был закрыт ряд сельских участковых больниц, или они были трансформированы во врачебные амбулатории. В ходе данного реформирования с 1995 по 2004 годы коечный фонд только г. Бишкека был сокращён на 51% [1]. Данная тенденция сохранялась и в последующие годы: она привела к сокращению коечного фонда с 51 койки на 10000 населения в 2010 году до 47 коек в 2014 году [4, с. 100].

Третьим направлением реформы стало повсеместное внедрение системы медицинского страхования. Важным этапом в развитии системы обязательного медицинского страхования (ОМС) явилось принятие в 1999 году закона «О медицинском страховании граждан в Кыргызской Республике» [5, с. 204]. В настоящее время 90% населения имеют полисы обязательного медицинского страхования.

Реформирование системы здравоохранения предусматривало как организационные, так и финансовые аспекты. Внедрённые новые методы финансирования предусматривали выделение финансовых средств стационарам — за пролеченный случай, группам семейных врачей — по подушевому нормативу, что должно было стимулировать лечебно-профилактические учреждения к повышению эффективности их деятельности и качества предоставляемой медицинской помощи. При этом наряду с бюджетным финансированием всё большее распространение получали и другие формы оплаты — сооплата, различные платные услуги. Кроме этого с 2003 года в стране действует дополнительная программа софинансирования медицинских услуг, по которой пациенты сами оплачивают те медицинские услуги, которые не входят в объем гарантированной бесплатной медицинской помощи.

Однако время показало, что реализация программы «Манас» не способствовала решению ряда важных задач реформирования системы здравоохранения. В связи с этим были приняты и другие программы: «Манас таалими (1996–2005 гг.), «Манас таалими (2006–2011 гг.), затем «Ден соолук (2012–2016 гг.), которые являются логическими продолжениями программы «Манас».

Медицинские услуги в стране сегодня оказывает не только государственный, но и частный сектор: развёрнута достаточно развитая сеть частных здравоохранительных учреждений и общественных больниц.

Растущий рынок платных медицинских услуг представляют как многопрофильные клиники, так и специализированные. Всего таких медицинских центров — 286, причем 203 из них находятся в Бишкеке [6, с. 2]. Рынок платных медицинских услуг в Кыргызстане активно развивается, он стал неотъемлемой частью национального здравоохранения.

Сегодня можно констатировать, что, несмотря на ограниченный бюджет и снижение доли расходов на здравоохранение от ВВП, удалось в целом сохранить объём, уровень медицинской помощи, обеспечить население основными лекарственными средствами, изделиями медицинского назначения, улучшить основные показатели жизни и здоровья населения.

Так, одним из важных показателей, применяемым для оценки здоровья населения, является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. С 1990 по 2014 годы она выросла на 1,9%: если в 1990 году она составляла 68,5 лет, то в 2014 году она выросла до 70,4 лет. Смертность с 2010 по 2014 годы снизилась на 8%. [4, с. 20–27]. Численность постоянного населения Кыргызской Республики только с 2011 по 2014 годы увеличилась на 8%.

Одной из причин таких позитивных тенденций стала реализация ряда национальных программ, направленных на борьбу с различными заболеваниями. Так, главной проблемой в стране в 90-х годах был рост заболеваемости туберкулёзом, которая к 1998 достигла уровня 50-х годов, составив 123,7 на 100 тыс. чел. населения. В 1995 году была введена в действие национальная программа «Туберкулёз», что позволило снизить темпы роста заболеваемости туберкулезом за 1999 по 2003 годы более чем в 10 раз [7].

Для сохранения генофонда нации и улучшения здоровья женщин и детей осуществлялась реализация программ «Мать и дитя», «Аялзат», «Жан эне», согласно которым внедрялась концепция благополучного материнства, проводились мероприятия по охране репродуктивного здоровья населения. В результате с начала 2000-х годов отмечается некоторый рост рождаемости: так, в 2014 году в стране родилось 162 тыс. детей — на 16 тыс. больше, чем в 2010 году. В 2000-е годы отмечается небольшая тенденция к снижению показателя младенческой смертности с 29,1 на 1000 новорождённых в 1994 до 22,6 в 2000, материнской смертности с 80,1 на 100000 новорождённых в 1994 до 46,5 в 2000. Данная позитивная тенденция сохранялась и в последующие годы. За 9 месяцев 2015 года, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на 29,3% снизился уровень материнской смертности [8].

Определённые успехи достигнуты в борьбе с инфекциями, управляемыми средствами иммунопрофилактики. В соответствии с реализацией программы «Иммунопрофилактика» (1994–2000 гг.), охват профилактическими прививками достиг 95–98%. По данным проведённых исследований, вакцинопрофилактика даёт ощутимый экономический эффект, когда каждый сом, вложенный в иммунизацию против кори и паротита, даёт десятикратную экономию средств, затрачиваемых на медицинское обслуживание больных.

В республике успешно реализуется Глобальная программа ВОЗ по ликвидации полиомиелита, благодаря которой регистрируются лишь единичные случаи заболевания. Благодаря иммунизации, удалось также снизить заболеваемость вирусными гепатитами В и D.

Однако на сегодня имеется ряд негативных факторов, которые можно разрешить только усилиями соответствующих государственных органов. В первую очередь это относится к заработной плате медицинских работников. В 2011 году зарплата врачей составляла в среднем 3900 сомов, медсестёр — 2,5–3 тыс. сомов, младшего медперсонала — 1700 сомов [9, с. 54]. Она не доходила даже до уровня минимального прожиточного минимума, который составил в это время 4370 сомов. Несмотря на это, в 2014 году в ответ на неоднократные просьбы медработников о повышении заработной платы в министерстве здравоохранения сообщили, что в ближайшее время повышения зарплаты не планируется [10].

Во-вторых, всем известно, что эффективное здравоохранение — это в первую очередь новейшее оборудование. Можно привести немало примеров, когда успешно работающие, порой уникальные медицинские учреждения не могут на должном уровне лечить людей из-за отсутствия отвечающего современным требованиям оборудования. К таким относятся детская кардиологическая поликлиника и реанимация (НИИХСИТО), а также Джальская детская больница (ОХМАДЕТ). Каждое из этих учреждений — единственное в своем роде для нашей страны.

Так, в НИИХСИТО врачи оперируют всего 500 детей, страдающих различными сердечно-сосудистыми патологиями, хотя в связи с ростом количества страдающих этими недугами пациентов практически в два раза они должны принимать не меньше тысячи. Связано это в первую очередь с тем, что подобные операции стоят 5 тыс. долл., что не по карману большинству граждан при среднем размере заработной платы в 145 долларов [11]. Во-вторых, это крайне устаревшее оборудование, которое было установлено ещё в советское время — в 80-е годы [2, с. 5].

В 19 поликлиниках Бишкека нет ни одного цифрового аппарата рентгена, есть только 2–3 аппарата 1984 года выпуска. С тех пор уже 6 раз изменилась мировая лучевая нагрузка, пациенты стали в 6 раз более защищенными, но только не жители столицы Кыргызстана [7, с. 4].

Ещё более удручающая картина наблюдается в Национальном онкологическом центре. Аппаратура для него была приобретена ещё в начале 80-х годов прошлого века, большая часть её уже не работает [12, с. 3].

Нужно признать, что те скромные деньги, которые выделяются на нужды здравоохранения, тратятся неразумно или разворовываются. В Кыргызстане 40 с лишним государственных клиник, но в них нет ни одной бесплатной услуги. В связи с этим медицинская помощь для значительной части населения стала малодоступной, непомерно вздорожала стоимость медикаментов. Всё это приводит к резкому снижению обращаемости населения за медицинской помощью, что привело к хронизации заболеваний, роста инвалидности и преждевременной смертности.

Таким образом, подытоживая материал статьи, можно констатировать, что результаты реформ в сфере здравоохранения оказались ниже ожидаемого уровня. Так, время показало, что создание центров семейной медицины не привело к повышению качества медицинского обслуживания. Один из экспертов прямо указывает, что «бесперспективность этого направления медицины… просто очевидна… Даже самый талантливый и хорошо обученный доктор не может знать всё! Ну не может он быть и терапевтом, и стоматологом, и гинекологом, и хирургом одновременно, да ещё на очень высоком профессиональном уровне. Это просто нереально!» [7, с. 4].

В этих условиях на сегодня необходимо решать неотложные задачи по созданию эффективной системы здравоохранения. Они могут решаться в самых различных направлениях, среди которых одним из ведущих является улучшение уровня подготовки медицинских кадров, основанное на принципах доступности, непрерывности образовательного процесса с преемственностью его ступеней.

Не менее важными являются меры по совершенствованию политики пропаганды здорового образа жизни, укрепления здоровья населения. Однако с повестки дня не снимается задача увеличения государственного финансирования сферы здравоохранения.

Литература и источники

1. Киргизия — доступный медицинский уровень [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://peopleandcountries.com/article-521-1.html (дата обращения: 10.03.2016).
2. Ковшова И. Здоровье детей превыше всего // Слово Кыргызстана. 2012. 31 августа.
3. Медики Кыргызстана намерены требовать повышения заработной платы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.mail.ru/politics/19110566/ (дата обращения: 10.03.2016).
4. Социальные тенденции Кыргызской Республики (2010–2014 гг.) // Ежегодник Нацстатком КР. 2015. Вып. №11.
5. Касиев Н. К., Рисалиев Д. Д. Прошлое, настоящее и будущее. Очерки об истории здравоохранения Кыргызской Республики. Бишкек, 2004.
6. Материалы о состоянии дел в здравоохранении и других отраслях социальной сферы. Арх. Президента Кырг. Респ., ф. №1, оп. 1, д. 2714.
7. Асанова Ч. Падчерица медицины // Слово Кыргызстана. 2015. 16 октября.
8. В Кыргызстане за 9 месяцев показатель общей смертности населения снизился [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kg.mirtv.ru/news/49953 (дата обращения: 14.03.2016).

9. Письмо руководителю администрации Президента КР от Министра здравоохранения М. М. Мамытова от 14.09.2004 г. Арх. Президента Кырг. Респ., ф.№1, оп. 1, д. 16–10, т.1.
10. В Кыргызстане повышение зарплаты медикам в ближайшие годы не планируется [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://for.kg/news-143391-ru.html (дата обращения: 14.03.2016).
11. Средний размер заработной платы в Кыргызстане составил 145 долларов США [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inform.kz/rus/article/2439347 (дата обращения: 14.03.2016).
12. Ащеулов Д. Глас вопиющего // Слово Кыргызстана. 2016. 19 января.

Информация об авторе:

Асанов Ырыскелди Джокбекович *— аспирант Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева.*

Барташевич А. А.

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ КУЗБАССА (НА ПРИМЕРЕ МОНИТОРИНГА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ)

***Аннотация**: В данной статье автор наглядно демонстрирует возможность использования корреляционного анализа как метода диагностики экстремистских проявлений учащейся молодёжи Кузбасса (на примере мониторинга экстремистских проявлений). В работе методом корреляционного анализа подтверждается гипотеза о наличии у молодых людей сложившейся устойчивой системы экстремистских взглядов. Также выявляются достоинства данного метода статистического анализа.*

***Abstract:** The article discusses the possibility of using the correlation analysis for processing of personal data of materials collected in the framework of the regional monitoring of extremist manifestations of the concept developed by a working group of associate professor of KemSU V. V. Shiller. Correlation analysis solves problems of conceptual evaluation of extremist ideas in the mass consciousness of studying youth of Kuzbass.*

***Ключевые слова**: экстремизм, учащаяся молодежь, Кузбасс, корреляционный анализ, неонацизм.*

***Keywords:** extremism, students, Kuzbass, correlation analysis, neo-Nazism.*

В современном мире экстремизм является сложным социально-политическим бичом общества, который представляет угрозу национальной безопасности любого государства. Россия в данном случае исключением не является. Это связано с широким спектром экстремистских проявлений, разнородным составом организаций и группировок экстремистской направленности.

Казалось бы, ещё 70 лет назад СССР покончил с идеями и планами Гитлера, несущего в мировое сообщество зверскую философию фашизма и экстремизма, но что наблюдается на сегодняшний день? Последователи гитлеровских идей имеются во всех странах мира по сей день, а частота встречаемости экстремистских настроений и проявлений возрастает.

Наиболее подвержены деструктивному влиянию современные молодые люди. Это достаточно благодатная почва для рассады экстремистских идей — неокрепшая психика, лёгкая возбудимость, острое восприятие окружающей обстановки, пустое духовное пространство. В связи с этим в молодёжной среде легче формируются радикальные взгляды и убеждения.

Существует более десятка определений экстремизма, из которых самым полным и ёмким, на наш взгляд, является определение, данное Генеральной прокуратурой РФ в методических рекомендациях к применению ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.07.2002 г. Согласно этому определению, под экстремизмом понимается «***особое состояние сознания отдельных представителей тех или иных национальных, религиозных и культурных общностей, характеризующееся ощущением сверхценности исповедуемых идей, тотальным безоговорочным подчинением своей жизни их реализации, отрицанием возможности иного отличного видения мира, приверженностью к крайним, иногда насильственным методам достижения избранных целей***». Для рабочей группы по разработке и внедрению регионального мониторинга

экстремистских проявлений, в состав которой входит и автор настоящей статьи, это определение является рабочим, и именно на него опирались члены группы при решении задачи разработки эффективной системы диагностики и профилактики экстремистских проявлений [3].

Мониторинг экстремистских проявлений — это непрерывный процесс наблюдения, сбора, обработки информации о деструктивных проявлениях в определённой среде по определённым параметрам (в нашем случае в молодёжной среде).

Профилактика экстремизма представляет собой систему определённых мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, когда она ещё не осуществляется (не осуществляются пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, не осуществляются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и т. д.). То есть профилактика — это своевременное и оперативное реагирование на девиантные позывы экстремистской направленности в обществе.

Совместно вышеперечисленные методы позволяют своевременно вычислять экстремистские наклонности в молодёжной среде, а также проводить определённую систему мероприятий, позволяющих предупреждать возникновение наклонностей данного типа.

В 2015 году на базе факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета кандидатом исторических наук, доцентом кафедры политических наук Вадимом Викторовичем Шиллером был разработан проект мониторинга экстремистских проявлений [3]. Вадим Викторович и его группа начали активную деятельность по разработке инструментария, необходимого для осуществления мониторинга, и непосредственно по сбору информации и данных, подлежащих обработке и осмыслению.

Мониторинг направлен на выявление деструктивных отклонений в сознании молодых людей, в частности, экстремистских наклонностей. Суть любого мониторингового исследования заключается в отслеживании каких-либо процессов через изменение заданных индикаторов, выявляемое путём серии замеров через определённые временные интервалы. Индикаторы наиболее адекватно отражают структуру динамично развивающегося объекта и, как правило, представлены количественными показателями, что позволяет осуществлять сравнение и показывать динамику его изменения. Временные интервалы могут иметь разные сроки — от месяца до 10 лет.

В данном мониторинге индикаторами, отражающими экстремистские настроения и проявления, являются отношение к нерусским национальностям, иным конфессиям, нацистской символике и символике организаций, признанных в России экстремистскими, Гитлеру и его соратникам и т. д. Каждый индикатор оценивается по четырёхбалльной шкале, где спектр оценок колеблется от «недопустимо» до «допустимо». По каждой оценке осуществляется подсчёт количества выборов, и полученные результаты по всем индикаторам в абсолютной и относительной формах забиваются в базу данных. Данные обобщаются по учебным заведениям, населённым пунктам, возрастным, гендерным и профессиональным группам, а также в целом по области. По динамике количественных показателей делается вывод о состоянии уровня экстремистских проявлений в каждой группе, оценивая ситуацию по шкале от «благоприятной» до «критической».

На следующем этапе данные по каждой из групп для корректировки полученных результатов сравниваются, и формулируются итоговые выводы по конкретному срезу.

На данный момент было проведено 3 волны мониторинговых замеров, охвативших около 3000 респондентов, проживающих в основной части населённых пунктов Кемеровской области.

При обработке массива данных для решения ряда промежуточных исследовательских задач нами был использован метод корреляционного анализа, представляющего собой метод

обработки статистических данных, заключающийся в изучении коэффициентов (корреляции).

Целью корреляционного анализа является измерение статистической взаимозависимости между двумя или более переменными. В случае если исследуется связь двух переменных, корреляционный анализ будет парным; если число переменных более двух — множественным. Следует подчеркнуть, что переменные в корреляционном анализе как бы «равноправны» — они не делятся на зависимые и независимые.

Инструментами корреляционного анализа являются разнообразные меры связи. Выбор мер, т. е. коэффициентов связи, зависит от способов измерения переменных и характера связи между ними.

Для количественных, порядковых и дихотомических переменных используются понятия прямой и обратной связи. Связь между количественными и/или порядковыми переменными является прямой, если значения двух переменных одновременно возрастают или убывают; обратной — если возрастание значений одной переменной сопровождается убыванием значений второй.

Для дихотомических переменных связь является прямой, если измеряемые ими свойства объектов чаще встречаются или не встречаются одновременно, чем порознь; обратной — если соответствующие свойства чаще встречаются порознь. Для номинальных переменных, за исключением дихотомических, понятия прямой и обратной связи не определены, связь между ними рассматривается как ненаправленная [1].

Корреляционный анализ активно применяется и в рамках политической науки. Он достаточно прост, и успешно применяется для тестирования уже имеющихся гипотез, а также и в поисковом исследовании, когда предположения о связях и взаимозависимостях только формируются.

Гипотезой нашего исследования явилось положение о том, что у старших школьников и студентов средних и высших учебных заведений сложилась устойчивая система экстремистских взглядов. То есть молодые люди имеют не обрывочное, а целостное представление об экстремистской деструкции и многие данные убеждения разделяют.

Для подтверждения сформулированной гипотезы нами сначала была отобрана совокупность данных, которая подлежала корреляционному анализу. Данные отбирались по принципу того, что между ними наверняка должна прослеживаться взаимосвязь.

Обработав данные с помощью редактора электронных таблиц — Microsoft Excel (с помощью имеющейся в нём формулы для вычисления корреляции) и упорядочив их, мы получили корреляционную матрицу, приведённую в таблице 1:

Таблица 1. Матрица корреляционных показателей

	Негативное отношение к евреям	**Негативное отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии**	**Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха**	**Использование нацистской символики и нацистских приветствий**	**Национализм**
Негативное отношение к евреям		**0,7**	**0,7**	**0,7**	**0,8**

Негативное отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии	**0,7**		**0,5**	**0,7**	**0,9**
Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	**0,7**	**0,5**		**0,8**	**0,6**
Использование нацистской символики и нацистских приветствий	**0,7**	**0,7**	**0,8**		**0,8**
Национализм	**0,8**	**0,9**	**0,6**	**0,8**	

Источники: материалы анкетного опроса второй волны мониторинга экстремистских проявлений (сентябрь – октябрь 2015 г.).

В полученной совокупности данных исследовательский интерес представляют следующие пары признаков:

Негативное отношение к евреям	Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха
Негативное отношение к евреям	Использование нацистской символики и нацистских приветствий
Негативное отношение к евреям	Национализм
Негативное отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии	Национализм
Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	Использование нацистской символики и нацистских приветствий
Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	Национализм
Использование нацистской символики и нацистских приветствий	Национализм

По данным парам индикаторов получились следующие корреляционные данные:

Негативное отношение к евреям	Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	**0,7**
Негативное отношение к евреям	Использование нацистской символики и нацистских приветствий	**0,7**
Негативное отношение к евреям	Национализм	**0,8**
Негативное отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии	Национализм	**0,9**

Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	Использование нацистской символики и нацистских приветствий	**0,8**
Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха	Национализм	**0,6**
Использование нацистской символики и нацистских приветствий	Национализм	**0,8**

Применительно к политическим исследованиям интерпретация результатов имеет следующий вид:

— **0–0,3** — слабая корреляция;
— **0,4–0,6** — средняя корреляция;
— **0,7–1** — сильная корреляция. [1]

Более 85% результатов носят характер сильной корреляционной связи. Это означает, что у всех респондентов, попавших в выборку, экстремистские идеи оформлены в систему взглядов, что обусловлено системой связи между индикаторами, отражающими идеолого-мировоззренческие установки.

Системой установок это можно считать в связи с тем, что индикатор «Негативное отношение к евреям» имеет прямую связь с индикатором «Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха». Антисемитизм является частью фашистской идеологии Гитлера и активно пропагандировался им в середине XX столетия.

Индикатор «Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха» и «Использование нацистской символики и нацистских приветствий» являются взаимодополняющими положениями, так как в фашистской Германии с приходом к власти Гитлера и пропагандой им национал-социализма сложилась система определённого (нацистского) приветствия (поднятие правой руки под углом примерно в 45 градусов с распрямлённой ладонью, среди больших чинов — полусогнутой, рядовых или перед старшими по званию — полностью выпрямленной, и восклицания *Heil Hitler!* — нем. «Да здравствует Гитлер!»). А также стала использоваться нацистская символика — *Hakenkreuz* (букв. *«крюко-крест»*) — свастика, также изображавшаяся на флагах, включая государственный флаг нацистской Германии. Среди других использовавшихся нацистами символов были:
— Орёл со свастикой — официальный герб Третьего Рейха.
— «Молнии» СС (ϟϟ, две руны Совило).
— Различные руны и руноподобные символы, например, Одал, Вольфсангель.
— Чёрная униформа и знаки отличия СС.
— Коричневые рубашки штурмовых отрядов.
— «Мёртвая голова» — знак отличия одноимённого подразделения СС по охране концлагерей, эмблема сформированной из этого подразделения одноимённой танковой дивизии, а также персональный наградной знак в виде кольца.
— Личный штандарт Адольфа Гитлера.

Индикатор «Негативное отношение к выходцам с Кавказа и Средней Азии» является проявлением идеологии, основополагающим принципом которой является убеждение о превосходстве и доминантном праве на блага одной нации и пренебрежительном, принижающем отношении к другой нации. А это есть не что иное, как идеология национализма. В данном случае речь идёт об этническом национализме, который опирается

на принцип этничности и носит нелиберальнй, аскриптивный, партикуляристский и исключающий характер [2].

Индикатор «Героизация Гитлера и других вождей Третьего Рейха» и «Национализм» логически являются коррелируемыми, так как Гитлер активно пропагандировал идеологию национализма — превосходства одной нации над остальными.

Большой уровень взаимосвязи между индикаторами, то есть сильная корреляция, свидетельствуют о том, что значительная часть опрошенных респондентов на уровне системы являются носителями неонацизма, опирающегося на концептуальные основания «классического» национал-социализма, в нашем случае с выраженными особенностями (наличие негативного отношения к выходцам с Кавказа и Средней Азии). Характерными чертами неонацизма являются ориентиры на нацистскую доктрину: шовинизм, фашизм, расизм, ксенофобия, гомофобия, антисемитизм.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее:

1. На основе анализа выборочной совокупности можно констатировать у старших школьников и студентов профессиональных учебных заведений наличие определённой, концептуально оформленной системы взглядов, попадающих под действие закона о противодействии экстремистской деятельности. Концептуальные основания имеют отличия, обусловленные возрастными особенностями, эрудицией, интеллектуальным развитием и уровнем получаемого образования.

2. Для анализа и оценки материалов, полученных в процессе мониторинговых исследований, корреляционный анализ является валидным и эффективным методом, позволяя диагностировать наличие взаимосвязи между коррелируемыми признаками (индикаторами). Если между ними есть взаимосвязь, это означает, что имеется определённая система (в нашем случае — система взглядов). Также такой анализ при наличии взаимосвязи показывает уровень и степень выраженности факторов, что позволяет своевременно принять необходимые меры реагирования.

3. Полученные в результате диагностики результаты позволяют выстроить стратегию профилактических мероприятий. Отсутствие взаимосвязи между индикаторами свидетельствует об отсутствии системы сложившихся представлений и не требует сложных профилактических мероприятий. На наш взгляд, в этом случае достаточно простой беседы с ориентацией на статью УК и КоАПП РФ. В случае если мы имеем дело с *системой взглядов,* то профилактика должна носить характер системно-информационного противодействия, направленного на разрушение или корректировку ключевых позиций экстремистских идей (героизация и оправдание преступлений Гитлера, представления о полноценных и неполноценных нациях и проч.).

Литература и источники

1. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. М., 2006.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.
3. Шиллер В. В., Вольхина В. А. Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области // Политические институты и процессы. № 2. Кемерово, 2015. С. 44-56.

Информация об авторе:

Барташевич Анастасия Андреевна *— студентка 3 курса направления «Политология» факультета политических наук и социологии КемГУ,* nastasia.shevich@yandex.ru.

(Научный руководитель: *Шиллер В. В., к. и. н., доцент*).

Кубасов В. В.

ПОЛИТИКА И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РФ

Аннотация: *В статье автор исследует приверженность коренных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока к различным культурным ценностям. Проанализирована государственная политика поддержки населения в данных регионах Российской Федерации, обозначены ключевые проблемы этносоциальных отношений в нашей стране.*
Abstract: *In the article the author explores adherence of indigenous peoples of Siberia, North and Far East to different cultural values. State policy of support of the population in these regions of the Russian Federation is analyzed, the key problems of ethnosocial relations in our country are identified.*

Ключевые слова: *отношения этносоциальные, ценности, народы коренные, Сибирь, Дальний Восток.*
Keywords: *ethno-social relations, values, indigenous peoples, Siberia and the far East.*

Главным противоречием в этносоциальном развитии России является слишком быстрый переход к западным ценностям, при том что большой процент населения предпочитает восточные ценности западным. Коренные народы Сибири вовсе отвергают переход к западным ценностям. Они стараются сохранить традиционный образ жизни, устройство хозяйства и исконные занятия.

Сибирь и её народ хорошо отражают евразийскую сущность России. Здесь существуют различные хозяйственные уклады и экономические структуры, традиционная и современная культуры, уживаются различные этносы и религии. В общей сложности на территории Сибири живут около 30 различных коренных народов. По последней переписи населения это около 1,5 млн человек.

Как показывают опросы, большинство респондентов считает, что для развития своего народа в большей мере необходимо чувство коллективизма и взаимопомощи, чем личные амбиции. К коллективистски настроенным этническим группам можно отнести алтайцев, якутов, угров, тувинцев, хакасов, казахов Республики Алтай, русских Южной и Западной Сибири, казахов Западной Сибири.

В РФ наблюдается отрицательное отношение населения к предпринимателям и бизнесменам, которые, по мнению опрошенных, действуют в корыстных целях и выступают фактором раздробления единства народов, при этом наблюдается доверие к политическому лидеру страны, ставшее некой традицией в РФ. Также можно отметить, что такое отношение народа к государственному лидеру наблюдается на протяжении почти всего существования РФ.

По статистике, свыше половины опрошенных во всех группах отдают приоритет государственному регулированию экономики, а не рыночной свободе. Так, гораздо меньше людей высказываются за рыночный вариант развития экономики, они считают, что для успешного развития страны необходимо вернуться к командной экономике. Это свидетельствует о необходимости создания в РФ условий для развития смешанной экономики, основанной на разных формах собственности, в том числе коллективной, характерной для зарубежных стран.

К ценностям культуры Востока, согласно распространённым стереотипам, относятся традиционализм, превосходство духовного над материальным, нравственности над правом, сельский образ жизни, коллективизм, монархические взгляды, привычка к скромности и

уважение к родовым этническим корням, бережное отношение к природе. В то время как ценности культуры Запада — либерализм, рыночная экономика, индивидуализм, частная собственность, рациональность, принципы права, а прогресс ассоциируется с развитием и покорением природы.

Можно заметить, что такие выделенные ценности ещё не характеризуют евразийские ценности, поскольку в них зафиксированы, с одной стороны, европейские, с другой стороны, азиатские ценности. Таким образом, евразийскими можно считать те установки, в которых сочетаются европейские и азиатские черты культуры. В соответствии с данным представлением были выявлены европейски, азиатски и евразийски ориентированные группы населения. Как показал анализ, среди опрошенных первая группа — европейски ориентированные — занимает примерно 1,5%, вторая — азиатски ориентированные — от 9,5 до33 %, и преобладает третья группа — евразийски ориентированное население — от 60 до 85%. Таким образом, можно сказать, что жёсткое насаждение западных ценностей неизбежно будет стимулировать отталкивающую реакцию и стремление к возвращению к исконным культурным ценностям [1].

В целом можно сказать, что большинство населения — приверженцы евразийской ориентации, лишь крайне малая часть — европейски настроенные граждане [2].

Интерес к проблемам развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока обусловлен тем, что именно в отношении этих народов в России в последние десятилетия проводилась целенаправленная государственная политика. В Конституции РФ можно выделить статью, посвящённую гарантиям прав народов Севера в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Принято несколько федеральных законов, касающихся народов Севера, в которых с учётом их особого образа жизни предусмотрены специальные нормы и некоторые льготы.

Также неоднократно утверждались государственные программы их социально-экономического развития. В утверждённой правительством РФ «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» среди многих вопросов выделены сохранение изначальной культуры народов Севера и повышение качества жизни. При полномочном представителе президента РФ в Сибирском федеральном округе 10 лет работает экспертно-консультативный совет по делам народов Севера. Основной задачей этого совета является осуществление государственной политики в отношении народов Севера и повышение качества и уровня жизни в Сибири. Недавно в совет также вошли представители Бурятии.

Однако реальное положение народов определяется не провозглашёнными правами и принятыми решениями, а экономической и политической ситуацией в стране, государственной политикой в отношении данной группы народов. Многие жизненно важные проблемы этих народов так и не находят разрешения, а некоторые даже усугубляются. Есть основания полагать, что сейчас наблюдается кризис основ национальной политики в отношении народов Севера.

Некоторые вещи обозначены в качестве принципов устойчивого повышения уровня жизни народов Севера — признание гарантий их прав в соответствии с Конституцией РФ и необходимость оценки культурных, экологических и социальных последствий, возмещение ущерба, нанесённого исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера.

Также в концепции провозглашается, что в результате реализации мероприятий последнего, третьего этапа к 2025 г. будут достигнуты среднероссийские показатели качества жизни у малочисленных народов Севера. По сути, это главная цель концепции. Если говорить о количественном измерении, то для оценки качества жизни необходимо иметь в виду более высокие показатели уровня жизни уже по той причине, что стоимость

жизни в этих районах гораздо выше, чем во многих других регионах и в среднем по стране [2].

Всё-таки, несмотря на то, что многие проблемы до сих пор не разрешены, можно уверенно сказать, что в отношении народов Севера проводится целенаправленная государственная этносоциальная политика, на которую выделяются значительные средства из бюджета страны, принимаются законы, напрямую или косвенно улучшающие общее положение дел в азиатской части страны — главное, есть чётко выраженное стремление к улучшению качества жизни, сохранению прав и свобод малочисленных народов азиатской части РФ. Данный вектор политики может быть ориентиром для всей национальной политики страны.

Литература

1. Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник (1996–2007) / Под ред. Ю. В. Попкова. Вып. 1–8. Новосибирск, 1997.
2. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2010.

Информация об авторе:

Кубасов Виктор Викторович — *ученик 10 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, razervart1999@gmail.com.*

(**Научные руководители:** ***Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Бирюков С. В.*** *— д. полит. н., профессор*).

Масленников В. И.

ПЕРЕХОД ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *В статье автор рассматривает феномен тоталитаризма и его трансформацию на примере России в демократический политический режим. Даётся определение тоталитаризма, характерные черты, типология тоталитарных режимов. Обозначены основные проблемы перехода к демократии в России и перспективы их преодоления.*

Abstract: *In the article the author examines the phenomenon of totalitarianism and its transformation to a democratic political regime on the example of Russia. The definition of totalitarianism, characteristics and typology of totalitarian regimes are given. The main problems of transition to democracy in Russia and prospects of overcoming them are identified.*

Ключевые слова: *тоталитаризм, демократия, государство, режим политический.*
Keywords: *totalitarianism, democracy, state, political regime.*

Впервые понятие тоталитаризма было введено итальянским политиком Джованни Амендола, с его помощью он охарактеризовал установившийся в Италии фашистский режим Муссолини, который позже был популяризован лидерами и последователями режима. В их

понимании тоталитаризм означал, что все аспекты жизни человека подчинены государственной власти.

В современном определении тоталитаризма изменилось немногое. Тоталитаризм — форма отношения общества и власти, при которой политическая власть берёт под полный контроль общество, полностью контролируя все аспекты жизни человека. Спустя десятилетия смысл определения не изменился — государство контролирует социальную, экономическую жизнь общества, навязывая ему ту или иную идеологию, зависящую от интересов и взглядов лидеров тоталитарных режимов.

Как следует из определения, государство стремится взять под полный контроль всю жизнь общества. Отсюда можно увидеть главные черты тоталитаризма, среди них политологи нашего времени выделяют:

— господство в обществе определенной идеологии;

— наличие у власти единственной партии во главе с диктатором (вождём);

— средства управления государством и поддержания в нём порядка — террор и тайная полиция;

— монополия государства на СМИ;

— монополия государства на использование вооружённой силы;

— централизованная система контроля и управления экономикой [1].

Но помимо общих черт есть ещё и уникальные, характерные для определённого типа тоталитарного режима. Виды тоталитарных режимов:

1. Фашизм — установился в Италии в начале 20-х годов XX в., лидер — Б. Муссолини;

2. Национал-социализм — тоталитарный режим Германии начиная с 30-х годов XX в., лидер – А. Гитлер;

3. Коммунизм — окончательно становится тоталитарным режимом при правлении И. Сталина.

Наибольшую важность при изучении проблемы перехода от тоталитаризма к демократии представляет последний вид тоталитарного режима, характерный для нашей страны.

Как уже было сказано, тоталитарный режим в СССР, а соответственно и в России, становится таковым при И. Сталине. Ключевыми особенностями советского вида тоталитаризма являлись:

1. Огромная роль идеологии классовой борьбы;

2. Возврат к идее сильной государственной власти взамен идеи мировой революции; возврат к имперской внешней политике — курс на восстановление границ Российской Империи;

3. Массовые репрессии, целью которых вначале было устранение соперников в борьбе за власть, а позже и всех противников режима. Также благодаря репрессиям была получена дешёвая рабочая сила, необходимая для столь срочной индустриализации.

Тоталитарный режим в СССР и Германии существенным образом отличались друг от друга: в СССР господствовала теория классовой борьбы, в Германии — теория национальной и расовой борьбы; направленность репрессий в СССР была в основном против собственного народа, когда в Германии — против национальных меньшинств и населения других стран; в СССР произошло полное огосударствление экономики, в Германии — лишь частное.

Итак, в СССР при Сталине установился крайне сильный тоталитарный режим, уничтоживший своих противников и взявший под контроль важнейшие аспекты общественной жизни.

Правда, как и все тоталитарные режимы, коммунизм держался на безусловном и могущественном лидере. После смерти И. Сталина режим начинает постепенное ослабление

и переход к авторитаризму, на основании последнего Россия трансформировалась в демократическое государство.

Становление демократии предопределил период «перестройки» М. С. Горбачёва, начатой им во второй половине 80-х годов прошлого века. Невозможно было поставить страну на путь рыночной экономики, не проведя перед этим кардинальных реформ в самом обществе: требовалось множество специалистов, которых попросту в стране не хватало. Подготовка же таких людей привела к тому, что ко многим начало приходить демократическое сознание. Также требовалось огромное количество материальных и экономических ресурсов, которых к середине перестройки уже попросту не было. Всё это вылилось в глубокие экономический и политический кризисы, один из которых Парад суверенитетов в 1990–1991 гг., во время которого ряд республик СССР объявил о своей независимости, в их числе была и РСФСР [1].

Таким образом, Россия прошла долгий и сложный путь к демократии, начиная от сталинизма, оказавшись в центре политического и экономического кризисов СССР, которые ей удалось преодолеть позже, обретя уже полную независимость. Сегодня Российская Федерация номинально является демократическим государством, но для фактического приближения к этому идеалу нужно ещё многое совершить. Это дело не одного поколения: прежде всего, необходимо повышать политико-правовую культуру граждан, добиться более рационального распределения сфер компетенции между федеральным центром и субъектами федерации. Требуются более сбалансированные полномочия и их распределение между ветвями власти, что выступает основой любого современного демократического государства.

Литература

1. Пугачёв В., Соловьёв А. Введение в политологию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/18.php (дата обращения: 20.03.2016).
2. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.

Информация об авторе:

Масленников Владислав Игоревич *— ученик 10 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, vlud5@mail.ru.*

(***Научные руководители: Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Омеличкин О. В.*** *– д. полит. н., профессор*).

Маснев Д. В.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация: *В статье автор рассматривает место и функционирование общественных объединений в политической сфере. Анализируются классификации общественных объединений по различным основаниям, проводится сравнительный анализ с политическими партиями.*

Abstract: *The article considers the place and functioning of public associations in the political sphere. Classification of public associations on various grounds are analyzed, a comparative analysis with the political parties is given.*

Ключевые слова: *общественные объединения, политические организации, общественные движения, политические партии.*
Keywords: *public enterprises, political organizations, social movements, political parties.*

В наше время значительную роль в общественно-политической жизни наравне с партиями играют политические организации и движения. Они представляют собой различные объединения граждан, не входящих в партийные или государственные структуры, но являющихся субъектами политической жизни. В отличие от партий, они не претендуют на непосредственное участие в осуществлении власти, не берут на себя связанных с этим обязательств и отличаются формой существования, организационной структурой, способами и методами действий. Организации и движения являются субъектами политической жизни и совмещают в себе различные функции: оппонирование, критика, оппозиция по отношению к политическим партиям и государственным институтам.

Проанализировав общественно-политические движения, необходимо разделить их на следующие группы:

— организации непосредственного, прямого влияния на политические решения, которые создаются при государственных структурах (лобби, группы давления), основной задачей которых являются налаживание контактов с чиновниками, политическими деятелями и оказание влияния на их решения;

— организации, в которых политическая функция не стоит на первом месте, но тем не менее играет важную роль (профсоюзы, союзы предпринимателей, потребительские движения и т. д.);

— массовые движения, имеющие стихийную природу. Например, такие движения, как антивоенные, молодёжные, за охрану окружающей среды и т. д.

Наряду с этим общественно-политические объединения необходимо разделять на несколько групп по следующим признакам: по отношению к существующему строю, идеологической основе, национальному и демографическому признаку, степени организации, масштабам, методам и способам действия [1].

Зачастую общественные объединения зарождаются снизу, однако бывает так, что они создаются по инициативе сверху [2]. Инициаторами создания общественно-политических движений могут быть как самостоятельные группы людей, так и комитеты или комиссии, образованные партиями. Некоторые партии или блоки партий стремятся создать какие-либо объединения, чтобы вовлечь в борьбу за выдвинутую политическую задачу широкие массы населения.

В наше время люди всё чаще присоединяются к общественным движениям. Рассмотрим причины этой тенденции.

Во-первых, в последнее время политические партии всё больше теряют свой авторитет среди народных масс и в особенности среди молодежи. Людей не устраивают политические игры партий и их готовность пойти на всё ради власти. Видя все пороки партий со стороны, люди не хотят вступать в них.

Кроме того, в отличие от общественных движений, членство в политической партии требует соблюдения определённого устава, дисциплины. Именно поэтому людей, и в первую очередь молодёжь, больше привлекает широкая демократия общественных организаций, их подлинная самоуправляемость. В них люди способны свободно переходить из одной организации в другую, участвовать с ними в массовых движениях, при этом не привязывая себя к ним какими-либо серьёзными обязательствами.

Во-вторых, в отличие от партий, объединения не придерживаются какой-либо установленной идеологии. Именно этим они и привлекают в свои ряды огромное количество сторонников. Зачастую люди вообще не видят для себя пользы в том, чтобы придерживаться

какой-либо идеологии. В конце концов, главными задачами партий являются вопросы власти, а не повседневные потребности людей и их материальные интересы.

Говоря об общественных движениях, нельзя не сравнить их с партиями.

У общественных объединений намного шире идейно-политическая ориентация и намного конкретнее цели. Благодаря этому люди с различными политическими взглядами могут участвовать в движении, поддерживая конкретную политическую цель данного движения. Также именно из-за этого на определенном этапе своего существования движение может приобретать большой размах [3].

В отличие от партий, движения не имеют стабильного числа участников, сильной структуры и дисциплины. Они опираются на неорганизованные народные массы и поддерживаются различными общественными организациями и ассоциациями.

Добившись успеха в решении поставленных задач, политические движения зачастую прекращают своё существование, но случается и так, что выдвинутые задачи оказываются слишком сложными, и чтобы их решить, требуется доступ к рычагам власти и длительная работа. В таком случае политические движения со временем приобретают признаки партии и преобразуются в неё.

Исходя из всего вышеперечисленного, может показаться, что общественно-политические движения являются лишь начальным этапом формирования партии. Однако это не совсем так. Общественно-политические объединения выполняют важную роль в общественно-политической жизни в целом. Они представляют собой своеобразное связующее звено между государственными органами и гражданской активностью населения. Деятельность общественных организаций и движений является реальным показателем процесса становления демократизации политической системы, гражданского общества и развития самоуправления.

Литература

1. Общественные объединения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ftk.narod.ru/download/pravo/osnovi/022.htm (дата обращения: 21.03.2016).
2. Политология: учебник для вузов / Под. ред. М. А. Василика. – М., 1999.
3. Романовский Н. Б. Политические партии и партийные системы // Политология и современный политический процесс. М., 1990

Информация об авторе:

Маснев Данил Вячеславович — *ученик 10 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, masnev.danil@mail.ru.*

(***Научные руководители: Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Матвеева Е. В.*** *— д. полит. н., профессор*).

Михайлов О. С.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению политического терроризма как феномена в современном мире. Уделяется особое внимание анализу различных определений политического терроризма. Обозначены основные причины проявления политического*

терроризма в современных условиях. Представлен авторский подход к выработке понятия феномена политического терроризма.

Abstract: *The article is devoted to consideration of terrorism as a political phenomenon in the modern world. Special attention is paid to analysis of various definitions of political terrorism. The main causes of manifestation of political terrorism in the modern world are identified. The author's approach to the development of the concept of the phenomenon of political terrorism is presented.*

Ключевые слова: *политический терроризм, терроризм, политическое насилие, общество, власть.*

Keywords: *political terrorism, terrorism, political violence, society, power.*

Такой феномен, как политический терроризм, уходит своими корнями в далёкое прошлое, но в последнее время он стал проявлять себя в международном масштабе. Терроризм существует сегодня во всём мире, в том числе в Российской Федерации. Данный феномен вошёл в общественную жизнь государства, то есть в политику, в общество и в другие сферы государства. Всё мировое сообщество больше не может игнорировать данную проблему, и каждая страна посчитала своим долгом пересмотреть своё отношение к терроризму. Деятельность террористов всегда носит публичный характер, направленный одновременно на общество и на власть. Самым эффектным методом террора является насилие против мирного и беззащитного населения, а также демонстрация катастрофических результатов с помощью средств массовой информации. На сегодняшний день созданы межгосударственные механизмы, основной задачей которых является борьба с терроризмом не только в России, но и в других странах мира. Данные механизмы должны полагаться на научные знания и исследования учёных, которые работают в различных сферах науки.

Террористы — это организованная группировка или партия, которая стремится достичь своих целей через насилие. Впервые термины «терроризм» и «террорист» были использованы в 1930 году на II Международной конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в Брюсселе. На сегодняшний день существует около 100 определений терроризма. Наиболее интересные определения можно встретить в работах таких учёных, как У. Лакер и М. Креншоу. Данная проблема изучается в различных научных институтах, в военных ведомствах, в государственных структурах безопасности. Многих учёных заинтересовала проблема политического терроризма. В западных странах создаётся новая дисциплина «террология», пишутся первые учебники по этой проблеме. Большинство зарубежных работ посвящается развитию терроризма в XXI веке. Терроризм в любых формах проявления превратился в одну из самых масштабных мировых проблем. Терроризм всё больше угрожает безопасности многих стран и их гражданам, влечёт за собой огромные политические, экономические и моральные потери.

В конце XX века в идеологии терроризма заметно усилилось и укрепилось влияние религиозного фактора. Определяют несколько причин существования терроризма в современном мире:

— экономические и финансовые кризисы в различных странах мира;

— заинтересованность правящих партий некоторых государств в терроризме как в орудии внешней и внутренней политики;

— неэффективная деятельность государственного аппарата и, как следствие, принятие непродуманных и низкорезультативных решений.

В России недостаточно хорошо изучен феномен политического терроризма, но тем не менее данное явление имеет свою историю. Одна из первых организаций, которая начала изучать терроризм — это организация «Народная воля». Отечественные историки-марксисты рассматривали терроризм как результат неверия в возможность революции. В своих либеральных концепциях В. Богучарский отрицал какую-либо социальную обусловленность

терроризма в Российской империи [1]. В современной истории терроризм — это проявление духа насилия, присутствовавшего в российском обществе в конце XIX – в начале XX веков. Наши отечественные исследователи посвящали свои труды проблеме возникновения терроризма в целом и проблеме «левого» терроризма в частности. В своей работе «Левый терроризм на Западе» В. В. Витюк и С. А. Эфиров утверждали, что «левый» терроризм скрывает свою сущность благодаря марксистским лозунгам, уводящим рабочую силу от революционной борьбы за свои права и свободу [2]. Только в 1990-е гг. власти СССР признали существование терроризма в стране. Ю. С. Горбунов [3] раскрыл классификацию терроризма, началась разработка юридического определения и понятия терроризма. Был пересмотрен УК РФ и внесены существенные изменения: теперь за терроризм предусматривалась уголовная ответственность [4]. В 1990 году М. С. Горбачёв издал указ о «добровольном разоружении» незаконных военизированных организаций. С 1994 года началась активная борьба с незаконными вооружёнными формированиями на территории Чеченской республики. Российское государство уделяло недостаточно внимания изучению современного отечественного политического терроризма, недооценивая глубину и опасность данного явления, что помогло терроризму достичь определённого уровня развития в нашей стране.

Политический терроризм — это насильственный метод или угроза, применяемые вооружёнными группировками или организациями, осуществляемые с помощью определённых действий, направленные на массово уязвимые объекты (мирное и беззащитное население) с определёнными политическими целями. Современный политический терроризм, активно проявивший себя в 90-е гг. XX в., унаследовал у своих предшественников все основные черты политического насилия. Криминалисты и аналитики отмечают, что террористические акты из года в год становятся всё более тщательно спланированными и организованными, осуществляются с использованием самой современной техники, оружия и средств связи.

Только совместные и слаженные действия государственных структур и гражданского общества могут стать действенным и эффективным фактором противодействия, который может предотвратить дальнейшее распространение терроризма в России и привести к достижению и сохранению подлинного гражданского мира в обществе.

Литература

1. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», её происхождение, судьбы и гибель. М, 1912.
2. Витюк В. В., Эфиров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
3. Горбунов Ю. С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 51-63.
4. Мальцев В. А. Слабость порождает вседозволенность: Взрыв терроризма высветил проблемы в законодательстве // Российская газета. 1996. 24 января.

Информация об авторе:

Михайлов Олег Сергеевич — *ученик 10 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, oleg12_1999@mail.ru.*

(***Научные руководители: Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Бирюков С. В.*** *— д. полит. н., профессор*).

Полуэктов Е.Р.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ЕГО РОЛЬ В УПРАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Аннотация: *В статье рассматривается проблема политического менеджмента в современных политических процессах. Проведено различие между такими понятиями как политический менеджмент и политическое управление.*
Abstract: *The article considers a problem of political management in modern political processes. Such concepts as political management and political governance are distinguished.*

Ключевые слова: *политика, государство, политический менеджмент, политическое управление, политические процессы.*
Keywords: *politics, state, political management, political processes.*

«Разделяй и властвуй» — это конструктивное высказывание как нельзя лучше отражает деятельность людей, которые стоят у истоков власти государства и от которых зависит, в каком государстве население будет жить завтра. Исходя из этого правила «сильные мира сего» должны понимать, что, если они объединят силы в одно целое и направят их во благо становления государства, это будет намного полезнее и выгоднее для граждан страны, нежели когда будет разделение и узурпация власти в их собственных интересах. Политики, которые радеют за своё государство, которые работают на благо своего народа, всегда будут нуждаться в самом дефицитном ресурсе, а именно в управленцах-специалистах, которые заставляют исправно работать механизм под названием «государство».

Важной составляющей мира политики являются политические отношения. Под ними понимается взаимодействие субъектов политической жизни в процессе завоевания, перераспределения и реализации политической власти. В основе этих отношений лежат политические интересы, идеи и позиции, касающиеся устройства и управления обществом. Политические отношения тесно связаны с политическим процессом, определяющимся как динамический аспект политических отношений, выражающий их зависимость от системы действий людей. Политический процесс показывает, как индивиды, группы, институты власти со всеми своими стереотипами и целями взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя свои специфические роли и функции. В свою очередь, регулятором этих отношений выступает политический менеджмент.

Проблемами политического менеджмента в современной политической науке занимается ряд исследователей, в числе которых Т. В. Ляпина, Д. В. Ольшанский, Л. В. Сморгунов, И. В. Тихомирова и В. Б. Тихомиров. При всей разнонаправленности научных подходов и определений понятия «политический менеджмент» можно выделить некоторые общие особенности. В частности, это наличие эффективной организации, а также то, что управляющий субъект и управляемый объект относятся к таким политическим явлениям, как процессы и поведение.

Сущность и формы политического управления отличаются большим динамизмом. Его характер, формы и методы определяются широким кругом разнообразных внешних и внутренних факторов. Политические процессы связаны в первую очередь с закономерностями социального и технологического прогресса, их особенностями в конкретно-исторической ситуации, из-за чего возрастает большая нехватка высококвалифицированных политических управленцев. И неудивительно, что в условиях ускорения социально-экономических процессов и политических изменений в начале XXI в.

значительно возрастает роль политического управления обществом и его научной обоснованности. Отсутствие своевременной политической интерпретации современных тенденций развития и учёта их влияния при принятии решений усиливает опасность стихийного развития общественных отношений.

Особая роль политического управления связана с целеполаганием, выдвижением политической цели реформирования общества, определением стратегических приоритетов развития, прогнозированием политических последствий. С точки зрения определения понятия, политический менеджмент — это один из способов осуществления управленческих функций в политике [2]. Основное различие между такими институтами, как политический менеджмент и политическое управление, состоит в следующем: методы политического менеджмента, в отличие от государственного, не предполагают использования средств государственного принуждения. Таким образом, субъект менеджмента не может опираться на право легитимного принуждения и не имеет возможности создавать нормы, носящие общеобязательный характер. Политической целью субъекта управления является изменение политической ситуации в стране [3]. Чтобы наглядно продемонстрировать необходимость конструктивного менеджмента в политике государства, нужно соотнести структуру любой коммерческой компании с устройством какой-либо страны. Как компании нуждаются в толковых управленцах, дабы те грамотно оптимизировали работу этого предприятия, так и государственным структурам требуются менеджеры, которые будут отлично знать и грамотно исполнять свою работу.

Необходимо выделить следующие основные виды политического менеджмента:

1. Имиджмейкинг — создание определённого образа политического субъекта, работа над положительным имиджем.

2. Электоральные технологии — системные методы организации предвыборной кампании, предполагающие оказание комплексного воздействия на избирателей.

3. Технология политического союза — объединение сторонников и оппонентов вокруг лидера (избирательные блоки, парламентские коалиции и др.).

4. Технология разрешения политического конфликта, заключающаяся в поиске выхода из политического противостояния или снижения напряжения в нем.

5. Лоббизм — работа, которая направлена на оказание воздействия на лиц, имеющих право принимать управленческие решения [1].

Политика государства — это единый механизм, состоящий из всевозможных «винтиков и деталей», работу которых нужно постоянно курировать и налаживать. Если же работа хотя бы нескольких «винтиков» разладится, то под угрозой может оказаться производительность всего государства. Чтобы этого не происходило, управлением этого процесса должны заниматься первоклассные менеджеры, которые могут оптимизировать и направить работу всего государства в нужное для всего общества русло.

Таким образом, политический менеджмент — это один из видов управленческих отношений в политике, позволяющий решать такие задачи, как укрепление авторитета государственного или политического деятеля, создание благоприятных условий для деятельности государственного учреждения или политической партии путём конструирования в массовом сознании их привлекательного образа, формирование электоральных предпочтений населения, создание политических союзов и блоков, оказание влияния на противников в политических конфликтах.

Литература

1. Виды, понятие и функции политического менеджмента [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://banauka.ru/2618.html (дата обращения: 18.03.2016).

2. Политический менеджмент [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kak-bog.ru/politicheskiy-menedzhment (дата обращения: 18.03.2016).
3. Технологии управления политическими процессами [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studopedia.ru/2_60787_ tehnologiya- upravleniya- politicheskimi-protsessami.html (дата обращения: 18.03.2016).

Информация об авторе:

Полуэктов Евгений Романович *— ученик 10 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, poluektov-99@mail.ru.*

(***Научные руководители: Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Омеличкин О. В.*** *— д. полит. н., професор*).

Соснина К. О.

PR-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: *В статье анализируется возросшая в современном информационно-коммуникационном мире значимость использования политических PR-технологий в сфере государственного управления. Автором делается вывод о том, что политический PR хоть и имеет манипуляционную природу, но в современных демократических государствах он стал неотъемлемым инструментом, оказывающим значительное влияние на общественно-политическую жизнь государства.*

Abstract: *The article examines the increased importance of using political and PR technologies in the field of public administration in modern information and communication world. The author concludes though the political PR has a manipulative nature, but in modern democracies it has become an integral tool, which has a considerable influence on social and political life of the state.*

Ключевые слова: *PR-технологии, политический PR, предвыборные кампании, общественное сознание, государство.*

Keywords: *PR-technologies, political PR, election campaign, social consciousness, the state.*

PR-технологии в России начали активно развиваться в начале девяностых годов XX в. Ранее они являлись частью рекламного рынка. С развитием демократии граждане нашей страны стали больше интересоваться политикой. Даже российские школьники начали цитировать государственных деятелей, а значит, участие граждан в политической жизни страны стало приобретать массовый характер. Но так ли это, сможет показать высокая явка избирателей в единый день голосования 18 сентября 2016 г. Прежде чем проголосовать, школьникам как будущим избирателям важно знать политические PR-технологии, используемые политиками в избирательном процессе.

По мнению Д. Доти, паблик рилейшнз (связь с общественностью) — это инструмент менеджмента, целью которого является создание доверия его аудитории [1, с. 12]. В свою очередь, политический PR — это деятельность организаторов связи с общественностью, специализирующихся на создании атмосферы доверия отдельных индивидов, социальных групп к органам государственной власти, общественно-политическим организациям [2, с. 18].

В 1807 г. третий президент США Джефферсон в своём обращении к конгрессу впервые употребил понятие «связь с общественностью» [1, с. 7]. Но только спустя столетие оно получило широкое распространение как самостоятельная наука и профессия.

Эдвард Бернейз, которого называют отцом пиара, говорил, что «PR — усилия, направленные на то, чтобы убедить общественность изменить свой подход или свои действия, а также на гармонизацию деятельности организации в соответствии с интересами общественности и наоборот» [3]. Несмотря на то, что этой проблемой начали интересоваться ещё в XIX в., она приобрела актуальность только в современном обществе, так как её развитие присуще, прежде всего, демократическим государствам, поскольку только демократия предполагает представительную власть, формируемую в ходе выборов. Отсюда и возникает необходимость борьбы за власть и за избирателей, которые будут отдавать свои голоса.

PR-технологии — это комплекс действий, который позволяет политическим деятелям влиять не только на мнение отдельных индивидов, но и на государство в целом. Для этого осуществляются многомасштабные проекты. Все осуществляемые действия называются средствами пиара. Они отличаются степенью проявления. Именно поэтому эти средства разделяются на две группы. В первую группу входят PR-средства, которые занимаются сбором и анализом информации (исследования общественного мнения, «горячие линии», мониторинг радио- и телепередач и т. п.). Ко второй группе относятся средства, которые распространяют информацию (пресса, выставки, конференции, рассылки и т. п.) [4].

Следует учитывать, что PR-технологии и агитация — это не одно и то же: агитация — это часть PR-технологий. Часто возникает путаница, когда пиар воспринимают как пропаганду, которой он не является. Пиар включает в себя мероприятия, которые проводятся как во время предвыборной кампании, так и до её начала. К пиару относятся социологические исследования, разработка стратегий, юридическая защита, информационное противодействие, использование СМИ и наружной рекламы, а самое главное — имидж-сопровождение кандидатов. Чаще всего особое внимание уделяется лидеру политической партии, так как именно с его фигурой (личностью) ассоциируется деятельность всей политической организации. При упоминании о какой-либо партии в сознании человека появляется образ партийного лидера. Но так как пиар — это связь с общественностью, то не стоит забывать и об общественно значимых мероприятиях [5]. Многие члены партий стараются повлиять на социализацию граждан, а именно помочь поднять уровень политической культуры, особенно молодёжи. Они считают, что диалог с населением необходим для образования доверительных отношений. Одной из особенностей PR является воздействие на общественное сознание с целью изменить его. И не стоит критиковать PR-технологии за то, что впоследствии происходят манипуляции и управляющие воздействия. Если их исключить — исчезнет и PR как феномен современных коммуникативных технологий.

Таким образом, можно говорить о том, что свойства и особенности общественного сознания определяют методы воздействия на него, а использование PR-технологий в информационно-психологической войне само по себе подразумевает использование манипуляций и воздействий.

Такая стратегия предполагает серьёзную аналитическую работу и наличие у организации целостной картины мира, глобального проекта по устройству страны, наличие системы идеологии, кадров, которые способны воплотить задуманное. Этим и достигается плодотворная деятельность PR-кампаний, направленная на формирование определённых политических взглядов.

Таким образом, политический PR выступает в качестве социально-политического института, имеющего важное влияние на ход политического процесса в условиях

демократии, способствующего активности масс, мобилизации широких слоёв населения и вовлечению их в решение насущных политических задач.

Литература

1. Доти Д. Паблисити и паблик рилейшнз. М., 2006.
2. Чумиков А. Н. Связи с общественностью. М., 2000**.**
3. Тодер М. В. Эдвард Бернейз — отец пиара [Электронный ресурс]**.** Режим доступа: http://www.virtass.ru/admin/pics/25_05_IO.pdf (дата обращения: 19.03.2016).
4. Королько В. Г. Основы паблик релейшенз. М., 2007.
5. Кузнецов В. Д. Связи с общественностью. Теория и технологии. М., 2007.

Информация об авторе:

Соснина Кристина Олеговна — *ученица 11 класса МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк, soskristina18@gmail.com*

(***Научные руководители: Хорошилова Т. В.*** *— учитель обществознания МБНОУ «Гимназия №44» г. Новокузнецк,* ***Матвеева Е. В.*** *— д. полит. н., профессор*).

О РЕГИОНАЛЬНОМ МОНИТОРИНГЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Интервью с кандидатом исторических наук, доцентом кафедры политических наук, заместителем декана факультета политических наук и социологии КемГУ по учебной работе, руководителем рабочей группы регионального мониторинга экстремистских проявлений Шиллером Вадимом Викторовичем

— «В начале было Слово…» — гласит святейшая книга на Земле. А что было в начале Вашей деятельности по мониторингу экстремистских проявлений? Что вдохновило Вас взять именно эту тему для исследования?

— Вначале был личный интерес к анализу виртуальных социальных сетей как новой информационной реальности, активно влияющей на глобальные, страновые и региональные политические процессы, в том числе, носящие деструктивный характер. Интернет и функционирующие на его основе сетевые площадки вобрали в себя гигантское количество информации, живущей по своим законам и оказывающей серьёзное воздействие на пользователей, среди которых значительный сегмент был представлен учащейся и работающей молодёжью. В числе изученного нами материала оказалась большая совокупность идей, отражённых в видео, аудио и текстовом формате и нацеленных на возбуждение вражды либо ненависти к человеку или группе лиц по национальному, религиозному, расовому и социальному признакам. Структура этого контента свидетельствовала о двух тенденциях. Первая была связана с отражением в головах у молодёжи деструктивных идей, а вторая — с влиянием этого контента на тех, кто ещё не определился в своих взглядах. Сделав логический вывод о безусловном влиянии ресурсов социальных сетей на сознание учащейся молодёжи, необходимо было подкрепить его эмпирическими данными. Так родилась идея мониторинга, нацеленного на диагностику экстремистских проявлений, выявляемых путем анкетного опроса в корреляции с ресурсами виртуальных социальных сетевых площадок.

— Безусловно, уже проделана большая работа в разработке данной темы. В какие временные рамки Вы планируете поставить своё исследование? Или оно будет бессрочным?

— Предполагается, что мониторинг будет действовать на постоянной основе без какого-либо ограничения по времени. Пока будет существовать потребность в диагностике экстремистских проявлений в индивидуальном и общественном сознании населения России — мы будем работать.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, в чём заключается главная идея и смысл мониторинга экстремистских проявлений? Какие механизмы задействованы в разработке данной темы?

— Суть любого мониторингового исследования заключается в отслеживании каких-либо процессов через изменение заданных индикаторов, выявляемое путём серии замеров через определённые временные интервалы. Индикаторы наиболее адекватно отражают структуру динамично развивающегося объекта и, как правило, представлены количественными показателями, что позволяет осуществлять сравнение и показывать динамику его изменения. Временные интервалы могут иметь разные сроки — от месяца до 10 лет. В нашем мониторинге индикаторами, отражающими экстремистские настроения и проявления, являются: отношение к нерусским национальностям, иным конфессиям, нацисткой символике и символике организаций, признанных в России экстремистскими,

Гитлеру и его соратникам и т. д. Каждый индикатор оценивается по четырёхбалльной шкале, где спектр оценок колеблется от «недопустимо» до «допустимо». По каждой оценке осуществляется подсчёт количества выборов и полученные результаты по всем индикаторам в абсолютной и относительной формах забиваются в базу данных. Данные обобщаются по учебным заведениям, населённым пунктам, возрастным, гендерным и профессиональным группам, а также в целом по области. По динамике количественных показателей мы делаем вывод о состоянии уровня экстремистских проявлений в каждой группе, оценивая ситуацию по шкале от «благоприятной» до «критической». На следующем этапе данные по каждой из групп для корректировки полученных результатов сравниваются, и формулируются итоговые выводы по конкретному срезу. Например, если в процессе сравнения выясняется, что женская группа по совокупным количественным индикаторам опережает мужскую, или среди носителей экстремистских установок появилось значительное число лиц зрелого возраста — самое время бить тревогу. Ситуация может оцениваться как близкая к критической или критическая, поскольку в силу психофизиологических и социальных особенностей среди этих групп радикально настроенных людей в обычных стабильных условиях традиционно меньше. Количественный рост числа радикально настроенных девушек и лиц зрелого возраста свидетельствует о наличии каких-то латентных факторов, детерминирующих рост подобных настроений. В процессе работы мы провели две волны исследований: в марте–апреле и сентябре–октябре текущего года. Полученные результаты показали, что за это время произошёл рост экстремистских настроений и выбранный интервал целесообразен для проведения мониторинговых замеров. Поэтому проводить социологические опросы для каждого мониторингового среза или волны мы будем раз в четыре месяца, и третья волна сбора информации по индикаторам у нас стартует в январе, а завершится в феврале 2016 года.

— Имеется ли у Вас определённый план работы по экстремистскому мониторингу и какой отдачи Вы желаете получить от своего труда?

— План работы по разворачиванию мониторинговой сети на территории ряда регионов России и стран ближнего зарубежья у нас есть, и он уже понемногу начинает реализовываться. Наша сеть уже запущена в ряде учебных заведений Новосибирской области, интерес проявили коллеги из Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Отдачу я вижу в том, что наш мониторинг, работая на диагностику, позволит вовремя выявить и нейтрализовать негативные факторы, влияющие на рост экстремистских настроений, что позволит избежать социально-политических потрясений страны в недалеком будущем.

— Вадим Викторович, над данной темой Вы трудитесь один или у Вас есть команда?

— В одиночку такие проекты не реализуются, поэтому я работаю с командой, включающей в себя моих коллег по факультету и наш главный ресурс — студентов. На этапе создания рабочей группы регионального мониторинга экстремистских проявлений моими заместителями стали Вероника Александровна Вольхина и Елена Владимировна Шапкина, с которыми мы продумывали и определяли этапы работы, корректировали предложенную мною концепцию и исследовательский инструментарий. На первом этапе в составе группу работали студенты направления «Социология», усилиями которых был скорректирован социологический инструментарий, проведена первая волна мониторинговых замеров, сформирована электронная база данных. Накануне второй волны по непонятным мне причинам им запретили дальнейшую работу в составе группы, и дальнейшую работу, к моему большому сожалению, мы продолжили уже без них. Вторая волна мониторинговых замеров была проведена силами студентов 1, 3 и 4 курсов направления «Политология». Основной массив данных был собран и забит в электронные таблицы силами студентов первого курса, которые проявили серьёзную активность, опрашивая учащихся своих родных школ, студентов профессиональных учебных заведений Кемерово и области. Пользуясь

случаем, хочу от всей души поблагодарить всех студентов факультета, принимавших участие в работе по сбору и забивке данных двух мониторинговых волн: Зайцеву Настю, Древаль Любу, Копьёва Александра, Барташевич Настю, Бардокина Дмитрия, Гафурову Зарину, Чучкина Максима, Семенец Дашу, Циммер Ангелину, Ковешникова Глеба, Васильева Вадима, Баёву Алису, Мегиса Илью, Васильеву Раю. Без их неоценимой помощи наш мониторинг остался бы просто теоретической моделью, несвязанной с реальностью.

— Какие успехи/результаты/наработки уже имеются на данном этапе разработки исследования?

— На данный момент нами проведено две волны мониторинговых замеров, охвативших около 800 респондентов, проживающих в основной части населённых пунктов Кемеровской области. Промежуточные результаты мониторинговых замеров я озвучивал на заседании Общественной палаты Кемеровской области, Координационном совете города Кемерово, совещаниях ряда администраций городов и районов Кузбасса, а также в выступлениях перед преподавательским составом и обучающимися общеобразовательных и профессиональных учебных заведений области. С руководством ряда территорий и учебных заведений достигнута договорённость о проведении исследований динамики экстремистских проявлений в мониторинговом режиме, а также реализации пакета профилактических мероприятий. Обобщённые результаты работы мониторинга я озвучил в интервью областной газете «Кузбасс», опубликованном в 177 номере от 25 ноября 2015 года. Данные интервью были растиражированы другими изданиями и вызвали определённый резонанс, в том числе и в националистических кругах.

— Как к данному проекту относится руководство факультета, наш декан В. В. Желтов?

— Виктор Васильевич всегда поддерживает любые инициативы преподавателей кафедры, и наш проект не стал исключением. Он очень положительно оценивает его перспективы и оказывает административную поддержку его реализации.

Интервью взяла: *Барташевич Анастасия, студентка 3 курса направления «политология» факультета политических наук и социологии КемГУ*

Шапкина Е. В.

НОВЫЙ КАЗАХСТАН: ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ ПО ПРОГРАММЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *Статья посвящена прохождению программы дополнительного профессионального образования в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилёва (Астана, Казахстан) старшим преподавателем кафедры социологических наук КемГУ. Рассматриваются вопросы организации учебного процесса в университете, практика защиты диссертаций, проведения форумов, состояние культурной сферы столицы.*

Abstract: *The article is devoted to passing a program of additional vocational training in the Eurasian National University named after L. N. Gumilev (Astana, Kazaskhtan) by Senior Lecturer of Department of Sociology of KemSU. The problems of organization of educational process at the university, practice of defense of the thesis and holding forums, the state of the cultural sector of the capital are viewed.*

Ключевые слова: *программа дополнительного профессионального образования, Евразийский государственный университет, Казахстан, Астана, Кемеровский государственный университет.*

Keywords: *program of additional vocational training, Eurasian National University, Kazakhstan, Astana, Kemerovo State University.*

Мне представилась замечательная возможность побывать в Евразийском национальном университете имени Льва Николаевича Гумилёва по программе дополнительного профессионального образования. Обучение длилось две недели и проходило в столице Казахстана, в городе Астана, что переводится как «столица». До 1997 года этот город назывался Целиноград. Столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты.

Левый берег, Астана

Вид с башни Байтерек, Астана

Обучение проходило на кафедре телерадио и связей с общественностью на факультете журналистики и политологии ЕНУ, а также на кафедре социологии факультета социальных наук Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва.

Главный корпус Евразийского национального университета

Я посетила интересные занятия и мастер-классы коллег социологов и специалистов по PR: «Стратегический консалтинг в PR», «Основы PR в бизнес-структурах», «Организация работы пресс-службы и отдела по PR», «Стратегия социологического исследования», «Сетевой анализ» и др. Занятия проходили весьма динамично и интересно. В результате мне был выдан сертификат о прохождении программы дополнительного профессионального образования «Современные технологии связей с общественностью».

В ЕНУ обучаются студенты и магистры, на факультетах есть несколько групп: группы, обучающиеся на русском, казахском и на английском языке. В Казахстане в плане развития карьеры приветствуется трёхъязычие. К сожалению, число групп обучения на русском языке каждый год становится всё меньше.

То, что казахстанцы, как и многие другие в СНГ, постепенно отходят от употребления

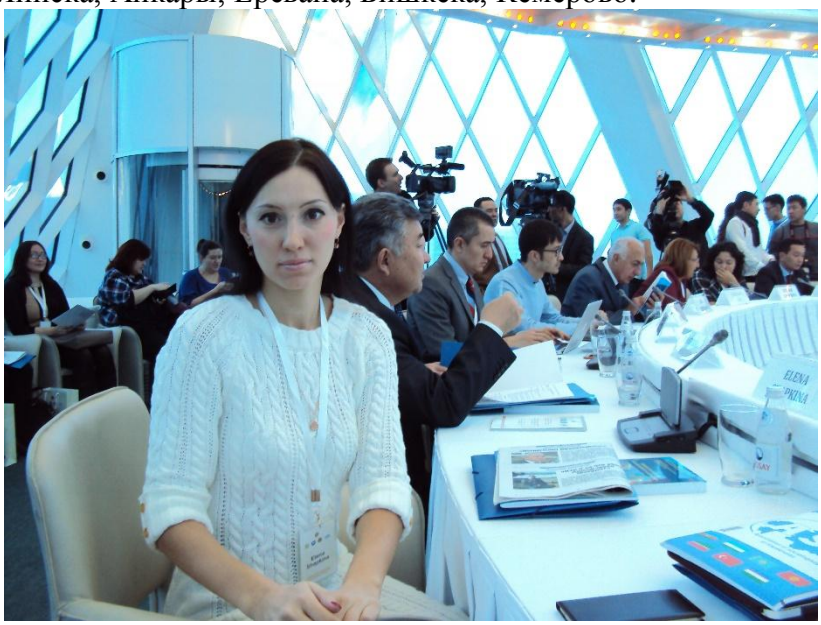
русского языка, является проблемой России, её отношений с соседями по бывшему «общежитию», работы, проводимой с этими соседями.

Обучение строится по системе кредитов, то есть кредиты даются за посещение занятий, выполнение заданий, сдачу экзамена, а зачётов у них нет. Занятия длятся по 50 минут, перемена 10 минут. Пара длится 2 занятия по 50 минут. Вместо раздражающего дребезжащего звонка, привычного всем нам, в стенах ЕНУ звучит приятная национальная мелодия.

Коллеги пригласили меня присутствовать на защите диссертации на степень PhD (Philosophy Doctor), произносят сокращённо — «Ph Doctor», т. е. доктора философии по специальности «Социология» Абдикакимова М. Т. на тему «Изменения в базовых ценностях и межпоколенческие различия в Республике Казахстан». Ph Doctor — это аналог степени кандидата наук в РФ. В Казахстане перешли на западную систему и больше не защищают кандидатские и докторские диссертации. Защита кандидатских и докторских диссертаций прекращена с конца декабря 2009 года. Казахстан подписал Болонскую декларацию о трёхступенчатом образовании — бакалавр, магистр и доктор PhD.

Защищаемая диссертация о ценностях была интересна тем, что опиралась на исследование Рональда Инглхарта, американского социолога, 40 лет изучавшего ценности по всему миру, и включившего также жителей Казахстана в своё исследование. Научным руководителем диссертанта была профессор, доктор социологии Забирова Айгуль Тлеубаевна. Профессор свободно владеет кроме русского и казахского английским языком, имеет возможность часто бывать в научных поездках в разных странах. Нужно отметить, что в ЕНУ очень тесные международные научные связи, преподаватели часто проходят зарубежные стажировки и принимают участие в форумах и конференциях в США, Испании, Японии и других странах. Часто зарубежные профессора по приглашению университета читают лекции казахстанским студентам.

27 ноября состоялся Астанинский социологический форум, посвящённый Дню Первого Президента Республики Казахстан. В нём принимали участие представители Ассоциации социологов Казахстана при поддержке администрации Президента, Министерства культуры и спорта, Министерства образования и науки Республики Казахстан, акимата Астаны. В числе зарубежных гостей этого форума были социологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Анкары, Еревана, Бишкека, Кемерово.



Работа Астанинского социологического форума, 2015 год

Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев сумел поставить социологию на службу стране ещё в начале 90-х годов. Позже была создана Ассоциация социологов Казахстана (13 лет назад). Социологи изучают структуру казахстанского общества, его ценности и практики. В 2012 году была объявлена Стратегия «Казахстан 2050», и в целях углублённого изучения её положений в рамках трёхлетнего Тематического плана социологи совместно с другими учёными-гуманитариями в государственных научно-исследовательских институтах и негосударственных исследовательских структурах выполнили около 50 научных проектов. На данном форуме подводились итоги Тематического плана и формировалась новая гуманитарная повестка для продвижения Плана нации и институциональных реформ. На форуме были представлены результаты современных исследований по межэтническим, религиозным вопросам, формированию «нулевой терпимости» к беспорядку и коррупции.

Астанинский социологический форум проходил в уникальном красивейшем здании — во Дворце мира и согласия, в «Пирамиде». Под куполом этого дворца, где 27 ноября собрались социологи, раз в три года проходит съезд глав мировых конфессий. Удивительно, что в этом здании лифт едет вверх под углом.

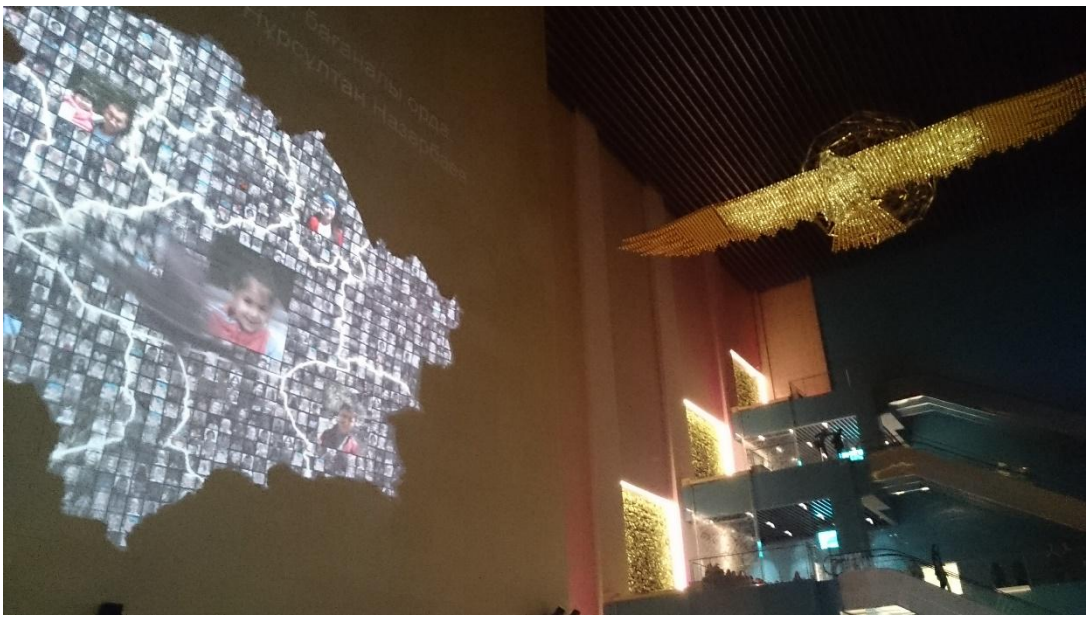
Дворец Мира и Согласия

Вечером, после окончания работы форума, все гости были приглашены в Театр оперы и балета «Астана-Опера» на оперу «Абай». Опера звучала на казахском языке, но над сценой был расположен монитор с русским и английским переводом. В дни проведения форума для зарубежных гостей были организованы экскурсии в Парламент, во Дворец Независимости и Национальный музей.

Экскурсия в двухпалатный парламент Республики Казахстан, высший представительный орган республики, осуществляющий законодательные функции.

Экскурсия в двухпалатный парламент Республики Казахстан

Национальный музей, казахский костюм невесты



Национальный музей, беркут — символ Казахстана

26 ноября состоялось интересное мероприятие, на которое меня пригласил декан факультета журналистики и политологии Кайрат Омирбаевич Сак. Телеканал «Казахстан» под девизом «Сделано в Казахстане» презентовал новые проекты. Во время мероприятия помимо презентации был накрыт дастархан, который отличался изобилием казахстанских продуктов. Гости мероприятия могли попробовать бауырсаки, курт, кумыс, шубат и отечественные конфеты.

Звезды телевидения Казахстана

Во время мероприятия были презентованы новые проекты телевизионного сезона 2015–2016 гг., который начался в сентябре. Стоит отметить, что казахстанцы создают свой собственный телевизионный продукт — новые телесериалы, ток-шоу и программы в режиме реального времени. Телеканал «Казахстан» снял для нового сезона 12 сериалов, все они будут показаны до конца 2016 года.

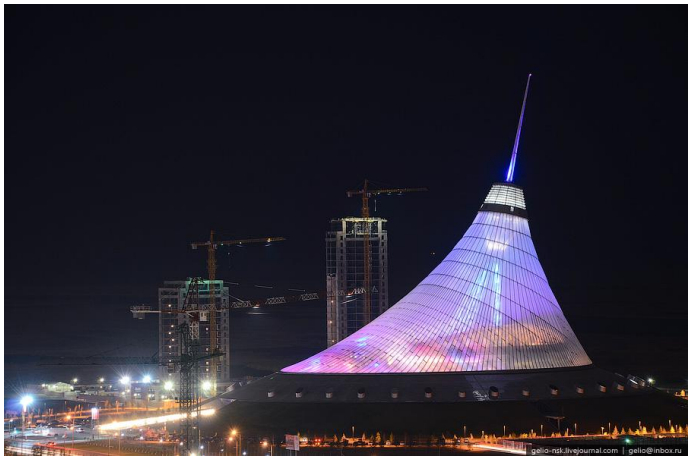
По данным аудиторных показателей, в рейтинге отечественных сериалов в эфире телеканала «Казахстан» они не уступают сериалам иностранного производства. Сотрудники телеканала прилагают все силы, чтобы позитивно и созидательно влиять на своего зрителя, стремятся быть полезными аудитории, информировать, обучать, развлекать и быть максимально интерактивными. Активно внедряются новые технологии медиаиндустрии по усовершенствованию контента, графического дизайна и оформлению эфира. На презентации телепроектов и подведении итогов телевизионного года присутствовали представители администрации президента Республики Казахстан, депутаты Мажилиса парламента, представители ряда министерств, общественные деятели, руководители СМИ и популярные

журналисты.

Казахстан преодолел кризис становления, нация последовательно реализует стратегические цели в области экономики, технологического, социального и культурного развития. В Астане был создан университет мирового уровня — Назарбаев университет. Казахстаном выполнялись крупные международные миссии, проводились съезды лидеров мировых и традиционных религий.

Астана — это очень красивый, новый, динамично развивающийся современный город с весьма необычной архитектурой. В Астане много достопримечательностей, остановлюсь на двух: это Байтерек и Хан-Шатыр.

Хан-Шатыр — это торгово-развлекательный комплекс, вошедший в книгу рекордов Гиннеса как самый большой шатёр в мире. Его высота почти 152 метра, «стены» шатра выполнены из прозрачного полимерного волокна, которое не только пропускает свет, но и обладает высоким уровнем теплоизоляции. Благодаря этому в шатре круглый год держится летняя температура воздуха. Внутри расположены магазины, кафе, кинотеатры, спортзалы. На самом верхнем этаже этой гигантской палатки находится пляжный курорт с песком, доставленным с Мальдив. Огромное количество тропических растений, аквапарк и бассейны с эффектом волн, а также подогреваемый песок позволяют гостям побывать на курорте даже лютой зимой. Зимы в степях Казахстана действительно очень холодные.



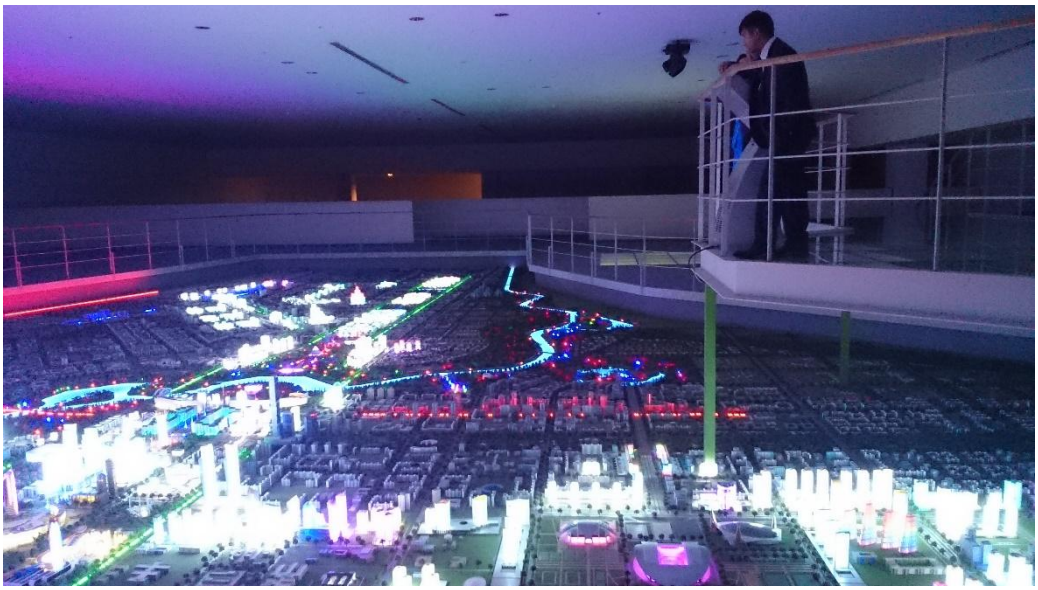
Хан-Шатыр

«Байтерек»

Национальный монумент «Байтерек» имеет глубокий философский смысл, отражающий воззрения древних кочевников. Река Ишим (левый приток Иртыша) олицетворяет Мировую реку, на берегу которой «растёт» Древо Жизни — «Байтерек». На вид «Байтерек» — огромная башня, похожая на факел, где вместо огня золотой шар.

Высота монумента символична: 97 метров (без шара) знаменуют перенос столицы из Алма-Аты в Астану в 1997 году. На смотровую площадку (в стеклянный шар с панорамным залом) поднимает скоростной бесшумный лифт. Отсюда открываются изумительные виды Астаны.

Вид со смотровой площадки монумента «Байтерек»



Макет Астаны во Дворце Независимости

По Астане курсируют новые красивые автобусы, в которых кондуктор и водители одеты с элементами фирменного стиля: рубашки подвязаны малиновыми галстуками. Кондукторы помогают пожилым людям подняться в транспорт, также у казахстанцев

принято уступать место. Парни уступают место не только пожилым людям, но и всем женщинам. Пробки в городе есть, в основном с 5 и до 8 вечера, и также утром, тогда общественный транспорт заполнен довольно плотно и едет медленно. Автобусов много, и на остановках не приходится долго ждать.

В 2017 году в Астане пройдёт Международная специализированная выставка ЭКСПО-2017, поэтому город преображается с каждым днём. Планируется в скором времени даже построить тёплые остановки для ожидания общественного транспорта.

Коллеги на кафедрах очень доброжелательны, заботливы и внимательны. Меня просто поразило это восточное гостеприимство и радушие! Меня приглашали на интереснейшие мероприятия, дарили презенты, при встрече обязательно интересовались, как мои дела, всё ли у меня хорошо.

Выражаю благодарность КемГУ и факультету ПНиС за возможность повышения квалификации в столице Казахстана и выражаю признательность за тёплый приём декану факультета журналистики и политологии Саку Кайрату Омирбаевичу, заведующему кафедрой телерадио и связей с общественностью Бейсенкулову Аязби Акбергеновичу, заместителю декана Бекеевой Лязат Куанышбаевне, заведующему кафедрой социологии факультета социальных наук Байгабылову Нурлану Оралбаевичу, профессору Забировой Айгуль Тлеубаевне и всем замечательным преподавателям, профессионалам своего дела.

Источники

1. Сайт Евразийского национального университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enu.kz/ru/.

Информация об авторе:

Шапкина Елена Владимировна *— кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук КемГУ, shapkinaev@mail.ru.*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

К публикации в журнале принимаются статьи, обзоры, краткие сообщения, дискуссионные материалы, письма в редакцию, а также серийные **статьи**, авторами которых являются академические ученые, профессора и преподаватели вузов, докторанты, аспиранты, магистранты и студенты, а также эксперты и политические публицисты. Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме, либо публицистическое произведение по проблематике журнала.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Фамилия и инициалы автора (авторов).
2. Название статьи.
3. Аннотация и ключевые слова.
4. Текст статьи.
5. Список источников и литературы.
6. Информация об авторе, включая расшифровку ФИО, место работы и должность, e-mail.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 12, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 12, полужирный, курсив.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» (либо «Источники и литература»). Оформляется по ГОСТ 7.1-2003.

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ежеквартальный научный журнал

Ответственный редактор В. В. Шиллер

Дизайн обложки С. В. Усольцева

Подписано к печати 30.03.2016

Формат 60x84⅛.

Печать офсетная.

Печ. л. 12,75; усл. печ. л.12,25

Тираж 100 экз. Заказ № 59837

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»:
г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28, офис 215
тел.: (3842) 657-893, 657-889,
сайт: www.v-int.ru, e-mail: typoint@mail.ru